

Виктор Тужа

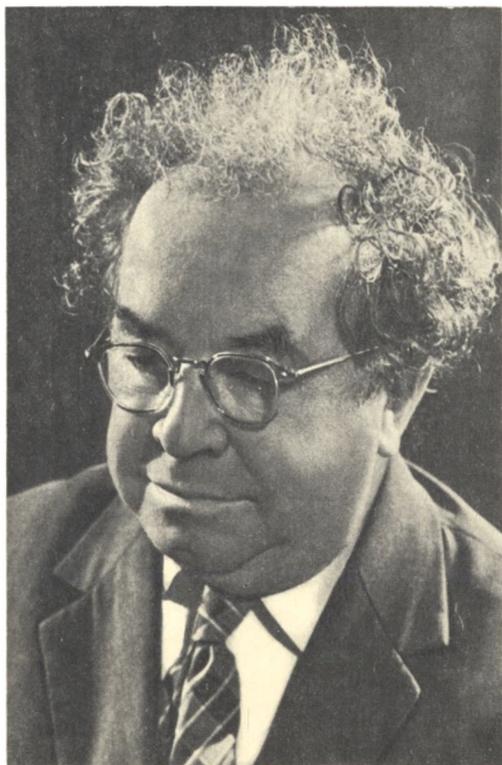
ЕВГЕНИЙ
ЕРМЯК

Очерк творчества

Издательство „Детская литература“

Ев. Теренин

Виктор Тура

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

Очерк творчества

МОСКВА • „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ • 1982

8P2 ББК 83. ЗР7

Х у д о ж н и к Ю. Ж и г а л о в

Г $\frac{460300000-362}{M101(03)82}$ 530-82

Глава первая
ДОРОГОЙ ЖИЗНИ
РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК — ЕГО ГЕРОЙ

Случилось так, что сказку «Как огонь воду замуж взял» услышал я впервые из уст ее автора. Было это поздним вечером на берегу Черного моря. Мы отдыхали после жаркого рабочего дня. Писатель рассказывал сказку так, словно только что сочинил ее, глядя на огненное зарево заката, на совсем притихшее к ночи море. В глазах его искрилась едва уловимая хитринка. С каким-то озорством мастера, делающего привычное дело и тут же творящего, он подгонял слово к слову:

«Затосковал Огонь, загоревал. По лесам, по деревьям пожарами загулял. Так и носится, только рыжая грива по ветру развеивается. Гулял так Огонь, горевал Огонь да встретился с толковым мастеровым человеком. Иваном его звали. Огонь в ноги ему пал. Низким дымом стелется. Из последних сил синими языками тлеет:

— Ты мастеровой человек, ты все можешь. Хочу я разбой бросить, хочу я своим домом жить. Воду замуж взять хочу, да так, чтобы она меня не погасила и я ее не высушил...»

А спустя несколько лет в книге для школьного чтения встретилась мне еще одна совсем маленькая, но такая же мудрая и отточенная в каждой фразе сказка Евгения Пермяка. Вот она:

«Петя с дедушкой большими друзьями были. Обо всем разговаривали. Спросил как-то дедушка внука:

— А для чего, Петенька, людям руки нужны?

— Чтобы в мячик играть, — ответил Петя.

— А еще для чего? — спросил дед.

— Чтобы ложку держать.

— А еще?

— Чтобы кошку гладить.

— А еще?

— Чтобы камешки в речку бросать...

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал. Только по своим рукам обо всех других судил, а не по трудовым, рабочим рукам, которыми весь белый свет держится».

Сказка эта, скорее всего, рассказана не только детям. Ее внутренний смысл перекликается с той полемикой, в которой писатель не устал горячо утверждать в детской и юношеской литературе великое значение труда.

«Закладывать основы коммунистического мировоззрения, — считает Евгений Пермяк, — это значит прежде всего влюблять детей в общественно полезный труд как во владыку мира, всемогущего великанища, подвластного только человеку. Свободному человеку»¹.

Не однажды и не только себя спрашивал писатель, размышляя о трудовом воспитании молодежи:

— Является ли трудовая тема главенствующей в детской и юношеской литературе? Не слишком ли много прыгает на ее страницах бездельных и бесцельных «лягушек-поскакушек» и «зайчиков-попрыгайчиков»? Не чересчур ли отвлеченно мы любимся цветочками, лепесточками, мотыльчками?

Но его собеседник, читатель статьи «Главный источник жизни»², сомневается:

— Может быть, вы утверждаете, что детская литература должна быть прикладной?

— Но ведь и в ней, — продолжает свою мысль Евгений Пермяк, — пчелка может летать, всего лишь резвясь и купаясь

¹ Е в г. П е р м я к. Раздумья о трудовом воспитании. — Экономическая газета, 1961, 4 сент., с. 31—32.

² Е в г. П е р м я к. Главный источник жизни. — Юношеская печать, 1958, № 1, с. 37—40.

в золотых лучах солнышка, а может, летая, опылять цветы и собирать нектар. Такого рода пчелка, при всех ее поэтических достоинствах, все-таки оставит «трудовой след» в душе ребенка.

Не раз приходилось Евгению Пермяку выслушивать и такие упреки:

— Так что же, вы, пропагандируя трудовую тему, хотите подменить в литературе человеческие отношения описаниями производственных процессов, увести детей из мира морально-этических категорий, из мира становления высоких духовных качеств в мир машин? Вы хотите подменить тему как и кем быть темой кем быть — слесарем или токарем, забывая, что человек прежде всего должен быть человеком.

— На это можно ответить просто, — заявляет своим оппонентам Евгений Пермяк, — кем быть всегда включает в себя и понятие как и кем быть. Я думаю, никто не собирается воспитывать только тракториста или только доярку, не заботясь об их моральных устоях, о высоких нравственных качествах... Наша главная задача, чтобы книга стала «волшебным лукошком» сеятеля, чтобы воспитывала она коммунистическое мировоззрение... Ребенок, начиная с первых ступеней знакомства с внешним миром, должен знать, что все в мире — и телефон, и телеграф, и ложка, и стол, и скатерть, и хлеб, и свет — не появилось само по себе. Он должен знать, что все обязано труду человека — этой величайшей силе сил... Он должен знать, что и школу построил тот же великий волшебник — Труд, и что придет время, когда его маленькие руки будут сильными, как у отца, как у дедушки, а его умная головка будет еще умнее, и он тоже начнет трудиться и тоже будет делать счастливыми людей.

В этом самом месте, может быть, незримый оппонент снова подумает, что автор статьи «Великий волшебник» сбивается на инструкцию «о производственных процессах». Мы вправе в таком случае спросить вместе с писателем:

— Разве это все инструкция о производственных процессах и разговор о том, как тесать и пилить, рубить и колоть? Разве это не главная задача литератора, пишущего для детей, бросающего в детскую душу зерна трудового, коммунистического мировоззрения?!

И если нашему оппоненту хотя бы на минуту покажется, что речь идет об описании трудовых процессов, мы вправе

ответить ему словами Евгения Пермяка из той же статьи «Великий волшебник»:

— Речь идет о художественной литературе, пронизанной трудовым мировоззрением. О литературе, где труд утверждается не только обязательным условием жизни, не только ее главным источником, но и наивысшей радостью человека... Мне кажется, что труд и в жизни и в литературе — это белок, без которого невозможна ни жизнь, ни литература¹.

Большую школу трудовой закалки прошел и сам писатель. Труд для него всегда был и остается творческой потребностью. Он многое опробовал своими руками, работал с пильщиками, плотниками, каменщиками, сложил несколько печей, возводил срубы, превратил нежилой чердак бывшего ломбарда в помещение для редакций газеты «Всходы коммуны» и журнала «Живая театрализованная газета».

Как в детстве, так и в молодости, а равно в годах, именуемых преклонными, Пермяк увлекался самыми неожиданными делами: от шитья сапог и ботинок до серьезных строительных сооружений. Да и теперь не простые поделки влекут его, а активный отдых в труде с токарными или слесарными инструментами.

Доводилось мне, и не однажды, заставить писателя отнюдь не за письменным столом. В рабочем комбинезоне, с натертыми от частого общения с лопатой мозолями на ладонях, он занят был сооружением котлована для бассейна, который должен заполниться водой каким-то хитроумным и в конце концов осуществленным способом.

О бассейне такой конструкции я потом прочитал в журнале «Наука и жизнь». Кстати, здесь же писатель неоднократно уже рассказывал о том, что опробовано его руками. Эти заметки, названные для себя «О самоделках», чем-то особенно дороги писателю, хотя он и не считает их своим жанром.

Сооружение вегетационного домика, изобретение простейшего приспособления для пересадки в любое время года кустов без повреждения корневой системы не имеют, казалось бы, никакого отношения к литературной работе, а между тем нераздельны с нею.

«Когда я строил никому не нужный и никем потом не засе-

¹ Евг. Пермяк. Великий волшебник. — Лит. газ., 1959, 26 марта, с. 2.

ленный вольтер, — как-то рассказывал мне Евгений Пермяк, — и в голову не приходило, что в это время «писался» черновой вариант повести, который потом перешел на бумагу».

Более полувека работает Евгений Пермяк в литературе. Все творчество свое он посвятил поискам «тайны цены» человеческого труда. Только в нем писатель видит «цену всех цен, корень всех ценностей-драгоценностей нашей земли и самой жизни»¹. Вот почему постоянный герой его книг — человек труда.

Творчество Евгения Пермяка тематически и жанрово разнообразно. Среди его книг есть и пьесы — комедии и драмы, героические представления и водевили, — романы, повести, сказки, рассказы, публицистические статьи и очерки, киносценарии. Герои его книг — люди-труженики, мастера своего дела. Писатель славит смекалку, творческий поиск умельцев, талантливых мастеровых людей.

Большой вклад в советскую научно-художественную литературу для юношества — книга Евгения Пермяка «Кем быть?».

Это путешествие по чудесной стране профессий с увлечением уже несколько десятилетий читается молодежью и взрослыми.

Книгой «Кем быть?» Е. Пермяк помог многим своим юным современникам войти в мир труда, выбрать профессию по душе, по вкусу, найти свое призвание, свое место в семье тружеников, создающих новый коммунистический мир.

Евгений Пермяк обладает завидным качеством — умением видеть многое глазами детей, разговаривать с ними непринужденно просто: то серьезно о самом важном в жизни, то с улыбкой, с шуткой, ставшей примечательной особенностью его рассказов и сказок для детей и юношества.

Знание детской психологии, непосредственность общения со своими маленькими героями выливаются в простой, мастерски отточенный рассказ о том, «Как Маша стала большой», как повзрослела и выросла в глазах взрослых трудолюбивая девочка:

«Маленькая Маша очень хотела вырасти. Очень. А как это сделать, она не знала. Все перепробовала. И в маминых туфлях ходила. И в бабушкином капоте сидела. И прическу, как у

¹ Е в г. Пермяк. Рассказы и сказки. — М.: Дет. лит., 1971. — с. 125.

тети Кати, делала. И бусы примеряла. И часы на руку надевала.

Ничего не получалось. Только смеялись над ней да подшучивали. Один раз как-то Маша вздумала пол подметать. И подмела. Да так хорошо подмела, что даже мама удивилась:

— Машенька! Да неужели ты у нас большая становишься?

А когда Маша чисто-начисто вымыла посуду да сухо-насухо вытерла ее, тогда не только мама, но и отец удивился. Удивился и при всех за столом сказал:

— Мы и не заметили, как у нас Мария выросла. Не только пол метет, но и посуду моет.

Теперь все маленькую Машу называют большой. И она себя взрослой чувствует, хотя и ходит в своих крошечных туфельках и в коротеньком платьице. Без прически. Без бус. Без часов.

Не они, видно, маленьких большими делают».

Книги Евгения Пермяка «Дедушкина копилка», «Торопливый ножик», «Тонкая струна», «Первая вахта», «Пичугин мост», «Смородинка», «Колосок», «Замок без ключа» обогатили арсенал советской детской литературы новыми оригинальными произведениями на трудовые темы.

«Только труд делает маленького человека большим, — утверждает Евгений Пермяк. — Только труд приносит счастье, почет и радость»¹.

Эта мысль, воплощенная писателем в самобытное художественное слово, становится оружием воспитания молодежи. Книги Евгения Пермяка для детей словно бы нанизаны на один стержень и объединены им. Стержень этот — посильное участие его юных героев в труде, в жизни общества. И эти славные ребята счастливы тем, что они нужны и начинают уметь делать пусть пока еще незначительные, но полезные дела. Из жизни детей Е. Пермяк отбирает такие явления их трудового участия, которые заслуживают подражания. Писатель верит, что из трудолюбивых маленьких советских граждан вырастут хорошие люди, хозяева своей страны и судьбы.

¹ Е в г. П е р м я к. Главный источник жизни. — Юношеская печать, 1958, № 1, с. 40.

Особенно много сделал Евгений Пермяк как один из создателей современной сказки. Опираясь на сказочные традиции русской народной поэзии, писатель вдохнул в этот традиционный жанр новое современное содержание. Выдумка, смелая фантазия в сказках Е. Пермяка реальна, практически оправдана, максимально приближена к жизни. В своих научно-познавательных сказках и сказках-былях писатель утверждает торжество человеческого разума, показывает, как смелая народная фантазия, светлая, неосуществимая в прошлом мечта становится явью в наши дни.

Неутомимо и плодотворно работает Евгений Пермяк и в жанре публицистики для детей. Широко известны его книги о величественном плане построения коммунизма в нашей стране, об экономике, промышленности, государственном устройстве советской державы. Широкое признание юных читателей получила книга «Азбука нашей жизни».

Трудной дорогой исканий шел писатель к созданию острого политического романа на современную тему: «Сказка о сером волке», «Старая ведьма», «Последние заморозки». Как романист, Евгений Пермяк, несмотря на неизбежные в его поисках просчеты, обогащает советскую литературу новаторским опытом. Актуальные современные проблемы он подчас вкладывает в условные по своим формам рамки. Сказка становится былью, насыщается политическим содержанием. Символика сказочных образов приходит на службу современной теме, подчиняется ей.

Выходец из трудовой уральской среды, Евгений Пермяк принес в литературу свой опыт, свою трудовую биографию. Ему не нужно было выдумывать героев. Его книги населены живыми людьми, пришедшими из жизни. Они прошли через сердце писателя, наделены его радостями и болями, живут в труде и борьбе, не кичатся подвигом и не ищут легкой доли. Созданные писателем образы несут в себе драгоценные качества человека нашего социалистического времени.

В УРАЛЕ РУСЬ ОТРАЖЕНА...

Евгений Андреевич Пермяк родился 31 октября 1902 года на Урале, где прожил половину своей жизни. Детство его прошло в Прикамье. Здесь в рабочем краю складывались первые представления о мире. Здесь рождалось преклонение перед му-

жеством трудолюбивых уральцев, их потомственной доблестью и поистине волшебным мастерством. Не только из сказок, слышанных в детстве, впитывался живой, искрометный народный язык. Сочная уральская речь, богатая красками живая разговорная стихия откладывали черту за чертой на облик мальчика, а потом юноши. Это был тот драгоценный дар, который в сплаве с жизненным опытом и привел Евгения Пермяка в литературу.

Значительная половина жизни писателя прошла на Урале. Ему и теперь кажется, что живет он там каждой своей книгой, по меньшей мере — девятью десятками из них. Не будем прибегать к арифметике, но сказанное соответствует истине: дыхание Урала ощущается почти в каждой книге, в каждом сказе и каждой сказке Евгения Пермяка. А многоцветные его тетради, объединенные в книге «Мой край», можно назвать лирическим признанием в любви к вечно родному Уралу.

В одной из тетрадей этой книги писатель восклицает: «Никто и никогда не уходил и не уйдет из своего края, как бы далеко он ни оказался от него!» А в конце книги читаем: «Для Урала найдено много лестных сравнений, потому что, кроме всех его достоинств, мой край — удивительная призма. Призма, спектр которой — все цвета, все краски бесконечно любимой и дорогой России». И, как бы находя эту концовку недосказанной, писатель обращается к стихам Людмилы Татьяничевой, выражающим созвучные ему мысли:

Как солнце в драгоценной грани,
В Урале Русь отражена.

Может быть, в своем пристрастии к Уралу Евгений Пермяк несколько субъективен. Но ведь действительно так: в родных местах и солнце всегда светит ярче и греет теплее и запахи лесов и лугов чарующи, как нигде. И писатель не устает воспевать свой родной Урал, его золотые и алмазные недра, богатые кладовые редчайших руд и самоцветных камней и главное его богатство — народных мастеров, обессмертивших себя в веках.

Предки писателя — выходцы из крепостных. Один из них плотничал на заводах казенного Урала, пробовал сколотить артель, но не был удачлив, другой пошел искать по свету счастья, стал коробейником, а потом торговал от хозяина «крас-

ным» товаром и разорился. Отец писателя, едва выбившись в мелкие почтовые служащие, скончался в казенной больнице от скоротечной чахотки. Сыну было тогда немногим более трех лет, и рос он у незамужней сестры матери.

«Годы, прожитые у моей тетушки в Воткинском заводе, — вспоминает писатель, — можно назвать первоисточником моего детства и отрочества. Очень рано я поверил в то, что начну свой трудовой путь рабочим, сначала мальчиком, нагревающим заклепки, а затем и самостоятельным рабочим, мастером, техником и, может быть, инженером. Назваться инженером было очень заманчиво, но я боялся, что для этого нужно хорошо и долго учиться. А одержимостью в познании «бездн премудростей» я не страдал. В мартеновскую печь заглянул раньше, чем в букварь. С топором, молотком, зубилом, с инструментами вообще подружился до знакомства с таблицей умножения».

Радостно было правильно решить задачу по арифметике, приятно получить три с минусом вместо ожидаемой двойки, но самым большим счастьем было сделать что-то самому: смастерить лук из можжевельникова стебля, стрелы с настоящими железными наконечниками. А еще лучше — выковать нож и скобу, переплести в школьной мастерской книгу, посадить на гипс горелку керосиновой лампы, расплавить в железной поварешке свинец, залить им круглую коробочку и получить отливку «корпуса» волчка, выпилить рамку из фанерки, слепить из глины фигурку и обжечь ее — одним словом, сделать настоящее, нужное дело. И это уже была не игра в работу, а сама работа.

«Я был убежден и не разубедился теперь, — пишет мне Е. Пермяк, — что каждый — кем бы он ни был — обязан уметь: красить, тесать, строгать, пилить, сварить щи и кашу, уметь попадать брошенным камнем в цель, вскопать огород, посадить дерево... Тем успешнее будет в своей профессии человек. В любой профессии. Этими убеждениями я обязан трудовой среде, в которой рос, людям, которых любил, может быть, прежде всего за «рукастость», за «умелость».

В детские годы для меня было бесспорным, что работающему на заводе вовсе не обязательно запоминать, какие звери населяют Австралию. Куда важнее понять, как закаляется токарный резец, чем узнать, что кенгуру — сумчатое животное, а кролики — бедствие Австралийского материка. Теперь я улы-

баюсь при этом воспоминании, хотя и считаю себя в чем-то правым».

Тогда даже волшебная сказка не могла увлечь так, как счастливая встреча с купленной в игрушечном магазине «настоящей» паровой машиной. Но разве игрушкой можно назвать паровой котел с клапаном, предохраняющим от взрыва при перегреве, с настоящим паровым свистком. От котла шел паропровод к действующим механизмам. Это — цилиндр с поршнем и кривошипом, золотник, то закрывающий, то открывающий подачу пара в цилиндр, краник, позволяющий давать тихий, скорый и очень скорый — любой ход.

Пахло настоящим мятым паром. Жаль только, что у котла не было топки, его нельзя было нагревать маленькими дровцами или углем. Вместо этого была бездымная спиртовка. А дымовая труба и настоящий дым из нее были так необходимы! Тогда можно бы стать не только машинистом, но и кочегаром. Но и этот недостаток машины-игрушки не мешал мальчику видеть себя управляющим большой паровой машиной.

Все дороги, какие бы ни избирались в детстве, вели через проходную завода. Любой цех мог стать своим цехом. Лучше, конечно, работать попеременно во всех цехах. Но нужно быть терпеливым и ждать четырнадцати лет. В эти годы его примут на завод. Но жизнь избрала иную трудовую дорогу. На какое-то время он отошел от заводов, но они не ушли из него, а годы спустя стали неразлучны с ним.

О детстве и мечтах уральских ребят писатель увлеченно рассказывает в повести «Детство Маврика».

Книгу эту Евгений Пермяк задумал давно, кажется, еще в студенческие годы. Позже такая книга даже была начата и в черновиках называлась «Уральское детство». Но что-то останавливало перо, заставляло откладывать рукопись. Может быть, новые замыслы, а скорее всего, мысль о том, что книг о детстве достаточно много создано писателями хорошими и разными.

Спустя годы опасения рассеивались, и думалось иначе. Все же в краю заводов, рудников и приисков, в краю, где рабочий класс — корень, ствол и цвет дерева жизни, самобытно, своеобразно и детство детворы. Повторить чье-то другое детство даже при желании нельзя.

«Об этом, — вспоминает Е. Пермяк, — говорил мне в своих

письмах знаменитый уральский сказочник Павел Петрович Бажов, говорили то же самое и мои родные. И я понял, что не написать об этом — значит спрятать от других самое интересное, чем я располагаю... Я твердо знал, что буду рассказывать только о Маврике и его товарищах, но на страницах рукописи появились взрослые. Появились как-то сами собой. Я их не звал, не ждал, а они вторглись в повесть и не захотели уходить, как бы доказывая этим, что детства не бывает без взрослых, как не бывает маленьких деревьев без леса... И началось невероятное. Повесть для детей уже в первом черновике превратилась в роман для взрослых, который теперь невозможно было назвать «Детство Маврика». Пришло новое заглавие — «Горбатый медведь»... Повесть «Детство Маврика» совсем было растворилась в романе для взрослых».

Сначала на страницах журнала «Москва» появилась первая книга романа «Горбатый медведь» (1965), а через год в журнале «Урал» увидела свет вторая книга этого романа. И действительно, писатель густо населил разросшееся повествование людьми разных социальных лагерей, ориентаций и партий, чтобы раскрыть всю сложность жизненных противоречий кануна Октября и донести до современного читателя всю глубину свершенного революцией великого поворота истории.

Свидетелем этих больших событий, преломившихся в тихой заводской Мильве, является главный герой повествования Маврик Толлин. Детство юного героя кончается с наступлением революции. Теперь он сам становится непосредственным участником развертывающихся в стране революционных событий, проходит нелегкий путь заблуждений и исканий и в конце романа возвращается в родную Мильву, обретая «такую нужную, такую долгожданную ясность», о которой говорит ему большевик Валерий Тихомиров: «И если человек честен, внутренне правдив, нравственно чист, если человек желает добра другим людям, — он неизбежно придет к Ленину. К ленинскому учению. К коммунизму»¹.

Роман этот был хорошо встречен критикой и читателем. Рецензенты отмечали, что «образ Маврика выписан особенно ярко и он несомненно пополнит галерею тех литературных героев, которые перестают быть для нас только книжными,

¹ Е в г. П е р м я к. Горбатый медведь: Роман, кн. 2.— М.: Сов. писатель, 1967.— с. 412.

входят в круг близких, живых друзей», что Маврикий Толлин, заняв центральное место в повествовании, не заслонил собою другие образы¹.

Сергей Баруздин пишет, что «жизнь юных героев и главного из них — Маврика — как бы является первым планом повествования, а все остальное — фоном. На самом же деле исторический фон и есть то главное, ради чего написан роман»².

И все-таки в первой книге этого романа писатель не так уж далеко уклонился от первоначального замысла. На этой основе возникла вскоре повесть «Детство Маврика» (1969), в которой образ мальчика естественно выдвинулся вперед еще больше, не заслоняя опять-таки образы сверстников и взрослых, через которых он постепенно познает окружающий мир, сложность открывающихся ему общественных отношений.

«Большинство персонажей повести «Детство Маврика», — сообщает в одном из писем ко мне Евгений Пермяк, — либо собирательны, либо полностью порождены воображением. К ним относятся Иван Макарович Бархатов, Сонечка Краснобаева, поп Михаил, урядничиха Манефа, Киришбаумы, Турчанино-Турчаковский, младший Тихомиров, пристав Вишневецкий, Мартыныч, Кулемин — всех не перечислишь. И даже тетка, дед, мать Маврика, имея некоторые внешние сходные черты с их прототипами, разнятся с ними внутренним миром, поступками, многим другим. Одних я щедро возвеличил, других безжалостно низвел. К первым относятся: заглавный герой произведения, его тетка, старик Тихомиров, Лера Тихомирова... Ко вторым все те, на кого я не пожалел черных чернил. Были или не были они в жизни — все равно изображены они пристрастно и «перетемнены». Иначе, видимо, я не мог поступить. Не всегда руке писателя подвластно его перо. Не я первый сказал эти слова, думаю, не я последний повторяю их, начиная, кажется, в чем-то оправдываться. Если это так, значит, в чем-то я не считаю себя правым...»

Многие из прототипов стали лишь «точками отправления» в создании персонажей, необходимых для свободно, без оглядки развертываемого повествования, насыщенного типичными для своего времени идеями, жизненными столкновениями.

¹ Известия, 1965, 29 апр., № 100, с. 3; Лит. Россия, 1967, 17 февр., № 8, с. 11.

² С. Баруздин. Судьбы народные. — Правда, 1967, 17 янв., № 17, с. 4.

«Некоторые спрашивают, не является ли «Детство Маврика» автобиографической книгой,— обращается к читателю Евгений Пермяк в предисловии к этой книге.— На это я всегда отвечал: нет. Так же я отвечаю, если и у вас закрадется подобное предположение. Но все же на свете нет писателя, жизнь которого и жизнь окружающих не сказались бы на его произведениях. Не избегал этого и я, наделив действующих лиц повести некоторыми чертами и характерами людей, которых я знал, любил или ненавидел. Зачем скрывать: мне хотелось, чтобы мое детство было похоже на Мавриково. Но уву... Нельзя изменить прожитого, исправить минувшее. Да, этого нельзя сделать, но можно отдать другому мальчику все самое лучшее, что было в тебе и твоих товарищах. И заставить этого другого, рожденного тобой, мальчика жить на белых листах повести таким, каким ты не был, но хотел бы быть».

И Евгений Пермяк заставил своего юного героя, может быть слишком рано, жить активными общественными интересами, большими революционными событиями кануна Октября, которые пришли и в тихую рабочую Мильву, на Мильвенский завод, похожий на многие заводы Урала.

Вместе со старшими и своими юными друзьями Маврик сбрасывает корону с монумента горбатого медведя, стоявшего у мильвенского пруда и олицетворявшего самодержавие, топтавшее русский народ долгие века. Подросток смело и радостно идет навстречу времени, еще таинственному, но прекрасному будущему.

СИБИРЬ, СТЕПИ КУЛУНДИНСКИЕ

Трудовая юность будущего писателя началась не на заводе, о котором он мечтал, а в деревне. В начале двадцатых годов, на исходе гражданской войны, в памятные годы разрухи, в трудные голодные дни становления молодой Советской Республики семнадцатилетний парень оказывается на продовольственном фронте, в бескрайних Кулундинских степях.

«Деревушка Лисянка, где я прожил два года,— вспоминает герой рассказа Е. Пермяка «Страничка юности»,— хотя и не находилась на краю земли, но мы в те годы чувствовали себя так далеко от губернского города Омска, что време-

нами не верилось, есть ли этот Омск и существуют ли города вообще.

Осень и зима, особенно первая половина зимы, были очень тяжелым временем. Хлеб нужно было не только собрать и сохранить, но и отправить, что тогда, при расстроенном транспорте, было чудовищно трудно. Спали по три-четыре часа. А иногда и того меньше.

Зато весной и летом мы освобождались от всякой работы. Многие охотились, ловили рыбу, работали по найму у местных крестьян или занимались ремеслами»¹.

Воспоминания рассказчика «Странички юности» чем-то подходят на то, что не раз приходилось мне слышать от самого писателя об этом времени его жизни в Сибири. Разные профессии пришлось познать ему в эти годы. Начав конторщиком, он оказался не способным к этому труду: и почерк не тот, и не та усидчивость, — «разжаловали» в пастухи. С этого и началось.

Пастух в те времена, когда где-то совсем рядом еще шла гражданская война, — это вооруженный всадник. Приходилось перегонять по бесконечно раздольной степи большие стада. Это — ночи при луне, ночевки в степи у костров, дозоры, встречи не только с волками, но и с кулаками. Это — тяжкая, зябкая зима и сухое, тревожное лето.

Кулунда для начинавшего самостоятельный путь юноши была суровой и незабываемой школой жизни — поиски закопанного мироедами зерна, погрузка хлебных эшелонов в голодающие губернии, охрана продовольственных обозов.

Герой другого рассказа Евгения Пермяка «Счастливое крушение», оказавшись в Сибири на изломе классовых боев, не только познавал и принимал иную жизнь, но и участвовал в ее утверждении².

Сибирь научила будущего писателя пахать и сеять, убирать урожай, косить траву конной косилкой, молоть хлеб на мельнице-ветрянке и даже выделывать овчины для собственного полубубка.

Сибирь очаровала раздольем степных просторов, запахом зреющих хлебов, полынным здоровьем, широкой старожиль-

¹ Е в г П е р м я к. Бабушкины кружева. Новосибирск: Кн. изд-во, 1967. — с. 31.

² Там же, с. 110—111

ской натурой сибиряков, бездонным богатством родного народного языка.

Сибирь наваяла почти всю книгу «Тонкая струна» и позднее написанный цикл «кулундинских» рассказов и повестей: «Дочь луны», «Саламата», «Шоша-шерстобит», «Страничка юности», «Счастливое крушение»... Впечатления тех тревожных и радостных дней, открытия нового мира и борьбы за его утверждение были настолько значительны, что юноша уже тогда готов был потянуться к перу, чтобы запечатлеть быт и нравы степных деревень и аулов, трудное утверждение в них новых человеческих отношений.

В Сибири начинались памятные дни его самостоятельной юности, и в зрелом возрасте писатель не раз возвратится к ним и к тем людям, которые навсегда вошли в его жизнь нравственной чистотой народного бытия. В лучших своих «кулундинских» рассказах, вспоминая мир и друзей своей юности, писатель нарисует трогательные образы: дочери степняка Шарыпы — хрупкой и мечтательной Манике, гордой красавицы сироты Настеньки и тихого голубоглазого Шоши-шерстобита, смелой и волевой Марьи-Саламаты и батрака Тимофея. К этим чистым душой и помыслами людям, встреченным в юности, тогда, когда так зорок глаз и остра память, возвращается писатель с радостью, чтобы и сегодня нельзя было забыть, «откуда мы шли и как далеко ушли», сохранив и умножив душевное богатство своего народа.

Сибирь закалила юношу в лишениях и труде, укрепила его нравственные силы и открыла двери в жизнь по-настоящему самостоятельную. Окрепла здесь и мечта продолжить образование, стать студентом. Обогащенный жизненным опытом, он приехал в 1923 году в Пермь. Не имея определенной профессии, оказался безработным. После долгих мытарств через биржу труда удалось определиться на работу подручным кондитера на фабрику «Рекорд».

В эти годы и были сделаны первые шаги в литературу. Рабкоровские корреспонденции, фельетоны и статьи Евгения Пермяка печатались в уральских газетах «Звезда», «Всходы коммуны», «Уральский рабочий», «На смену». Изредка проникали в печать и стихи. Это были подражательные и вычурные стихи: то уныло пессимистические, то полные абстрактного оптимизма.

В 1924 году хозяин кондитерской фабрики увольняет Пер-

мяка за рабковоровскую деятельность. Профессиональный союз пишевииков предлагает ему поступить в Пермский университет. И опять новая жизнь — бурные студенческие годы, первые литературные опыты. Евгений Пермяк сотрудничает в университетском журнале «Студент-пролетарий», ставит в клубах Перми спектакли на революционные темы, пробует сам писать пьесы о молодежи, полной пафоса переделки мира, строительства новой, социалистической жизни. Двухактная агитка «За советским букварем» (1925), посвященная актуальной тогда теме ликвидации безграмотности, была первой пьесой Евгения Пермяка. Сам же автор и ставил ее в прикамском селе Нижние Муллы под Пермью, сам же и играл в ней вместе с товарищами по университету.

Однажды в Пермь приехала группа бывших студентов Института журналистики, возглавивших известную по тем временам «Синюю блузу». «Синяя блуза» начала шумное шествие как живая газета, материал которой преподносился со сцены театральными средствами.

«Синяя блуза» буквально ослепляет студента Пермяка. Но вскоре он видит, что, поддавшись театральному успеху, «Синяя блуза» начала сбиваться с газетной линии, терять злободневность, политическую направленность, скатываться к развлекательной эстраде, к незамысловатым водевильным спектаклям.

Желание сохранить и продолжить лучшее, что было принесено «Синей блузой», привело Пермяка к созданию «Живой театрализованной газеты» («ЖТГ»). Так назывался сборник, печатавшийся вначале на стеклографе, а потом двухнедельный журнал в помощь коллективам живых газет. С этим журналом и было связано начало его литературной деятельности.

ГАЗЕТА ЖИВАЯ, ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ

Это были годы, когда широкие массы народа потянулись к знаниям. Сотни, тысячи взрослых, никогда не знавшие грамоты людей садились за парты вместе с детьми. Непослушными руками писали они первые буквы, водили пальцами по букварям, радуясь каждому прочитанному слову.

Страна переживала бумажный голод, книг и газет не хватало, их печатали на корявой оберточной бумаге. Возникали

громкие читки, чтение заменялось беседой, беседа перерождалась в устные газеты и журналы. Они постепенно оживлялись, театрализовались, включая в себя драматизированные фельетоны, передовицы-оратории, сценки-диалоги на местные темы, злободневные куплеты и частушки,— словом, все, что называется материалом газеты, находило способы и средства театрализованного выражения.

«Живая театрализованная газета» явилась родной дочерью того времени, когда печатное слово нуждалось в более доходчивом подкреплении. Она «читалась» и неграмотными. Радиовещание тогда еще только-только рождалось. И материал пермской «ЖТГ» подхватывался тысячами коллективов живых газет. Журнал расходился не только по городам и заводам Урала. Оказавшись в струе жизни, он вызвал отклики далеко за его пределами — среди шахтеров Донбасса, нефтяников Баку, живгазетчиков центральных губерний и Дальнего Востока. Вместе с пермскими живгазетчиками они отстаивали чистоту «газетной линии», боролись против слишком обнаженного развлекательства, которому была подвержена «Синяя блуза».

«Живая газета, — по мнению ее пермских руководителей, — должна быстро откликаться на происходящие вокруг события, отражать в своих театрализованных номерах кампании, проводимые Советской властью и партией, бороться с недостатками и отмечать достижения в форме близкой и понятной для массы»¹.

Однажды в Пермь приехала Мария Ильинична Ульянова, руководившая в те годы рабселькоровским движением. Редакция журнала «Живая театрализованная газета» ютилась тогда на чердаке городской библиотеки. Безусые юноши не рассчитывали на внимание к ним Марии Ильиничны, не надеялись на встречу с ней. Но Мария Ильинична сама пришла к пермским живгазетчикам и попросила подробно рассказать, как участвуют и какую роль в живой газете играют рабочие корреспонденты. Мария Ильинична интересовалась формой живой газеты, сравнивала газету «с плодоносящим деревом, а корреспондентскую сеть — с его корневой системой»².

¹ Ев г. Пер м я к. История «Живой театрализованной газеты». — В кн.: Теория и практика «Живой театрализованной газеты». Руководство по живой газете/ Под ред. Ив. Вахонина и Евг. Пермяка. — Пермь: ЖТГ, 1929. — с. 13.

² Ев г. Пер м я к. Корни наших газет. — Рабоче-крестьянский корреспондент, 1929, № 11, с. 33.

Евгению Пермяку и его товарищам было о чем рассказать. Живые театрализованные газеты, создававшиеся на материале их журнала, выступали в заводских клубах и даже цехах, имели глубоко развитые корни, питались рабковоровским материалом. Пермские живгазетчики были прочно связаны с жизнью и тем новым, что рождалось в ней. Основой своей газеты они считали содержание, боролись за его политическую остроту и меткость, за злободневность, актуальность, конкретность газетного материала. Театрализация как художественная форма подчинялась раскрытию злободневного содержания, своеобразному оформлению и усилению смысла пропагандируемых идей. Они стояли и за театрализацию, за привнесение в свои газеты драматического искусства, музыки, танца, пения. Но все эти виды искусства подчинялись выявлению содержания, были средством яркой подачи его. Этим и определялось принципиальное отличие пермских живгазетчиков от синемблужников.

Когда журнал «ЖТГ» получил довольно широкое распространение и известность, его редакция переехала в Свердловск. Сотрудники и авторы журнала, активная и запальчивая молодежь, еще не окрепли в своих литературных возможностях. «Писали мы,—вспоминает Е. Пермяк,—прямо скажем, на тройку, а чаще — на два с плюсом. И номера наших журналов частенько задерживались по причине недостаточной литературной грамотности. Страдания редактора трудно описать»¹.

В это время у «ЖТГ» появился верный друг и наставник, ее негласный шеф-редактор и сотрудник Павел Петрович Бажов. Работу молодежи он принял близко к сердцу и помогал журналу как мог. Первые встречи с П. П. Бажовым навсегда остались в памяти Евгения Пермяка. Они стали началом дружеских отношений, связавших писателей.

«Живой театрализованной газете» Евгений Пермяк отдал четыре года напряженной работы. Он сочинял литературные монтажи-каркасы² для выступления живгазетчиков в клубах и школах, на заводах и предприятиях, на улицах и площадях,

¹ Евг. Пермяк. Рассказы о Бажове.— Наш современник, 1958, № 3, с. 307.

² Евг. Пермяк. Теория и практика каркаса.— В кн.: Теория и практика «Живой театрализованной газеты». Руководство по живой газете/ Под ред. Ив. Вахонина и Евг. Пермяка.— Пермь: ЖТГ, 1929,— с. 53—60.

писал передовые статьи на общеполитические и местные темы, театрализованные фельетоны, рекламные агитки и сцены, райки, юмористические куплеты и частушки.

Живгазетчики откликались буквально на все события, происходившие в стране, делали большое политическое дело, воспитывали тысячи людей, пробуждали их сознание, приобщали к знаниям.

Отдаваясь этой ежедневной увлекательной и трудоемкой работе, Евгений Пермяк находился на переднем крае борьбы за новую жизнь. В служении задачам дня оттачивалось перо журналиста, приобреталась публицистическая острота. Работа живгазетчика требовала краткости, выразительности, ясности письма. Здесь он учился искусству развертывания сюжета, остроте диалога, мастерству сценической композиции. «Живая театрализованная газета» готовила к драматургии, была подступами к ней. Вместе с тем годы работы в этой газете навсегда приобщили писателя к проблемам современности.

Первые пьесы Евгения Пермяка были рождены в недрах живой газеты. Это были пьесы-агитки, пьесы о молодежи и для молодежи («За советским букварем», «Зеленый авангард» и др.). Они волновали зрителя динамикой преобразования мира, раскрывали энтузиазм молодежи, ее тягу к знаниям, желание возможно скорее приносить пользу обществу, отдать все силы борьбе за новое. Пьесы эти были пробой пера в трудном жанре драматургии. Не высок их художественный уровень. Евгению Пермяку предстояли еще годы работы в журналах «Деревенский театр» и «Клубная сцена», прежде чем он стал зрелым драматургом.

В самом начале 30-х годов писатель переехал в Москву, становясь на путь профессионального литератора.

Глава вторая

ПУТЕШЕСТВИЕ В МАСТЕРСТВО

ОТ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ К ТЕАТРУ

Труден путь Евгения Пермяка в драматургию. Много лет жизни отдал он овладению драматическим искусством. Знал он и радость побед, и горечь неудач. Любовь к театру снова и снова заставляла пробовать свои силы, искать и протоптывать нехоженые тропы, совершенствовать мастерство драматурга.

Одна за другой появлялись пьесы Евгения Пермяка: «Золотая рыбка» (1936), «Лес шумит» (1937), «Рожь цветет» (1938), «Пережат» (1939), «Серебряная ложка» (1940) и др. Каждая из этих пьес тематически и жанрово своеобразна. Здесь и психологическая драма, и героико-романтическое представление, и бытовая, лирическая комедия, и самый обычный водевиль. Широкий круг тематических интересов драматурга. Он пишет о торжестве нового в деревне, о том, как преодолевают советские люди пережаты на пути к социализму, высмеивает власть собственности, ложь, подозрительность и другие пережитки прошлого.

Пьесы Пермяка овеяны дыханием времени, теми мыслями и чувствами, которыми жили советские люди в те годы. Самое, пожалуй, важное, что сближает все эти во многом непохожие пьесы, — это прочно заложенное в них авторское, ясное и четкое, отношение к жизни, романтическая окрыленность, светлая мечта о неизбежности торжества правды на земле, всего доброго и лучшего, что народ связывает с утверждением социализма.

«Пахать так целину, чтобы она блестела московским городским асфальтом», заставить оперу «петь о ржи», превратить «Тихую гору» в маленькую Москву мечтают герои пьесы «Рожь цветет». И они не только мечтают. Они поднимают целину, оршают Малиновую Гарь. Старое вместе с развалившейся крестьянской избой, оставляемой только для музея, начинает уходить в прошлое. Ростки новой жизни, ломая дедовский уклад, утверждаются на селе.

Молодость жизни, ее переустройство, романтика человеческих отношений предстают в пьесе порой в очень сложных че-

ловеческих характерах (Иван Кулагин и Марфа, Денис Лось, его жена Ольга и влюбленная в жизнь, кристально чистая молодая колхозница Ксеничка, человек старого уклада, трудно идущий к новой жизни Адам). Лучшие люди «Тихой горы» встают в горении чувств, в противоборстве с теми, кто цепляется за старое. Цветет рожь, приходят в деревню новые люди и растут здесь.

В пьесе этой драматург еще не нашел ярких сценических средств, приемов характеристики персонажей, выражения динамики действия. Пьеса перегружена побочными деталями. Но в ней, безусловно, есть те мысли и чувства, которые и сейчас живут в народе, волнуют и не могут не волновать нашего современника. Неслучайно и некоторые созданные теперь пьесы многими своими мотивами перекликаются с драмой Евгения Пермяка «Рожь цветет».

Крепче любить жизнь, зорче вглядываться в нее учатся герои пьесы «Перекат». Драматическая основа большого социального конфликта этой пьесы — давняя вражда богатых пароходчиков Лапшиных и потомственных бурлаков-бунтарей Зотовых. Новая жизнь пришла на большую реку, и слава Зотовых воплотилась «в пароходы, в строчки и другие долгие дела», Бессмертно дело народных борцов за свободу, их правда торжествует. Но не только в этом философия пьесы «Перекат». Потомки народных бунтарей, «семафоры новой жизни», каждый на своем скромном посту борются с теми же затаившимися Лапшиными, со всеми, кто мешает строить новую жизнь, задерживает движение вперед. Они хотят, чтобы не было мелких перекатов на реке народной жизни, прокладывают широкие дороги в свое будущее. И не случайно один из героев пьесы Рагим говорит Ане, внучке Корнея Зотова, что, если через нее смотреть, «коммунизм видно». Эту чистоту чувств, помыслов и стремлений строителей новой жизни романтизирует драматург.

Среди пьес Е. Пермяка особое место занимает героико-романтическая комедия «Лес шумит». Написанная к 20-летию Октябрьской революции, она обошла многие сцены нашей страны. Первые спектакли состоялись почти одновременно в Ташкенте и Калуге. Пьеса шла в Москве и Ленинграде, Свердловске, Одессе, Кирове, Оренбурге, Рыбинске...

Тематически обращенная в прошлое, пьеса «Лес шумит» в условиях предвоенных лет звучала необычайно современно, выражая давние стремления славянских народов к воссоеди-

нению. В ней разворачиваются финальные эпизоды гражданской войны в Белоруссии.

Лето 1920 года. Партизанский отряд питерского рабочего Ефима Гурьяна, впитав в свои ряды народных мстителей разных национальностей, готовится к последним сражениям с белорусскими богатеями и их белопанскими покровителями. Плачет полоненная Белоруссия, стонет под панским игом непокоренный народ. Но силы его не сломлены. Объединяет его одна «думка общая — свобода и хорошая жизнь».

Пьеса захватывала зрителя острым драматизмом, пафосом классовой борьбы, ее интернациональным характером, революционным мужеством и солидарностью народных масс. Драматург широко охватывает народные судьбы. Раскрывает он и кипящую ненависть народа к поработителям, и неиссякаемую веру в праздник народов, куда придут простые люди, как в свой дом.

Вот почему сурово шумят леса Белоруссии, вот почему пришли они в движение.

Пьеса «Лес шумит» вобрала эпические традиции советской драматургии, утверждавшей единство партии и народа в борьбе за социалистические идеалы. Вместе с тем она обогащала драматургию новыми творческими принципами.

«Лес шумит» — не только героическое повествование, окрашенное яркой романтикой народной революционной борьбы. Пьеса острокомедийна по ситуациям и характерам. Галерея образов народных мстителей богата разноликими индивидуальностями.

Это и поднявшаяся на борьбу семья белорусского крестьянина Кондрата Дубовика. Это и обобщенный, во многом символический образ выразителя народной ненависти старика партизана Змитрука. Это и выпуклый характер украинского казака — партизана Семена Гука. Это и сочные комедийные образы «насквозь античного человека» Янко Цезаря и его «античной публики», состоящей из 28 наций (в его отряде не хватает всего лишь одного негра, хотя бы и не очень черного). Это и образ партизана Федора Сова, который не знает, что делать ему со своим бессмертием, и татарина Ахмета. Грустью, большой болью за поруганное прошлое овеян образ работницы фабрики, смелой партизанки Василисы Обиды. Она не только мстит за это прошлое. Она полна любви к жизни, жажды материнства. Она верит в свое право на счастье и борется за него.

В этой борьбе ради великой любви и мира между народами отступает все мелкое, все наносное.

Выражение народной любви к В. И. Ленину — кульминационная сцена пьесы. Цезарь, Клим, Ахмет, Змитрук, Обида, Кушнырь — каждый из них по-своему представляет Ленина. Каждый хочет найти в нем самое дорогое и близкое для себя. Цезарь видит Ленина на вороном коне и с шашкой наголо, зовущего народ за собой «на вторую полушарию». Татарину Ахмету «дорогой товарищ Ленин» близок своей любовью к угнетенным нациям, с которыми он пьет чай на одном ковре. Старик Змитрук видит Ленина самым что ни на есть праведником, обошедшим весь мир с котомкой и призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Для рабочего Кушныря Ленин — токарь из Брянска. Для Василисы Обиды «Ленин — гора, огнем дышащая, огнем ненависти».

«Он в каждой строчке учит, — говорит Василиса Обида, — ненавидеть тех, кто мучил нас, кто маму мою в гроб вогнал, кто меня Обидой жить заставил на белом свете. И его слова пулями стали. Огненные слова! А к нам он очень добрый. Я вот собираюсь к нему съездить, отчество попросить. Василиса Владимировна — музыкально даже. Мы ведь в общем-то все Владимировичи...»¹

На своего партизанского вожака, питерского рабочего Ефима Гурьяна люди разных национальностей смотрят как на представителя Ленина в их отряде. В этой непреклонной вере народа в ленинскую правду обретает авторитет и большевик Ефим Гурьян. Драматург видит его силу как руководителя в связи с народом, в великом гуманизме и интернационализме идей революции, которые несут в массы большевики.

Драматическая коллизия пьесы — столкновение враждебных социальных сил: партизан с большевиками во главе, борющихся за советскую Беларусь, и лагеря панства и шляхты, мечтающих превратить белоруссов в рабов, а их родину — в колонию. Усадьба пана Барановича — гнездо провокаций. Потеряв надежду разбить повстанцев в открытом бою, враги белорусского народа пытаются взорвать партизанский лагерь изнутри, надломить народ пытками, грабежом и террором. Методы их борьбы отдают звериной философией фашизма.

¹ Евг Пермяк. Лес шумит. — М.—Л.: Искусство, 1940. — с. 88—90.

Глубоко современная тема революционной бдительности в преддверии грядущей войны с фашизмом, приближающейся к границам нашей Родины, органически входила в пьесу «Лес шумит». Пьеса вселяла веру в силу и неизбежность победы народных масс, объединенных общностью целей.

«Великие походы прошлого,— писал Е. Пермяк,— живут в сердцах народа, вдохновляют его на новые подвиги и требуют своего воплощения в живых образах. Пусть они будят благородные чувства в нашем зрителе и утверждают пронесенную через века несокрушимость духа нашего народа»¹.

Эти мысли и водили пером драматурга, когда он обращался к героическому прошлому русского народа. Он знал, какие бедствия и страдания несли ему иноземные захватчики. Драматург не уходил от современности, он славил несокрушимость духа, мужество, воинскую доблесть народа, пронесенную через века, готовил его к тем тяжким испытаниям, которые неизбежно несли великая битва с немецким фашизмом.

Перед самой войной вышла в свет пьеса в стихах Евгения Пермяка «Шумите, ратные знамена!», жанр которой драматург определил как «большое героическое представление из древних времен о храбрых дружинах северских, о князе Игоре, его верной жене и сподвижниках». Используя фрагменты «Слова о полку Игореве», Евгений Пермяк сочно и самобытно изображает освободительную битву Игоря и его дружин с половцами как битву за мир, за процветание родины, которую ждет великое грядущее. И вместе с тем пьесу пронизывает мысль о том, что «опять на мирных рубежах зловеще тучи нависают».

До войны был задуман и в основном осуществлен замысел еще одной пьесы на историческую тему — «Ермаковы лебеди» (1942), созданной по мотивам одноименного сказа П. П. Бажова.

Глубока и живительна в своих истоках творческая дружба Евгения Пермяка и «уральского колдуна», великолепного мастера народного сказа Павла Петровича Бажова. Она не только в общности близкой им уральской темы. Дружбу эту питало нечто более прочно связывавшее писателей — живительные соки народной поэзии Урала. Из этого общего родника черпали вдохновение, поэзию народных чувств и чаяний, тот живой язык

¹ Е в г. П е р м я к. Шумите, ратные знамена! — М.—Л.: Искусство, 1941.— с. 2.

народа, в котором каждый из них по-своему находил свою писательскую самобытность.

Евгений Пермяк не раз обращался к занимательным сюжетам и выразительным характерам «Малахитовой шкатулки» П. Бажова, впитавшей в себя мотивы уральского народного эпоса. Сказы П. Бажова «Ермаковы лебеди», «Серебряное копытце»¹ своей исторической правдой, поэзией чувств народных вдохновили на создание драматических характеров. Евгений Пермяк не подвергал сказы П. Бажова простой драматической обработке, а создавал по их мотивам вполне самостоятельные произведения. Они были толчком для богатой фантазии драматурга.

Такой пьесой стало и героическое народное представление «об Ермаке Тимофеевиче, его храбрых есаулах, верной невесте Аленушке и о великом государе Иване Васильевиче» — «Ермаковы лебеди», с успехом шедшие во время войны в театрах Урала и Сибири.

Советскую историческую романистику и драматургию всегда волновали судьбы народа в переломные эпохи, его борьба за национальную независимость, его патриотическое служение Отчизне. В годы Великой Отечественной войны этот патриотический пафос советской литературы еще теснее был связан с современностью. Писатели рисовали характеры людей, верных своей Родине, готовых на подвиг во имя идеалов Отчизны.

В историческом прошлом народа виделось то, что в полную силу раскрылось в характерах и действиях советских людей, героически защищавших родную землю от фашистских захватчиков.

В русле этих традиций советской исторической романистики и драматургии шел и Евгений Пермяк, создавая «Ермаковы лебеди». Драматург указывает, что сказ о Ермаке недаром пришел на память в годину битв, навязанных врагами. Это сказ не только о славном прошлом Урала, но и об Урале дней войны с фашизмом, Урале — кузнице страны.

Образ Ермака как народного героя давно привлекал советских писателей. Подвиг его во имя единой Руси, оваянный народными легендами, толкуется по-разному и дает большой про-

¹ По мотивам этого сказа Евг. Пермяк создал позже одноименную пьесу-комедию, которая до сих пор не сходит со сцены театров, ставящих спектакли для детей.

стор писательской фантазии. В одном лишь едины народные легенды — в любви к сыну своей Родины, вольнолюбивому атаману, отважному военачальнику, «первооткрывателю» сибирских земель.

Опираясь на уральские народные сказы, Евгений Пермяк рисует Ермака как сына уральского холопа, замученного боярами. Он не только делает его народным героем, выразителем чаяний русских людей, но и вслед за Павлом Бажовым поэтизирует его образ. Могучей белокрылой птицей-лебедем рисует народ Ермака. Его помощники — есаулы, его народные рати — «Ермаковы лебеди», пред которыми широко открываются новые великие просторы сибирской земли. С народом делит ратную славу и подвиги Ермак.

Глубокий исторический смысл народно-поэтической оценки Ермака драматург положил в основу своей пьесы и получил возможность раскрыть национальные черты русского народа как великого преобразователя и создателя жизни, как самого верного борца за могущество и независимость своей Родины.

Народные герои, сподвижники Ермака, его есаулы — Иван Кольцо, Матвей Мещеряк, Никита-Пан, старый воин Кушга — не только сыны вольницы, беззаветные в своем порыве к свободе. Они сильны своим всепобеждающим оптимизмом, верой в правоту народного дела.

В этих и других образах наших предков (невеста Ермака — Аленушка, его бабка — Ульяна) драматург воплотил типические черты русского национального характера, которые со всей силой раскрылись в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Некоторой идеализации характера и деятельности Ивана Грозного, свойственной драматургам, не раз обращавшимся к созданию его образа в годы Отечественной войны, не избежал и автор пьесы «Ермаковы лебеди». Исторически правдиво осмысляя борьбу Ивана Грозного против боярства и феодальной раздробленности, Евгений Пермяк, однако, нашел, на наш взгляд, верное место «собирателю Руси» в композиционной структуре своего повествования. Фигура Грозного правомерно отодвинута на задний план, эпизодична.

В центре пьесы — динамика народной жизни, народного движения. Это и выделяет выгодно пьесу Евгения Пермяка среди других драматических повествований о Грозном. Поднимая заздравную чашу в честь послов Ермака, прибывших в царские

палаты бить челом, «сибирской землей», Грозный произносит вещи слова:

«Народ российский наш, разбуженный от векового сна, свою державу одаряет сынами ясного ума. Иван — печатник Федоров, два зодчих, что воздвигли диво-храм Василия Блаженного..., ремесленники — золотые руки, гости хитроумные и множество других, чье имя возвеличит время. Ныне мы зрим деяния большого сына нашего народа — Ермака. Мы зрим его соратников — простых людей, чей подвиг греет сердце и украшает нашу землю...»¹

В этих словах — мудрость Грозного. В них — смысл, идея пьесы, гимн деянию простого народа, одарившего державу «сынами ясного ума».

Одним из первых художественных произведений о тружениках советского тыла, о жизни и борьбе уральских металлургов за сталь для обороны страны стала лирическая комедия Е. Пермяка «Иван да Марья» (1942). Отмечая большой успех пьесы в Магнитогорском драматическом театре им. А. С. Пушкина, газета «Правда» писала, что в комедии «Иван да Марья» тепло и сердечно говорится «о социалистическом соревновании, о труде и братстве советских людей — уральских сталеваров и трудящихся, эвакуированных из фронтовой полосы»².

В рабочую семью Тагильцевых врывается война. Сталевар Иван Тагильцев и его сыновья — люди советской рабочей закалки. Они находят свое место и в тылу и на фронте, отдавая все силы разгрому врага. Драматург вдохновенно изображает щедрую рабочую дружбу уральцев с эвакуированными в тыл металлургами, их самоотверженный труд на оборону страны, пафос социалистического соревнования в борьбе за металл. Пьеса не только передает напряжение этого творческого труда. С мягким лиризмом и комедийностью драматург раскрывает судьбы людей, принятых в дружную семью уральских рабочих, поиски ими своего места в жизни.

В пьесе «Иван да Марья» есть и свои художественные просчеты, главные из которых — рыхлость ее композиции, замедленность действия, подмена конфликтов во взаимоотношениях героев описанием производственных процессов. И несмотря на

¹ Е в г. П е р м я к. Ермаковы лебеди. — Свердловск: Свердловиз, 1942. — с. 76.

² Пьеса о людях, делающих сталь. — Правда, 1942, 2 сент., с. 4.

эти недостатки пьеса сыграла свою роль. Лучшей оценкой ее действенности, актуальности являются отзывы самих металлургов. Пьеса заставляла каждого из них думать: «А все ли я сделал для того, чтобы давать больше и больше металла Родине? Нельзя ли еще что улучшить, более рационально организовать свой труд?»¹

Пьесой «Иван да Марья» завершается целый этап в творчестве Евгения Пермяка как драматурга. Вместе с тем эта пьеса положила начало разработке писателем большой темы труда советского рабочего класса. Евгений Пермяк и позже неоднократно обращался к драматургии («Ясное солнышко», «Золотая сорока» и др.), но она уже не определяла основное направление его творческих поисков.

Пьесы Евгения Пермяка драматичны, но они овеяны мягким лиризмом. Им не чужда и героика, и романтическая приподнятость. Характерной особенностью драматургии Е. Пермяка является ее теплая комедийная окраска. Большие социальные конфликты, сложное взаимоотношение ярких по своей индивидуальности характеров передают динамику современной жизни, насыщенность ее большими событиями, определяющими судьбы людей.

Для пьес Е. Пермяка характерно и многоплановое по своей структуре повествование с разветвленными сюжетными линиями и массовыми сценами, и сюжетно цельное, логически развивающееся действие, когда одно событие, одна ситуация вытекает из другой.

Напряженная работа Е. Пермяка как драматурга, настойчивые поиски в этом жанре не прошли бесследно. Именно здесь, в драматургии, оттачивалось мастерство, закладывались основы будущего успеха Пермяка-прозаика. Это были прежде всего годы выработки своего писательского почерка. В этих поисках драматург опирался на традиции живого разговорного языка, с его помощью лепил характеры, индивидуализировал их. Чаще всего ему удавались — и это не случайно — жанровые бытовые сцены, насыщенные неподдельным юмором. Элементы народного сказа, сказочные мотивы органически входили в пьесы Евгения Пермяка. Драматургия требовала экономии изобразительных средств, лаконичности, что позже и проявилось в работе Пермяка-прозаика.

¹ Магнитогорский рабочий, 1942, 4 авг., № 183, с. 2.

ВСТРЕЧА С БАТЮШКОЙ-УРАЛОМ

Новая встреча с Уралом в годы Великой Отечественной войны напоила писателя живительными соками родной земли. «Возвратившись сюда после долгого периода жизни в Москве, — писал о Пермьяке Павел Бажов, — он уже зрелым писательским глазом жадно смотрит на современный Урал и стремительно отражает его в своих работах»¹. Не замыкаясь в рамках драматургических жанров, Евгений Пермьяк, по словам П. Бажова, «легко и свободно, с большой силой внутреннего горения» работает над документальными очерками, публицистическими статьями, взволнованными лирическими записками. Писатель активно сотрудничает как корреспондент Совинформбюро. Много сил и энергии отдает он работе в Свердловском отделении Союза писателей СССР, одной из самых крупных писательских организаций военных лет.

В самом начале войны Евгений Пермьяк возродил и начал издавать в Москве «Живую театрализованную газету», открыв огонь по фашизму боевым публицистическим словом. Всеми доступными ему средствами он стремился помочь фронту, писал одноактные пьесы («Хозяин вернулся», «Колочая правда»), наркасы для скетчей художественной самодеятельности («На местные темы»), сочинял раешники («Факты на бочку!», «Все — на сев!»), давал материал для литературно-эстрадных сборников («Огонь по врагу», «Боевая весна»), выступал со статьями в рабочих газетах Свердловска, Тагила, Челябинска, нес свое слово на заводы и фабрики, в госпитали и колхозы.

Стремлением откликнуться на современные события была рождена и хроникальная повесть «Червонные острова» (1943), первый опыт Е. Пермьяка в новом для него жанре. Опираясь на опубликованные в периодической печати отдельные эпизоды из Великой Отечественной войны, писатель сюжетно организовал их, развертывая в широкую картину партизанской борьбы на территории, временно оккупированной врагом. Повесть «Червонные острова» — всего лишь проба сил. Ей не суждено было стать сколько-нибудь заметным явлением в литературе военных лет. Писателю не удалось художественно полноценно

¹ П. Бажов. Несколько слов о книжке. — В кн.: Евгений Пермьяк. Уральские записки. — Свердловск: Облгиз, 1943. — с. 3.

осмыслить незнакомый для него материал. Хроникально описанные события заслонили людей, участвующих в них.

Жажда знаний, увлеченность великим подвигом народа, желание сейчас же взволнованно и горячо рассказать о трудовом энтузиазме уральцев, — все это бросало Е. Пермяка в разные города Урала, в самые отдаленные его уголки, туда, где ковалась победа. Нередко эти поездки совершались вместе с П. П. Бажовым.

По свежим следам путешествий и встреч рождались «Уральские записки» Евгения Пермяка (1943).

В «Уральских записках» писателя прежде всего интересует лицо современного Урала. Он рисует индустриальный облик Свердловска, рабочего города-труженика Тагила, их младших братьев Красноуральска, Краснокамска, Асбеста. Живо описана поездка с П. П. Бажовым в Висим, заповедник уральской старины, родину певца Урала Мамина-Сибиряка, в самый глухой тогда район — Таборы.

«Сила Е. Пермяка в том, — справедливо отмечал П. Бажов, — что он заново смотрит на Урал, который знал в его недавнем прошлом. Это знание, усиливая контрастирование с настоящим, изумляет писателя и дает ему возможность неожиданных определений, обобщений, деталей».

О чем бы ни писал Пермяк, как бы ни удивляла и ни волновала его встреча с обновленным Уралом, он видит его в труде и борьбе, в напряжении всех сил во имя победы над врагом. Гул сурового времени, мерный ритм труда, собранность и мобилизованность народа — вот что составляет пафос этой книги.

Урал напрягает силы, воюет в одном строю со всем народом. В этой борьбе нет ничего менее важного. Все здесь бьет в одну цель: труд мощного военного завода-города и бумажной фабрики, асбестового рудника и хлебокомбината, танкового завода-гиганта и шахты золотоискателей, гидролизного или фанерного комбината и рудников по добыче бериллия или платины.

Писатель живописует богатства, неисчерпаемые возможности батюшки-Урала, мечтает об их наиболее активном использовании на нужды обороны.

В «Уральских записках», как и в других очерках и корреспонденциях военных лет, пока еще эскизно набросаны портреты тех, кто своим трудом ковал победу, — знатного бурщика Урала Иллариона Янкина, крановщицы Красноуральского медеплавильного завода Александры Степановой, жен-

щин-патриоток Марии Федоровой, Агафьи Шевчук. Люди эти, правда, не выписаны с той тщательностью, с какой писатель рисовал обобщенные картины воюющего Урала. Они не стали на страницах записок Пермьяка выхваченными из жизни характерами.

Словно бы чувствуя это, писатель создает новую книгу очерков «Строители» (1944), в которой раскрывает образы строителей Тагила, трудовой героизм людей, превращавших Урал в мощный военный арсенал, снабжавший фронт первоклассным оружием.

«Строители» — книга о разных этапах рождения военной индустрии на Урале, о трудностях и оптимизме строителей, людей разных судеб, характеров, национальностей. Со всех сторон необъятного Советского Союза пришли «бойцы трудового фронта» на Урал, чтобы ковать победу вместе с уральцами. «Тысячи судеб, тысячи драм. Потеряна жена у одного, убиты дети у второго, сгорел дедовский дом под Чугуевкой у третьего. Горе горькое и святая месть привели их сюда и построили шерефганги на этой опушке, под низким осенним небом»¹.

Здесь у подножия горы Высокой закалялись эти люди, не знавшие порою ни одной строительной профессии. В труде крепчало мужество, выносливость, находчивость, оттачивался острый ум и рабочая смекалка, росли и командиры производства, и «генералы труда», такие, как стекольник Сергей Сахаров, забойщик Гарифулла Еникеев, каменщики Павел Шумилин и Андрей Ворошин. Все они, эти «мастеровые победы», как пчелы, вносили свой вклад в огромные соты оборонной промышленности.

Люди работали, обгоняя время. Их патриотический подъем, энтузиазм созидания ломал все преграды, старые нормы, расчеты и сроки. Этот вдохновенный труд скромных, незаметных людей, ставших героями, славит писатель, утверждающий единство фронта и тыла.

«Урал далеко от фронта, — пишет Е. Пермьяк, — но он ближе к нему многих прифронтовых областей. Здесь, на заводах Урала, дыхание, требования армии отражаются не только в программах каждого месяца, но и каждого дня. И успехи уральской промышленности, ее трудовое давление, как на циферблате манометра, чувствуется на фронтах...

¹ Е в г. П е р м я к. Строители. — Свердловск: Облгиз, 1944. — с. 15.

Одна за другой, нарастая, идут волны подъема уральской промышленности. Все сильнее и шире разворачивается наступление Красной Армии, наносящей сокрушительные удары немецким захватчикам. И каждая победа на фронте рождает новые победы в тылу»¹.

Книгу «Строители» дополняет очерк Е. Пермяка «Сталевар» (1944) о знатном герое тыла, сталеваре московского завода «Серп и молот» Алексее Ильиче Овчинникове. В книге рисуется образ рабочего человека, раскрывается его мастерство.

«Уральские записки» и книга очерков Е. Пермяка «Строители» заняли заметное место в творческой биографии писателя, осмыслившего огромный вклад рабочего класса в строительство нового социалистического мира. Книги эти открывали переход писателя к прозе, стали подступами к новым его работам в этом жанре.

Поэзия труда, выразительность, лаконичность языка в описании трудовых процессов, лиричность и многоцветность его в картинах неповторимой по своей прелести суровой уральской природы, динамичность диалогов — все это накапливалось уже в «Уральских записках» и очерках Е. Пермяка.

Через много лет писатель еще вернется к теме «Уральских записок», заполнит начатые во время войны тетради и в книге «Мой край» (1970), рисуя мужественное «рабочее лицо» Урала, продолжит сыновнее свое признание в любви к родному краю.

«КЕМ БЫТЬ?» И «ЖИВИНКА В ДЕЛЕ»

На Урале рождалась книга «Кем быть?» (1946) — увлекательное путешествие в мир профессий, в мастерство труда. Ей суждено было не только вобрать мотивы «Уральских записок» и «Строителей», но и открыть новую главу в работе писателя. Этой книгой ознаменован приход Евгения Пермяка в художественную научно-популярную литературу для детей.

Ко времени выхода в свет книги «Кем быть?» советская научно-художественная литература для юношества, пройдя период исканий и становления, достигла крупных успехов. Книги М. Ильина, Б. Житкова, К. Паустовского, В. Бианки уже стер-

¹ Е в г. П е р м я к. Строители. — Свердловск: Облгиз, 1944. — с. 76.

ли грань между книгой научно-публицистической и художественной, утверждали новый жанр научно-художественной литературы.

Детские писатели росли вместе со всей советской литературой и обогащали ее. Сплав познания, «открытия мира» в его разнообразных проявлениях с идеями воспитания порождал, безусловно, специфику книг для молодого поколения, для детей и юношества. И когда Горький писал о небывалом развитии детской литературы в середине 30-х годов, он одновременно с этим удовлетворенно отмечал процесс стирания границ между книгой научной и книгой художественной, рождение научно-популярной, художественно-публицистической литературы, видел ее жизненность не только в познавательном и воспитательном ее пафосе, но и в большом художественном заряде, вложенном в этот новый жанр. Горький предлагал будить чувства и мысли подростка, будить средствами научно-художественного жанра его эмоциональное восприятие фактов жизни, науки и техники.

Опыт успехов, достигнутых в этой борьбе передовым отрядом советских детских писателей, вооружал и автора «Кем быть?». Внося свой вклад в научно-художественную литературу для детей и юношества, он не мог не опираться на этот опыт.

В поисках активного художественного своеобразия Е. Пермяк не мог не искать опоры у писателей, значительно раньше его определившихся в жанре научно-художественной литературы.

Автор книги «Кем быть?» не скрывает трудных поисков тех средств, с помощью которых он намеревался «сшить» разрозненно жившие страницы будущей книги в единую повесть. Он рассказывает о соблазне делать книгу «с головокружительными похождениями, необычайными, замысловатыми приключениями и с неожиданным концом»¹. Но писатель приходит к выводу, что страницы, написанные правдивым карандашом, и простые тетради, сшитые суровыми нитками, донесут до читателя его чувства и мысли значительно лучше, чем искусственно привнесенная замысловатая беллетристическая интрига с «умопомрачительными приключениями».

И все-таки, раскрывая тему труда, Евгений Пермяк пошел

¹ Е в г. Пермяк. Кем быть? — М.: Мол. гвардия, 1946. — с. 5.

по пути сюжетной повести, включавшей в себя и широкие научные знания, и богатые личные наблюдения.

Конкретные жизненные ситуации, научно-познавательный материал получали в повествовании Е. Пермяка сюжетно-беллетристическое воплощение. На этом пути автор «Кем быть?» находил тот стержень, на котором держалось художественное своеобразие его книги.

Структура научно-художественной повести «Кем быть?» определена как «правдоподобное описание путешествия автора и его юных друзей по многим и многим профессиям». Путешествие — удобная и емкая форма рассказа о жизни. Путешествие открывает новые горизонты, сталкивает с различными людьми, дает богатую пищу для познания. Но путешествие в «Кем быть?» — чисто внешнее выражение внутреннего сюжета книги — поиски «живинки» в любом деле, показ места человека в жизни, его участия в народном созидании.

Поэзия, мастерство труда — вот что определяет эмоциональную тональность книги, ее пафос и целеустремленность. Автору «Кем быть?» удалось найти тот ключик, с помощью которого он открывал не только для себя тайны профессий, их значительность. «Езда в неизвестное» возбуждала активность юного читателя, стоящего на пороге выбора своего места в жизни, а дружески непосредственная разговорная интонация, трогательная доверительность и безыскусственность рассказа располагали читателя включиться в путешествие по многим профессиям, совершить его вместе с автором и его юными друзьями Борисом и Валею, разделить с ними их чувства и переживания.

Путешествуя в реальный мир, а не в сказочную страну, совершая экскурсии на предприятия, описывая процессы труда, рисуя образы реальных людей, Евгений Пермяк идет от жизни, в ней черпает лучшие страницы своей книги. Писатель совершает увлекательное путешествие в сказочно-вдохновенную жизнь людей, в их труд.

Вместе с этой реальностью в книгу входят элементы условности, фантастики. Путешествия в будущее, особенно в последних изданиях «Кем быть?», подготовлены сегодняшними успехами советского народа. Они воспринимаются как то, что будет реальностью завтра. И все-таки фантастика как литературный прием (особенно «полеты на кожаном диване»), воображаемые путешествия из номера гостиницы не удались автору. Эти сце-

ны были чужды реальному содержанию книги и не могли органически войти в нее.

Следы нарочитой, искусственной беллетризации, однообразных, а иногда и надуманных сюжетных ходов в книге, безусловно, есть. Но не эта нарочитость, сочиненность и надуманность определяет существо книги. Высоко оценивая «Кем быть?» как «бесспорную удачу» автора, Петр Павленко писал: «Пермяку известны десятки профессий, его глаз восприимчив, он в любом деле найдет что сказать интересного, поучительного, не впадая в чрезмерную дидактику, и все же автор иногда поверхностен, изображение им отдельных профессий несколько плакатно»¹. Есть в «Кем быть?» и страницы, в которых лишь перечисляются профессии, а их существо остается нераскрытым. Порой знакомство с профессией подменяется технологическим описанием производственных процессов.

Книга Е. Пермяка, как это еще замечал П. Павленко, проникнута большой любовью к людям, природе и возможностям Урала. Писатель продолжает хорошо начатое им еще в «Уральских записках» путешествие по родному краю. У себя на Урале он находит крупные «узлы» увлекательных и разных профессий и ремесел. Сразу же по выходе из гостиницы «Большой Урал» открывается это громадное «царство труда». Автор хорошо понимает, что в царстве этом можно потеряться. После посещения Оперного театра в Свердловске он размышляет вместе со своими юными героями, как путешествовать дальше, чтобы страницы книги о профессиях не были пестры, как одеяло, сшитое из цветных лоскутов. И вместе с ними автор приходит к решению изображать различные профессии в том же сплетении, в каком они находятся в жизни.

Пермяк ведет юных путешественников по предприятиям Свердловска, едет с ними по железным дорогам и рекам Урала: то они в Тавде на фанерном комбинате, то в далеких Таборах знакомятся с сельским хозяйством, с бондарным и гончарным производствами, посещают фермы, теплицы, сады, заводы и заводы. Мощный электровоз привозит юных друзей в Нижний Тагил. И он встречает их заревом пылающих домен. Здесь познается «вкус» многих строительных профессий, непосредственно в труде осваиваются они, потому что «нельзя приоб-

¹ П. Павленко. Кем быть? — Комсомольская правда, 1946, 22 сент., № 224, с. 3.

щаться к труду, глядя на работающих». «Только участие в труде, — убеждает писатель, — даже незначительное, прививает любовь к труду»¹.

Новыми знаниями обогащает посещение шахт Красноуральска и рудников Асбеста, Перми и Краснокамска, куда мчит глоссер. Самолет доставляет путешественников на уральский танковый завод. Писатель ведет за собой читателя туда, где был сам. Он описывает то, что видел своими глазами. В этой непосредственности, конкретности впечатлений, автобиографичности — своеобразии книги.

В годы войны Евгений Пермяк пережил радость новой встречи с родным Уралом после долгой разлуки. Его изумила индустриальная мощь Урала, вооруженность могучей техникой. Это свое восхищение созиданием советского народа он не мог и не хотел скрывать. Непосредственностью восприятия знаменательных перемен, глубоким сердечным волнением, влитым в описание событий, встреч с родными уральцами, также определяется особенность книги «Кем быть?», ее публицистическая и романтическая окрашенность.

Автор горячо, взволнованно, как истинный патриот родного Урала, рисует могучий край с его мужественными людьми, богатствами и красотами природы. Книга «Кем быть?» прочно связана с временем, родившим ее. Это книга об Урале военных лет, об Урале — кузнице оружия, станом хребте Родины.

Разные отрасли труда на предприятиях Урала описывает Е. Пермяк. Он рассказывает о кочегаре огромного парового котла, подающем топливо с помощью новых механизмов («Кочегар в белых перчатках»), и о кудеснике-поваре («Повар дальнего плавания»), о хрупкой девушке, ловко орудующей многотонным кузнечным молотом («Кузнец в крепдешиновом платье»), и о сапожнике-художнике («Сапожник-художник и художник-сапожник»), о мастерах металлических швов, сталеварах, машинистах, нефтяниках и многих других людях интересных профессий.

Как бы ни были разнообразны эти профессии, с которыми знакомятся юные путешественники, ведомые автором, книга повествует о времени суровом, о людях, подчиняющих всю экономику своего края нуждам фронта. В книге целое созвездие

¹ Е в г. П е р м я к. Главный источник жизни. — Юношеская печать, 1958, № 1, с. 38.

героев-уральцев. В этом созвездии сверкают имена знаменитого горняка Иллариона Янкина, медеплавильщицы Шуры Степановой, каменщика Павла Шумилина, медника Тани Бревновой, «кузнеца в крепдешинном платье» Симы Уздемир и десятков других знатных, прославленных мастеров.

Сталкивая этих людей в конкретных жизненных обстоятельствах с героями книги Борисом и Валей, заставляя рассказывать о своих делах, Евгений Пермяк рисует характеры рабочих людей, гордых выбранной профессией, полных любви и уважения к своему труду. Пафос созидания — существо их жизни. Этот пафос не может не вдохновить поколение молодежи, идущей на смену отцам.

Мыслью о беспредельном совершенствовании мастерства в любом труде пронизана вся книга. П. П. Бажов называет ее «живинкой в деле». Для кузнеца Николая Дудорова это — постоянное недовольство своей работой, поиски новых горизонтов. Для мастера глубинного бурения Семена Чуркина каждая скважина — словно новая сказка из «Тысячи и одной ночи». А сталевар Иван Васильевич так говорит о своей профессии: «Песню словами не перескажешь. А красоту любимой работы и в песне не споешь».

Повесть об уральском пареньке Васе, ставшем в строй рабочих на место отца, ушедшего на фронт, полна глубинного философского смысла о движении вперед, о преемственности поколений. Юнец токарь, работавший один на десяти станках, стал для всех знатным мастером Василием Степановичем. Мало того, семерых сверстников обучил он и поставил к станкам. Высоким сознанием своего места в жизни, рабочей гордостью, великой верой в неисчерпаемые возможности рабочего человека, сбросившего оковы капиталистического рабства, вдохновлен и рожден этот подвиг юноши.

Таких именно советских людей и рисует автор книги «Кем быть?». Он вдохновенно славит их, заражая читателя пафосом созидания.

«Кем быть?» состоит из сюжетно завершенных глав — новелл, объединенных мыслью о значимости общественно полезного труда.

Книга эта, как заметил еще П. Павленко, «развертывается цепью новелл». «Парикмахер, который не парикмахер», «Сапожник-художник и художник-сапожник», «Живинка в деле», «Как я нарезал болты», «Иван да Марья», «Отчего

песня легка», «Повесть о Василии Степановиче», «Как я через лапти в люди вышел» — совершенно самостоятельные, художественно цельные рассказы о человеческих судьбах. В этих рассказах выявилась та оригинальность писательского почерка, та художественная самобытность, которая вела Евгения Пермяка к творческой зрелости.

Сказочные по форме и языку новеллы, вкрапливаясь в книгу «Кем быть?», расцветивали ее, оживляли путешествие в мир профессий, углубляли основные мысли автора, подкрепляли их средствами сочного художественного слова. Одна из таких новелл об искусстве труда — «Живинка в деле» занимает особо важное место в книге «Кем быть?».

Герои книги Борис и Валя встречаются со знаменитым уральским писателем Павлом Петровичем Бажовым. Искусно вплетая в повествование бажовскую «живинку в деле», Евгений Пермяк опять как бы напоминает о прочности своих творческих связей с автором «Малахитовой шкатулки», книги сказов о красоте и величии труда. В задуманной беседе с ребятами Павел Петрович рассказывает свой новый сказ о Тимохе, который «решил все ремесла перенять», всякое ремесло своей рукой опробовать.

Не хуже, чем у людей, выходило у него. Нигде не сплоснул Тимоха, а знаменитым умельцем стал в углежогах, попав в ученики к деду-углежогу Нефеду. Слабы уже были силы у старика, а чурки хорошо колот. «Я,— говорит Нефед,— ловкие точки выскиваю». Стал и Тимоха ловкие точки искать, лучше Нефед «доводил» свою работу и уже не хотел менять ремесло углежога на другое, в большие мастера выходил.

«В чем дело? — удивлялся Тимоха.— Почему так?» — «А в том, что поймала тебя живинка, никуда ты теперь не уйдешь», — смеется старик. «Какая такая живинка?» — спрашивает Тимоха. «А такая, — объясняет дедушка Нефед.— Ты раньше к низу глядел на то, что тобою сделано, а как кверху поглядел, понял, как лучше делать надо, тут-то тебя и подцепила живинка. Эта живинка во всяком деле есть: впереди мастерства она бежит и человека за собой тянет».

Много повидавший на своем веку писатель поучает ребят, что профессию найти — хитрости нет, а «живинку в своем деле найти — серьезная штука». Эта мысль проходит через все путешествие в мир профессий. В любой профессии можно стать счастливым, знаменитым человеком. Надо увлечься делом и,

преодолев трудности, найти свою «звезду», свою «живинку в деле». Без нее всякое дело мертво.

«Я убежден, что слава и доблесть в труде, — пишет Е. Пермяк, — везде найдут человека, если он ищет их, если он к ним стремится. Кем бы ни был Янкин: слесарем, токарем или портным, — он все равно был бы знаменит... Он умеет находить знаменитые «точечки» из сказа «О живинке в деле», и сама живинка способствует ему в труде и в быту»¹.

Мысль о замечательной живинке, которая делает даже на первый взгляд самый заурядный труд прекрасным, любимым, одухотворенным, позволяет автору показать «человеческое», «психологическое» значение труда. «Трудовые сюжеты» насыщаются в книге Е. Пермяка большим психологическим содержанием.

В рассказе «Как я через лапти в люди вышел» старый мастер вспоминает молодость, когда он, Пашка, как и Тимоха, выбирал свое дело, искал свое счастье, каким трудом далось ему мастерство в деле.

В любой работе, даже в плетении лаптей, через которые он в люди, в мастера вышел, важно учение, усердие, неудовлетворенность достигнутым, стремление к лучшему. В работу свою нужно душу вложить, чтобы не стыдно было ее людям показать. Только тогда труд доставит человеку творческую радость, моральное удовлетворение.

В любом деле мастерство дается нелегко. Мало овладеть профессией, надо увлечься ею, отдать душу, найти в деле свою «точечку». Бывают парикмахеры, которые не парикмахеры, а артисты. Бывают сапожники, которые не сапожники, а мастера-художники своего дела. Но бывают и несчастные люди, попавшие не в свои сани. «Сколько таких несчастных, безголовых певцов, бездарных артистов, скучных журналистов, сереньких художников, плохих музыкантов, позарившихся на чужую для них «живинку» и потерявших свою, проживают свою жизнь обиженными, недовольными и вечно жалующимися на кого угодно, кроме себя самого!»²

Через густой лес профессий ведет автор «Кем быть?» Бориса и Валю. Сотни и тысячи юношей совершают это путешествие вместе с ними. Поэтому так озабочен автор, ведущий это путе-

¹ Е в г. П е р м я к. К е м б ы т ь ? — М.: Мол. гвардия, 1946. — с. 194.

² Е в г. П е р м я к. К е м б ы т ь ? — М.: Мол. гвардия, 1946. — с. 225.

шестве. Он хочет, чтобы его юные друзья, перебирая множество хороших и разных профессий, нашли ту, которая вызвала бы наибольший отклик в их душе. Один приходит родным сыном к своей профессии, другой — пасынком; «первый в своей работе находит мать, а второй — мачеху». Всем сердцем разделяет автор «Кем быть?» мысль, к которой пришли его герои: «Если кто хочет быть счастливым сыном или дочерью, то пусть он полюбит всем сердцем свою вторую мать — работу, и она ответит ему такой же любовью, и он никогда не будет сиротой на белом свете»¹.

Читатель уносит с собой «истину о том, что всякая, даже самая неблагодарная работа в руках подлинного мастера по-настоящему поэтична». «В любой профессии, — убеждает Е. Пермяк, — можно стать артистом, художником, поэтом, а можно и остаться «никем» и всю свою жизнь плавать «каботажником» близ старых примелькавшихся берегов. Можно быть всего лишь поваром, но поваром дальнего плавания...»²

Герои книги Е. Пермяка — рабочие люди, хорошо знающие «тайну цены» своего труда, убеждают своих юных друзей в том, что для каждой хорошей песни голос надо иметь. «Только скажу тебе, прежде чем песню петь, — говорит один из них Борису, — проверь, хватит ли у тебя голоса. А если увидишь, что есть в тебе голос, учись песни петь. Да не сразу, а по нотке, по переливчику. А как все нотки-переливчики изучишь, тогда и запоешь во весь голос, и скажешь, что песня легка. А легка она от большого труда, от учения»³.

Автор книги «Кем быть?» приглашает читателя и героев книги «знакомиться с ремеслами не только в том виде, в каком они есть, а в том, в каком они могут быть в ближайшее время». Он показывает, как непрерывно изменяются и совершенствуются профессии в связи с ростом науки и техники. Сотни старых профессий, основанных на тяжелом физическом труде, отмирающем на наших глазах, уходят в прошлое. Отжил свой век труд бурлака. Работа грузчика выполняется теперь мощными подъемными кранами. Лопату землекопа заменил экскаватор. Даже кузнец наших дней, работающий паровым молотом, не будет похож на кузнеца самого ближайшего будущего. Профес-

¹ Евг. Пермяк. Кем быть? — М.: Мол. гвардия, 1946. — с. 264—265.

² Там же, с. 129.

³ Там же, с. 155.

сии не только изменяются, они рождаются каждодневно вместе с появлением новых машин, станков, новых производств, автоматики, электроники...

«Друзья мои,— обращается к читателям Е. Пермяк,— ничего определенного, раз навсегда установленного нельзя рассказать ни об одной профессии. Еще совсем недавно токарь, закрепив деталь, держал резец в своей руке, а когда станок усовершенствовались, снабдили его суппортом, то рабочий рукой двигал суппорт с резцом. Теперь это делается автоматически. Токарь ходит и наблюдает за десятком станков-автоматов. Когда мы произносим слово «столяр», пусть у вас не возникает представление о топоре, рубанке и пиле. Столяр большого завода пилит, строгает и тешет машинами, которые сложнее и точнее самых замысловатых часов»¹.

Автор книги «Кем быть?» постоянно смотрит в мир будущих профессий. И несмотря на это, его книга привязана к времени, в которое она создавалась. Громадный размах социалистического созидания, мощное развитие науки и техники на глазах старят книгу о профессиях недавнего прошлого. Она неизбежно отстает от перемен в процессах труда. Исчезают одни профессии, появляются другие. Начали сооружать сборные дома заводским способом, и почти исчез здесь «король строителей» — каменщик, а главной фигурой стал монтажник, крановщик. Уходит с железной дороги паровоз, исчезает профессия кочегара, меняется труд машиниста, пересевшего на тепловоз.

От издания к изданию Е. Пермяк обогащал свою книгу рассказами о тех переменах, которые несла жизнь. Включались новые главы, менялась структура книги. И хотя путешествие в мир профессий оставалось, рассказ о профессиях группировался по определенным циклам, родственным «узлам».

Пафос книги, ее направление остались прежними. Это — отношение к труду, поиски своей «живинки в деле». Какие бы перемены ни произошли в жизни, какие бы новейшие орудия производства ни получил человек, он остается повелителем созданной им машины. Она служит ему послушно, разумно-повелеваемо.

В этом смысле книга «Кем быть?» не может устареть, как не может устареть труд.

Увлеченно рассказывает Е. Пермяк о богатстве недр нашей

¹ Е в г. Пермяк. Кем быть? — М.: Мол. гвардия, 1946.— с. 11.

Родины, о мощи ее промышленности и сельского хозяйства. Передавая читателю свое увлечение романтикой труда, он вдохновенно мечтает о великом будущем своего народа и Родины. И не только мечтает. Он видит, как самые заветные мечты народа воплощаются в жизнь. Книга устремлена в будущее. Увлекательность великих задач, которые предстоит еще решать, помогает юношеству верно определить направление своих интересов, найти свое место в великом народном созидании, глубже понять великое, поистине философское значение труда.

Книга «Кем быть?» стала настольной не только для нашей молодежи.

Она неоднократно переводилась за рубежами нашей страны. Ее читают юноши Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, обогащаясь опытом и успехами, достигнутыми в нашей стране.

Конкретность материала, экономия изобразительных средств, красочность языка, динамичность диалогов, увлекательность путешествия по жизни, эмоциональная насыщенность, публицистичность авторского повествования — все это делает книгу «Кем быть?» заметным вкладом в советскую научно-художественную литературу.

Из путешествия в мир профессий сам писатель возвратился обогащенным.

Книга «Кем быть?» помогла и ему найти «живинку» в своем писательском деле.

Г л а в а т р е т ь я

Т А Й Н А Ц Е Н Ы

В СКАЗКЕ КАК В ЖИЗНИ

Дотошный паренек Сергунька, герой одной из сказок Е. Пермяка, прежде чем стать мастером, должен был открыть великую тайну цены человеческого труда. Кажется, легкой работой занимался дедушка Гордей, при котором жил Сергунь-

ка — собирал раковины на берегу и высекал из них пуговицы. Не сразу понял дотошный паренек, когда цена входила в эти даровые раковины, отчего они стоить начинали. Смотрит Сергунька — даровая глина лежит на земле, не стоит ничего. А гончар-кувшинник делает из нее кувшин «незнаемой цены». Так и в любом труде — лодочника, камнетеса, рыбака — дары природы становятся ценностью. И только когда Сергунька сам работать стал, понял: в трудовых руках — тайная сила цены. «Так открыл Сергей великую тайну цены, нашел ключ ко всем замкам. И на что ни поглядит теперь — на дом ли, на стол ли, на узорчатую ткань, на ржаной хлеб, на радужные пуговицы, — труд человека видит: цену всех цен, корень всех ценностей-драгоценностей нашей земли и самой жизни»¹.

Не сразу стала доступной «тайная сила цены» писательского труда и автору этой сказки. Найдя в «Кем быть?» главную жилу своего творчества — тему вдохновенного радостного труда, он долго искал средства ее художественного решения.

Евгений Пермяк идет туда, где трудятся его герои, и пишет очерки о людях послевоенных пятилеток — «Анна Кузнецова» (1948); едет на Урал, записывает сказы рабочих и создает своеобразную летопись борьбы и труда, патриотических дел уральских горняков — «Слово о горе Благодать» (1949); присутствует при рождении трудовых резервов и по свежим следам пишет книгу «Герои грядущих дней» (1951). Может быть, это была та работа, в которой писатель еще не находил «тайны цены» своего мастерства? Может быть, и так. Во всяком случае, это была «разведка боем», честные поиски, и они не прошли бесследно для писателя.

После успеха «Кем быть?» Евгений Пермяк продолжал искать свое место в литературе для детей и юношества и не так уж легко прокладывал свои дороги. Повесть «Яснокамское лето» (1951) и роман «Драгоценное наследство» (1951) были оценены читателем и критикой как неудача писателя.

Пионервожатая Екатерина Норина из повести «Яснокамское лето» говорит: «В мальчике, может быть, просыпается самое прекрасное — профессия, тяга к производственному труду. Этого гасить нельзя!» В книге «Кем быть?» писатель нашел общие формы и частные средства, раскрыв и поэзию труда и секреты разных профессий. В повести «Яснокамское лето» ему не уда-

¹ Е в г. П е р м я к. Счастливый гвоздь: Сказки. — М.: Детгиз, 1956. — с. 25.

лось сделать это художественно цельно и своеобразно. Механическое перенесение некоторых, выработанных в «Кем быть?» приемов, самой формы путешествия погубило повесть. Писателю очень уж хотелось показать, как широко «охвачены» пионеры летними лагерями, и он стал на путь схематического описания пионерских лагерей и даже отдыха тех ребят, кто «остался неохваченным». Повесть перегружена практическими советами, противоположенными художественному произведению. Лишенная сквозного действия, она распадается на отдельные, почти не связанные между собою эпизоды. И наконец, в ней нет живых характеров пионеров, полных юношеской непосредственности и обаяния.

Е. Пермяк впервые обратился к изображению трудовых резервов в романе «Драгоценное наследство». Он широко, с протокольной обстоятельностью, этап за этапом прослеживает процесс воспитания будущих рабочих-сталеваров. Перегруженность повествования побочными сюжетными линиями, порою нежизненными, легковесно разрешаемыми конфликтами, надуманность образов и нетребовательность в отборе языковых средств помешали ему и здесь достичь сколько-нибудь заметного успеха.

Повесть «Яснокамское лето» и роман «Драгоценное наследство», при всех их идейно-художественных просчетах и слабостях, сыграли свою роль в писательской судьбе Е. Пермяка. Лаврентий Матвеевич из «Яснокамского лета» рассказывает «старый сказ» о Змейке. Знатный сталевар Солодов из «Драгоценного наследства», опираясь на уральские легенды, сочиняет сказку о Руде Вулкановиче и Угле Кедровиче. Как и в книгу «Кем быть?», писатель вставлял в эти произведения сказы и сказки, созданные по народным образцам, и однажды заметил, что далеко не все возможности этого жанра исчерпаны, здесь можно сказать свое слово.

Слишком велика была слава Павла Бажова, открывшего читателям кладезь народной мудрости уральских умельцев — рабочих сказов. Нужно было определить свою «точечку», найти свое место. И Евгений Пермяк долго и настойчиво работал, оттачивая каждую фразу своих сказок. В 1954 году он наконец решил опубликовать в «Огоньке» три коротенькие сказки. За ними появились другие. Сказки стали печататься в «Мурзилке», «Молодом колхознике», «Работнице», «Техника — молодежи», «Вожатом», «Смене», «Юном технике» и других жур-

налах. Так возник сборник сказок Е. Пермяка «Счастливый гвоздь» (1956), а затем «Дедушкина копилка» (1957), «Семьсот семьдесят семь мастеров» (1959), «Замок без ключа» (1962) и, наконец, итоговые книги «Памятные узелки» (1967), «Рассказы и сказки» (1971).

Первые же сборники сказок воспринимались как незаурядное явление в литературе, как художественно самостоятельное продолжение той линии утверждения труда — основы человеческой жизни, уважения к труду — источнику всех богатств на земле, которая определяла писательский облик Е. Пермяка со времени книги «Кем быть?». Сказки рассказывали о труде, украшающем жизнь, несущем счастье, о талантливых русских умельцах. У них «каждые руки по-своему хватки, во всякой голове — свои задатки».

Сказка «Счастливый гвоздь» дала название всей книге. Герой ее, маленький Тишка, вырос без отца, в бедности. Добрые люди присоветовали ему сходить к кузнецу Захару, который будто бы все может, «даже счастье кует». Но кузнец заставил самого Тишку ковать счастье, свой золотой, счастливый гвоздь, который его всем ремеслам выучил. Прежде чем позолотел этот гвоздь, молодцу Тише пришлось лесорубом и шорником, плотником и пахарем стать. Не сразу счастье далось и в руки кузнецовой дочке Дуне. Училась она прясть, ткать, шить да вышивать, потом только нашла «счастливый гвоздь» с Тишей.

Человек — кузнец своего счастья, золотые руки несут ему это счастье. Труд формирует характер человека, определяет его, дает здоровое начало. Подлинными хозяевами жизни предстают герои сказок Е. Пермяка. Им подвластны тайны природы и ремесла, вечно великий смысл человеческого труда. Это и Фока — на все руки дока, что никудышного царя Балдея Обалдуевича перехитрил и «умом свою державу прославил», и Иван — крестьянский сын, которому рукавицы и топор счастье принесли, и Маркел-Самодел, и его дети, в каждом из которых своя «трудовая жилка бьется», и Ванек — мастер самоходные лапти плести, и дотошный паренек Сергунька, постигающий великую силу цены человеческого труда.

О жизни народа, его прошлом и о дне сегодняшнем, о русских мастерах-умельцах, работа которых всегда славилась во всем мире («Дорогая ласточка», «Сказка о большом колоколе»), о выборе ремесла по душе, о высоком мастерстве и вдохновении в труде, когда работа поет, сверкает, доставляя радость, —

вот о чем рассказывают сказки Евгения Пермяка. Воспитательный смысл их — в величии человека труда, в торжестве его над силами природы.

Традиционные, кажется, темы добра и зла, благородства и смелости, верности и находчивости приобретают в сказках Е. Пермяка конкретный смысл, современное звучание. Он рассказывает о сыне вдовы, который «чужой травой в трудовом поле рос», «с руками — безрукий, с ногами — безногий». «Ни сено косить, ни дрова рубить. Ни ковать, ни пахать. Ни корзины плести, ни двор мести, ни коров пасти». Писатель не может пройти и мимо хвастуна верхогляда Фили, который глазами будто бы все может сделать, да руки не слушаются — сухие, не привычные к делу.

В работе над сказкой писатель, опираясь и на свой драматургический опыт, создает драматически оригинальные ситуации. Его пьеса-сказка «Золотая сорока» (1959) с успехом шла на сцене театра им. Ермоловой. Ее смотрели не только дети, но и взрослые.

Героиня этой сказки, вдова рыбака Верея, подобно иным современным матерям, в поисках счастья-безделья для своегомышленного сына Фатьяна уводит его и своих соседей из трудной жизни в счастливую сказку. При помощи чудесного перстня, поддунутого Оборотнем, Верея вместе с окружающими ее простыми людьми попадает «из были в небыль». Добрая Фея хочет помочь матери, научив ее сына играть на чудесной волшебной скрипке. Но Верею не устраивает долгое учение — «три тысячи и триста тридцать три зари» и тяжкое условие доброй волшебницы — «не играть для своей выгоды, для своей корысти».

В то время как Верея гоняется за даровым счастьем для своего сына, охотится за золотой Сорокой, которая линяет золотыми перьями, Фатьян добывает свое трудовое счастье. Простые люди, рыбаки Лукомор, Крутояр, Моряна приобщают его к труду, воспитывают честным, добрым, несущим людям счастье и радость. Своей волшебной игрой на скрипке он спасает их от беды.

Но злые темные силы — ведьма-чаровница Осока, ее верные слуги, Оборотень и Сорока, — одурманивают Верею, соблазняют ее «сорочьим счастьем». Оказавшись с матерью в сказочном богатстве, Фатьян становится бездельником, озлобляется, уже не несет народу радости, не служит ему. Хорошие люди пони-

мают, что они «в худую сказку попали». Им не по душе праздная жизнь, которой с помощью злых сил добилась Верей. Они уходят из этой сказки «в родные края, в любимые дела, в счастливые заботы».

Развертывая сказочное представление, автор утверждает торжество добра над злом, призывает не повторять в жизни того, что случилось в сказке. Для Фатьяна, его матери и невесты Лилей в жизни все это могло бы кончиться плохо. Поэтому пусть живет сказка в их памяти, в людской молве да уму-разуму учит.

Созданные писателем сказочные образы и ситуации заключают в себе современные взгляды на воспитание молодежи. Сказка становится той яркой и емкой формой, которая зримо передает мысли автора о подлинном счастье в труде, о назначении человека — нести добро людям. Сказка и жизнь здесь переплетаются, сказка помогает понять жизнь, определить свое место в ней.

Продолжая искать разнообразные способы создания современной сказки, Пермьяк написал аллегорическую, полную сарказма сказку «Королева Буль-Буль» и принципиально важную полемическую «Сказку о белом Аисте» (1956), которая послужила основой для киносценария, необычного по композиционно-образной структуре, полного тонкого юмора, связанного с осмеянием литературных штампов и трафаретов ¹.

В «Сказке о белом Аисте» писатель опирается на сказочно-бытовую деталь: «Маленькие дети в каждой семье появляются по-разному. В одних семьях детей покупают на базаре у старого цыгана, в других — находят под кустом можжевельника или на капустном листке в огороде. Некоторых новорожденных привозят вместе с выздоровевшей матерью из больницы. Бездетная семья Сахаровых предпочла прибегнуть к услугам Аистов» ².

И вот аисты приносят в семью слесаря Сахарова превосходного во всех отношениях мальчика Андрюшку, точно такого, какого хотели родители.

Мальчик из будущих дней сказочно появляется на свет. Растет он не по дням, а по часам, как и полагается сказочным

¹ Ев г. П е р м я к. Сказка о белом Аисте: Сценарий кинокомедии на литературные темы. — Искусство кино, 1956, № 12, с. 43—81.

² Ю н о с т ь, 1956, № 5, с. 63—68.

детям, и сталкивается наконец с сухой и рассудочной старшей пионервожатой Катей, появление которой в жизни так же необычно, как и появление Андриюши. Она пришла в школу из «хорошо отредактированной» повести известного писателя, автора книг для юношества. Может быть, она появилась и другим способом, в результате подражания книжной Кате. Не в этом суть.

Лишенная сердечности, самых человеческих качеств, «заредактированная» Катя не верит, что в жизни могут быть безупречные люди. Андриюша для нее не живой человек, а «чучело идеального героя», ненастоящий мальчик, искусственно наивный, притворно хороший, голубоглазый, сахарный не только по фамилии. Таким он показался Кате потому, что «о происхождении других она судила по своему собственному происхождению — из чернильницы».

Писатель сталкивает двух своенравных волшебниц — Жизнь и Сказку. Жизнь подсмеялась над книжной девушкой, растоптала ее чернильный авторитет и ее рассудочные суждения, доказала жизненность светлого мальчика. Даже те, кто создавал такую Катю, зачеркивали ее острыми стальными перьями.

У сказки свои законы, свои способы утверждения жизни. Сказка не может считаться с литературными канонами. Это — мечта. И она опирается на жизнь, верит в торжество всего лучшего в ней. Сказка способна видеть «в невероятном прекрасное» и утверждать его. Сказочный аист, «крылатый сын Мечты и Воображения», желая людям счастья и совершенства, вырвал из Будущего и поселил в Настоящее хорошего мальчика. «Поселил для того, чтобы самые светлые люди на белом свете жили еще светлее...»

Вот почему сказка в творчестве Пермьяка становится современной. Ею писатель активно вмешивается в день сегодняшний. Сказки Пермьяка реалистичны. Но их окрашивает и светлая романтическая мечта о торжестве всего лучшего на земле. Небыль в ней становится былью, творимой легендой, утверждающей народное отношение к жизни. Это драгоценное качество и определило самобытность сказок Пермьяка, собранных в его итоговой книге «Памятные узелки».

Пятьдесят сказок вобрал до этого в себя сборник «Дедушкина копилка» и скрепил их общим зачином: «Я ведь, внучка, тоже внуком был, и мне тоже дед сказки рассказывал. Придумает он сказку, или услышит, сейчас же в копилочку безде-

лушку-памятку положит, чтобы сказку не позабыть. Про гуся сказка — гусяное перо. Про свечку — огарочек, про белояровую пшеницу — зернышко. И ты так, внучка, делай, когда бабушкой станешь. Тебе и завещаю эту дедушкину копилочку»¹.

Образ сказочника-наставника проходит через всю книгу. Он верит, что копилка эта не только ему в наследство досталась. Это наследство каждому надо беречь и умножать по мере сил. Вступительная сказка о «дедушкиной копилке» не только объединяет все циклы сказок в единое, цельное повествование, но и освещает его мыслью мудрого народного сказителя. Каждый цикл получает название одной из самых важных сказок тематического раздела.

Этим еще больше выявляется идейно-тематическая направленность каждой группы сказок.

«Дедушкина копилка» — не сказки о старине, обработанные и собранные вместе. Евгений Пермяк почти не пользуется известными сказочными сюжетами. Он создает свои, новые сказки, обогащая ими народный репертуар. «Пермяку удалось создать, — писал Тихон Семушкин, — короткие, хорошо запоминающиеся, сюжетно увлекательные, написанные сочными, яркими мазками сказки. Не все они равноценны: есть более удачные, есть менее удачные; есть законченные и отделанные так, что сразу же войдут в народный обиход, — они написаны как песня и отличаются замечательной простотой, которая с большим трудом достается каждому художнику и служит лучшим критерием той художественной правды, которой ему удалось достичь. Есть в сборнике и несколько натянутые сказки; в них слишком заметно авторское нравоучение, слишком сложен язык, проскальзывает чуждая сказкам, которые прежде всего должны быть простыми и доступными, усложненная и напыщенная манера выражаться»².

...И Тихон Семушкин прав, когда он, указывая на эти отдельные недостатки сказок Евг. Пермяка, сосредоточивает внимание не на частных неудачах автора, а на его принципиально важном новаторском успехе в жанре современной сказки.

Тематически и художественно, по своей стилиевой манере,

¹ Е в г. П е р м я к. Дедушкина копилка: Сказки. — М.: Мол. гвардия, 1957. — с. 4.

² Т. С е м у ш к и н. Пятьдесят сказок Евгения Пермяка. — Комсомольская правда, 1958, 12 февр., № 36, с. 4.

сказки Евгения Пермяка необычайно своеобразны. Есть у него и сказки, написанные в традиционной манере русских народных сказок («Фока — на все руки дока»): с устоявшимися образами глупого царя и умного Ивана, торжеством человеческого разума над темными силами природы и жизни. Есть и сказка о злой королеве при семи некоронованных королях, владеющих всем богатством страны («Семь королей и одна королева»), со сказочной мечтой народа о «добром царе». Но Евг. Пермяк по-новому трактует эти сказочные сюжеты. Герои сказок не ищут помощи у волшебных сил. Побеждают народная пытливость, труд, настойчивость, знание. В этих сказках славится прежде всего мудрость, труд и смекалка народа, его великая мечта о торжестве добра, счастья, справедливости на земле. Традиционные сказочные образы царей и королевичей, волшебниц и умудренных опытом народных умельцев действуют в новых обстоятельствах. Рядом с ними возникают новые сказочные персонажи, созданные фантазией автора.

Главный герой сказки Пермяка — труд человека, несущий счастье и радость людям. Это и есть та старая и вечно новая сказочно-волшебная сила, которая всегда очаровывает и всегда остается современной. Только трудом добывается счастье, только в труде — могущество человека, источник жизни. В одной из стержневых сказок «Дедушкиной копилки» художественно оригинально разворачивается мысль о вечности и преемственности труда, о радости передачи трудового мастерства поколениям, чтобы труд еще громче звучал, трудовая слава ярче цвела, чтобы люди глубже свое дело видели, шире на работу свою смотрели.

Только на первый взгляд кажется, что сказка и современность несовместимы. «Дедушкина копилка» Е. Пермяка глубоко современна своим пафосом прославления труда, его сказочной романтики и живой поэзии. Вековечная мечта о счастье человека труда стала былью в нашей стране, воплощенной мечтой. На этом и основана современная сказка Евгения Пермяка.

Сказка не только для потехи сказывается, душу веселит и сердце греет. Сказки о ковре-самолете, топоре-саморубе трудные люди в муках непосильного труда выдумали, «легкокрылой надеждой-роздумью о самосильной машине-помощнице жить заставили» («Про дедушку Само»). Стала жить теперь эта сказка-быль, по словам Евгения Пермяка, в станках саморезных и самоточных, пилах самопильных, лодках самоходных,

самовязках, самокатах, самолетах, самосвалах... Пусть живет эта сказка, эта мечта народа, «она еще не к одной новой машине имя дедушки Само приставит».

Так и случилось. И случилось неожиданно счастливо для сказки, когда она зажила второй жизнью, появившись на страницах «Правды» под названием «Сказка о сказке про дедушку Само», имя которого зажило «межпланетно» и приставилось к чудо-луннику:

«В последнем сентябре первого ленинского столетия она к шестнадцатому лунному кораблю ой как сверкательно имя дедушки Само приставила. И приставила не по своему сказочному хотению, а по новым его корабельным данностям; полнее полного, короче короткого этого диво-лунника нарекла:

Самовзлетным. Самопосадным. Самовозвратным. Самоуправительным. Самокопным. Самобурильным. Самопогрузочным. Саморазгрузочным. Самовидящим. Самослушающим. Самоотвечающим... И еще тридцать три прозвания, и каждое с Само начинается. И живет это приставное словечко-имечко в том корабле от самомерных градусников, самописных записывателей, самосъемных снимателей до всякой прочей самочуткой приборности-аппаратности... Этим и славен Само, порожденный тем же дальнзорким умом на благо всех людей подлунного мира и на распознавание залунных миров, которые копнет еще самокопная лопата, неузнаваемо преображенная такими же, как и он, Само, только не сказочными, а живыми учеными-чудодеями»¹.

Сказки о наших днях: «Маляр с золотой медалью», «Удочеренная яблонька», «Про два колеса» — почти невозможно отличить от рассказа. Е. Пермяк сближает эти жанры, стирает грань между ними. Чаще всего новая сказка в его «Дедушкиной копилке», в «Памятных узелках» приобретает научно-познавательный смысл. Опираясь на традиционное строение сказки, Е. Пермяк находит свое оригинальное решение, новые сюжетные повороты. Издавна в сказке вода и огонь были лютыми врагами, а в сказке «Как огонь воду замуж взял» они не только подружились, но и соединились навечно в железном котлетере, который построил для них толковый мастеровой человек Иван. Так родился сын Огня и Воды — Пар-богатырь: «На завод

¹ Евг. Пермяк. Сказка о сказке про дедушку Само.— Правда, 1970, 18 окт., с. 6.

пожалует — колеса завертит. Где сто человек работали — одного хватает. Муку мелет, хлеб молотит, ситец ткёт, людей и кладь возит — народу помогает, мать, отца радует...

Год от году растёт сила их сына-богатыря, и слава о русском мастеровом человеке не меркнет. Весь свет теперь знает, что он холодную Воду за жаркий Огонь выйти замуж заставил, а их сына-богатыря нам, внукам-правнукам, на службу поставил».

Мысль о могучей силе человеческого труда не просто варьируется в сказках («Как самовар запрягли»), но почти всегда находит новое, художественно оригинальное решение. Познавание в сказках Е. Пермяка («Пропавшие нитки», «Мелкие калоши» и др.) неотделимо от воспитания. Юный читатель черпает в них сведения о жизни природы, о значении вещей, о богатствах нашей земли и могуществе Родины. Автор сказок не бесстрастный летописец и нейтральный просветитель. Он никогда не забывает, зачем нужны эти знания его юным друзьям. Он хочет, чтобы и их труд был поставлен на службу нашему обществу.

Есть в «Дедушкиной копилке» и сказки-побасенки, незамысловатый сюжет которых разворачивается из народных пословиц («Мать-мачеха», «Две пословицы», «Про торопливую Куницу и терпеливую Синицу», «У кольца нет конца»). В этих сказках-новеллах, не избегая порою даже слишком заметного авторского поучения, Евгений Пермяк, как и в других сказках, стремится донести до своего читателя определённую, конкретную «воспитательную энергию». Он знает, как важно находить свое дело («Маркел-Самодел и его дети»), славить народный ум, смекалку («Фока — на все руки дока»), учит ценить мастерство («Тайна цены», «Самоходные лапотки», «Счастливым гвоздь»), беречь достояние, богатство народа и понимать, что откуда берется («Семьсот семьдесят семь мастеров»), зажигает в юных душах «трудовой негасимый огонек», любовь к людям «трудовой завязи».

Пермяк нетерпим к верхоглядству в труде («Филя»), кичливости («Шантон-Болтон»), высокомерию и зазнайству («Мелкие калоши»), хвастливости и самодовольству («Некрасивая елка»). Он высмеивает выскочку и хвастуна («Гусь лапчатый»), легкомыслие («Белая бабочка»), чванливость («Неуступчивые сестры»), зазнайство («Скрипучая дверь»), заносчивость («Шумливое море»), учит высоко ценить дружбу,

доброту («Бумажный змей», «Две поговорки»), терпеливость и старательность («Про торопливую Куницу и терпеливую Синицу», «Торопливый ножик»).

В сказках Пермяка превыше всего ценятся трудолюбие и честность, доброта и скромность. Не потому ли так часто автор «Дедушкиной копилки» обращается к темам сказочного волшебства искусства, бессмертия прекрасного на земле («На все цвета радуги», «Некрасивая елка», «Пастух и скрипка», «Зоркий слепец»). Именно здесь его привлекает и волнует поэзия высоких чувств, восприимчивость человеческого сердца ко всему прекрасному в природе и искусстве.

Большой поэтический смысл несет сказка «Некрасивая елка». В датском говорящем лесу росла некрасивая елка. Стройные и красивые деревья презирали ее. Но сказочнику она нравилась. Всякий раз приходя в лес, он садился под эту ель, писал сказки, мечтая, рассказывал деревьям об их завтрашнем дне. Надменные и самодовольные деревья-соседи были уверены, что елка превратится в дрова, и это веселило их. Но случилось так, что некрасивая елка, побывав на бумажной фабрике, превратилась в прекрасную книгу сказок. Ей суждено было всю жизнь одарять людей счастьем, самоотверженно служить им, пробуждать все лучшее, все истинно красивое, что заложено в человеческом сердце. Этой поэтической аллегорией, в которой угадывается смысл всей жизни великого датского сказочника Андерсена, писатель вдохновенно завершает «Дедушкину копилку».

Казалось бы, о самых простых, известных вещах идет речь в сказках Евгения Пермяка, но писатель всегда находит возможность сообщить что-то новое, заставляет не только юного, но и взрослого читателя задуматься над смыслом человеческого труда, пользой создаваемых человеком вещей. Сказки Пермяка, кроме занимательного сюжета, увлекающего самого маленького читателя, полны внутреннего смысла, имеют «второй план», значительно более насыщенный раздумьями, глубоким содержанием, чем внешне занимательный сюжет. Этот «двойной прицел» не случайность для сказок Е. Пермяка. Любовь к жизни, к человеку, ко всему прекрасному и справедливому в них делает эти сказки одинаково значительными и интересными для читателей любого возраста.

Сказки Евгения Пермяка очень своеобразны не только по богатству выдумки, занимательности сюжета, но и по сочности,

выразительности языка. Сборник «Дедушкина копилка», как уже говорилось, скрепляется в цельное повествование образом рассказчика. На каждой сказке лежит печать его манеры «сказывать сказки». Вместе с тем каждая сказка своеобразна, имеет свое стилевое решение. Сказочная условность в языке не мешает стихии разговорной сказовой интонации. Крупные самородки устной народной речи, отточенные веками традиционные сказочные зачины, концовки, композиционные приемы троичности использованы Пермьяком по-своему смело и своеобразно, каждый раз по-новому. Острота сюжета сочетается в его сказках с динамикой повествования, развития действия, лукавый народный юмор — с басенной аллегоричностью. Чаще всего Пермьяку удаются сказки, в которых мораль не приносится искусственно в повествование, а органически вытекает из него.

Сюжетной основе сказки, времени и месту ее действия соответствует языковая структура повествования. Читателя радует звонкая и многоцветная народная речь. Черпая самобытные слова-самородки из народного словохранилища, писатель добивается сжатости, емкости и вместе с тем простоты, точности, поэтичности авторских описаний («Старик очень внука любил. И как не любить, когда он — дедушкин портрет, бабушкина улыбка, сыновья кровь, невесткина бровь и ее же румянец»; «Одна одёжу шьет — залюбуешься, вторая холстину ткёт — не надивуешься. У третьей посуда в руках улыбается. Какой горшок-чашку не слепит — всем весело»). Речь сказок из «Дедушкиной копилки» пересыпана юмором, близка к народной речи своей афористичностью («Темным людям свет всегда глаза режет», «Порознь народ — дождь, а вместе — полая внешняя вода. Сила!»). Е. Пермьяк неутомимо оттачивает форму своих сказок, добиваясь точности слова и образа.

В сказе «Долговекий мастер», посвященном памяти П. П. Бажова, говорится про слово, «материал всех материалов»: «из него все сотворить можно». «И нет ничего дороже его, — говорит Хитрован Петрович. — Нет ничего сильнее его. Город возьмет. Врага остановит. Сердце полонит. Мертвого воскресит. Живого умертвит. На путь наставит, с пути собьет. Ненавидеть научит. За собой позовет. Народы из темноты выведет. Солнцем им засветит. Крылья вырастит... Все подвластно ему»¹.

¹ Е в г. Пермьяк. Памятные узелки: Сказки. — М.: ИХЛ, 1967. — с. 138.

Силу «большого, настоящего слова» хорошо знал П. П. Бажов. И автор «Дедушкиной копилки» стремится идти дорогой его творческих поисков.

Неисчерпаем источник народной словесности, и оба писателя жадно припадают к нему.

Они умеют добывать речевое золото «на алмазных россыпях мудрых присловий», «на приисках самородных сказаний». У Пермяка был мудрый предшественник, который умел в дорогой оклад слово оправить, добыть у народа сказку и переплавить ее «в волшебное литье». И как этот долговечий мастер, учился у народа, черпал у него слово и Е. Пермяк.

Исследователи творчества П. П. Бажова отмечают большой путь, пройденный писателем от легендарного сказа о «старых людях» до «реалистических сказов о труде, быте, психологии, идеологии советского человека», до сказов о наших днях¹.

Творческие искания Бажова в его послевоенных сказах подхвачены и продолжены Пермяком. Книга «Замок без ключа» (1962) близка сказам Бажова последних лет не только потому, что это книга уральских былей-небылей, но и потому, что этих писателей сближает стихия народной речи, почерпнутой из одного источника.

Писатели едины в своих устремлениях раскрыть характеры русских мастеров-умельцев, людей недюжинного ума и сметки. Писатели близки друг другу вдохновенной поэтизацией их труда, который они рассматривают как искусство. Труд в любой профессии для них — выражение родником бьющего народного таланта. Духовное родство трудовых людей, преемственность поколений, самоотверженная борьба народа за свое счастье — вот что не уставало привлекать Бажова и Пермяка.

Откликаясь на события современности, Бажов не только расширил тематический диапазон своих сказов. На место привычного деда Слышко приходили новые рассказчики, смена которых вызывала и поиски иной стилиевой интонации сказов. Опираясь на завоевания «долговекого мастера», Пермяк находил свои творческие «точечки». Его были-небыли, как и сказы из «Малахитовой шкатулки», объединены образом мудрого народного рассказчика.

Рассказчик книги «Замок без ключа» — не только вырази-

¹ М. Б а т и н. П. П. Бажов. — Свердловск: Кн. изд-во, 1959, с. 227.

тель народной памяти, но и народного отношения к тем событиям и людям, о которых он повествует. Он рассказывает и «Сказку-присказку про родной Урал», и «Быль-небыль про Железную гору», и сказ про шумливое Пермское море. В его устах они звучат как исторически достоверные легенды, как итог образных народных обобщений.

Рассказчик Пермьяка — это представитель того старшего поколения рабочих Урала, которое свершало революцию и было обогащено ею. Это человек, помнящий старую жизнь, и наш современник. Он смотрит на мир глазами советского человека. Его позиции сказываются не только на отношении к прошлому, но и в оценке значительных перемен сегодняшнего дня Советской страны. Поэтому так остры и метки социальные характеристики этого рассказчика.

Носитель народного отношения к жизни — центральный положительный герой уральских былей-небылей Пермьяка. Художественные средства выражения этого народного содержания обрели самобытность тогда, когда рассказчик нашел свою интонацию повествования, свою манеру подачи событий и людей. Это и придало стилевое своеобразие сказам Пермьяка.

В устах рассказчика-современника фантастика уходит на задний план, уступает место реальным жизненным ситуациям. Фантастические образы Змея-полоса, Чертозная, уже использованные Бажовым, изредка появляются и на страницах сказов Пермьяка. Но даже эти фольклорные образы реалистически окрашиваются рассказчиком. Фантастика становится художественно условной аллегорией, одним из ярких образных средств, расцветивающих повествование. То, что было для народа загадочной фантастической силой, теперь стало познанной реальностью.

Сборник сказов «Замок без ключа» населен новыми героями. Это — люди пытливого ума и бунтарского характера: Аксинья Микулична из «Были-небыли про Железную гору», Егор Гордеич из сказа «Недовольный человек», уральский умелец дедушка Само. В их характерах обобщены судьбы людей, прокладывавших своим трудом и борьбой пути к торжеству вековой народной мечты о правде, о счастье для народа-труженика. Этой мыслью пронизана не только символическая быль «Про Силу и Правду», но и другие были-небыли книги «Замок без ключа».

Несколько сказов объединяются образом народного заступ-

ника Чертозная Викторovichа. Так нескладно прозвали скрывавшегося в лесах безымянного человека чиновники да урядники, чтобы запугать народ, которому он помогал хорошим советом. А он умел «доброто человека приветить, бедного пожалеть, несчастного осчастливить».

Образ Чертозная лишен той загадочной силы, которая характерна для «тайных» сказов о нем. Герои былей «Болтливая молния», «Чертознаева памятка», «Штраф за штраф» горой стоят за него, принимают как желанного гостя в доме, советника и заступника, выразителя интересов простых людей.

Книга Пермьяка полна метких жизненных наблюдений и психологических характеристик. Читатель сказа «Недовольный человек» не может не задуматься над судьбой двух друзей. Довольные собой Яковы хотя и честно живут, но малым огнем обгреваются. Егоры же велики счастьем недовольства собой. Они его находят в ленинском наказе: жить для людей, в любом деле «своим трудовым недовольством годы опережают и огненным доменным трудом светят».

Иного склада человек «веселой и горластой души» по прозванию Шумило Горланович Якалкин. Что бы ни делали — пруд ли прудили, мельницу пильную ставили, — он везде впереди, влюбленно, без изъяснов работает, всех обгоняет. Работа для него — праздник, веселый день. Но люди не очень чтут Якалкина, больно уж хвастлив, хотя и похваляется не зря, делом своим слова доказывает. А вот молчаливого, скромного Тихея Улыбу, что малосильной лопатой ковыряет, в тени стоит да жалостливо улыбается, уважают старики, жалеют. И все-таки они по делам судят, по труду, видят, что Якалкин правду сказывал, «не без огня дымил», «по рукам, по своей силе замахивался». Но и Улыба им люб своей скромностью, своей честной, неприметной работой. Так и теперь спорят люди: «От этого сказка не может досказаться. И живет она, как птица без крыльев, как фонарь без огня, как замок без отмычки. Может быть, вы какой ключик подберете — так милости просим, подбирайте».

В словах сказителя, призывающего досказывать дедову сказку по своему разумению, и выражена та искрящаяся народная мудрость, которую писатель черпает в народе для того, чтобы ему же и возратить ее обогащенной своим дарованием.

ДЛЯ «МАЛЫХ ПТАХ»

Современная сказка и сказ в творчестве Е. Пермяка неотделимы от его работы в жанре рассказа для маленьких. В итоговом сборнике «На все цвета радуги» (1959) сказка и рассказ хорошо живут вместе, под одной обложкой. Почти все, написанное Е. Пермяком для детей, вошло в его книгу, которая так и называется: «Рассказы и сказки».

Первый опыт Евгения Пермяка в жанре рассказа для маленьких книга «Торопливый ножик» (1957) имела успех у юных читателей. Подводя итоги развития современной литературы для детей и юношества, Леонид Соболев в докладе на I съезде писателей Российской Федерации выделил эту образную и занимательную книжку, в которой писатель сумел рассказать «о романтике труда, о той радости и удовлетворении, которые дает полезный труд»¹.

Не успели отзвучать эти слова, как юный читатель получил еще одну книгу рассказов Е. Пермяка о детях и для детей — «Тонкая струна» (1958). Эти книги рассказов для маленьких, как и сказки сборников «Счастливый гвоздь» и «Дедушкина копилка», пронизаны непоколебимой верой в красоту и могущество труда, изображают детей трудолюбивых, смелых, находчивых, умеющих быть полезными.

«Труд — не игра, — писал Евгений Пермяк. — Но труд детей часто рождается в игре. Ведь что вы не говорите, а девочка первый раз подметает пол играючи. Играючи она впервые моет посуду. Играючи сын помогает отцу расколоть дрова и принести их в избу. Труд должен приходиться к детям радостным и счастливым, потому что труд становится и обязательно станет радостью человека. В этом и состоит одно из важнейших условий перехода к коммунизму»².

Автор этих слов хорошо знает психологию ребёнка. Он умеет разговаривать с детьми задушевно, каждый раз находя нужную интонацию — то серьезную, то шутивную. Без назойливой авторской морализации писатель учит ребят тому, что

¹ Е в г. П е р м я к. Главный источник жизни. — Юношеская печать, 1958, № 1, с. 37.

² Л. С о б о л е в. Литература и наша современность. — В кн.: Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации. 7—13 декабря 1958 года. Стенографический отчет. — М.:— Сов. Россия, 1959. — с. 53.

они должны постичь, воспитывает их, помогает складываться характеру. Его бесхитростно простые по форме, доверительные по интонации рассказы несут малышам большие мысли. Только труд — начинают понимать они, — пусть самый скромный, самый незаметный, делает маленьких большими («Как Маша стала большой»). Маленького Мишу писатель заставляет задуматься над ценностью и важностью человеческого труда («Как Миша хотел маму перехитрить»), а Юру — радоваться тому, что «в большой семейной ухе была и его маленькая рыбка» («Первая рыбка»).

Строгал Митя палочку — некрасивая получалась. И решил он, что ножик плохой — косо строгает. А вот отец Мити приложил старание и выстрогал хорошую, красивую палочку. Стал Митя ножик терпению учить, но торопливый ножик долго не слушался, вкривь и вкось резал. Заставил его Митя все-таки быть терпеливым, строгать ровно, красиво, послушно.

С такой «озорной» хитрецей, близкой и понятной детям, подсмотренной у них, написаны почти все рассказы «Торопливого ножика». Само колесо у велосипеда сломалось — пусть само и чинится.

Совсем маленького ершишку поймал Сергунька, но ему все равно было приятно сознавать, что в большой ухе есть и его рыбка. Хочется верить Мите, что не он косо строгает, а торопливый ножик, который то вкривь, то вкось норовит вильнуть.

Тонких наблюдений над психологией поведения, поступками детей полна и книга Е. Пермяка «Тонкая струна» (1958). Общая, стержневая мысль о трудовом становлении подростков роднит эти рассказы, скрепляет их в единый цикл. Здесь и романтика ребячьих приключений, и будни детей. Одни из них, возвращаясь из школы, были настигнуты бураном и оказались находчивыми («Мама и мы»), другие, проявив не меньшую находчивость, поймали разбойника-волка («Разбойник»). Маленький Сергунька удачно охотится за зайцами («Тонкая струна»), а Славка, мечтая стать агрономом, спасает от града пшеницу и выращивает из нее дорогие семена («Славка»). Герои этих рассказов растут пытливыми, смелыми, настойчивыми. Из них обязательно вырастут честные, ищущие, хорошие люди, люди трудовой закалки, как и их отцы.

Писатель не только раскрывает очарование ребячьих приключений и их высокой мечты. Автор «Тонкой струны» про-

никает в мысли и чувства своих героев, заставляет читателя вместе с ними размышлять о жизни, о ее сложностях и противоречиях.

Писатель принес в книгу свой опыт, свои наблюдения, поэтому и удалось ему нарисовать живые характеры, заставив их жить самостоятельной жизнью.

Без отца, в трудное военное время рос Сергунька. Но рос он в трудовой семье, смышленным, отзывчивым мальчиком. Очень хотелось ему, единственному «мужику» в доме, доставить радость своей бабушке, чаем с сахаром ее напоить. Вот и идет он зайца ловить на струну, тайком снятую с гитары, чтобы получить за добычу в охотничьей лавке фунт чая.

Сибиряку Степе восемь лет, но это «мужик в полную силу», как ласково, с юмором, без улыбки говорят о нем родители: рассудительный, медлительно важный, с думающими синими глазенками, гордый в своем достоинстве, острый на язык. Он умело, как взрослый, ловит степных зверьков-корсаков. С детства закаленный, серьезный в деле, он и взрослым не уstraшит трудностей. И вместе с тем это, как и Сергунька, мальчик, описанный автором с отцовской теплотой, добродушной улыбкой, когда он так серьезно подражает взрослым, с пониманием его желания скорее вырасти и стать достойным членом трудовой семьи. Писатель находит убедительные штрихи, чтобы нарисовать образ этого мальчика во всей его мальчишеской непосредственности.

Евгению Пермяку по душе и настойчивый характер, воля к победе шестилетнего Андрюшки из рассказа «Дедушкин характер», и сердечная отзывчивость, любовь к людям, чуткость к большой политике мальчика Сени из рассказа «Египетские голуби», завидное трудолюбие маленьких наследников своих отцов.

Никчемные и пустые ребята, бездельники и зазнайки ненавистны писателю, и он знает, что его юные читатели разделят эти чувства. Вместе с ним они презрением заплатят собаке-бездельнице, изменившей своим обязанностям и ставшей жить на даровых лакомствах («Пальма»).

Рассказы Пермяка несут детям много интересного, познавательного, воспитывают добрые чувства. Еще в юности видел писатель, как перед казахскими юртами на цепи выращивали пойманного лисенка. К зиме лисенок становился лисой, а затем малахаем — особой казахской шапкой. Однажды у юрты казаха

Кусаина писатель увидел большую красивую лису. Она была привязана к колу и кормила пятерых лисят («Шестой малахай»). Тоскует лиса в неволе, но чувство материнства заставляет ее мириться со всем, забывая о цепи и неволе. В страхе, рядом с жильем человека воспитывала она пятерых лисят. Они выросли и осенней ночью покинули мать. Лиса жалобно звала их, лаяла на всю степь, не переставая вглядывалась в даль.

Пять малахаев ушли в степь, большой убыток нанесен казаку Кусайну. Но не мог он терпеть переживания матери, отпустил лису на свободу: «Если пропали пять малахаев, пусть пропадет шестой. У меня каждый раз будет болеть голова, когда я надену шкуру такой несчастной лисы»¹.

Лучшие рассказы Пермяка богаты тонкими наблюдениями, чувствами и раздумьями. У каждого из них свое настроение, свой «внутренний смысл». Именно этот «внутренний смысл» и несет автор маленькому читателю, веря, что он поймет его, разбудит в юном сердце большие человеческие чувства. Автор постоянно присутствует не только в рассказах, написанных от его имени. Он доверительно, как со взрослыми, беседует с детьми на сложные, жизненно важные темы, разговаривает с ними непосредственно и искренне.

Большая любовь к детям, завидное умение разговаривать с ними просто и привели Евгения Пермяка к рассказу, который не всякому дается, — к рассказу для самых маленьких, для тех, кто еще и читать не умеет, а слушает. Для них и написаны рассказы и сказки «Ах!» (1959), «Кто мелет муку», «Первая вахта», «Пичугин мост» (1960), «Рукавицы и топор», «Смородинка», «Колосок» (1961). Это книги совсем маленьких рассказов и сказок, из которых малыши многое узнают о жизни и труде.

Тема рассказов — на самой поверхности: почему Надю в детский сад не приняли, как Таня вместо крапивы смородину в садике завела, как ребята дрова школе заготовили, свое поле засеяли. О подвиге и славе мечтают ребята. Сема Пичугин, тихий молчаливый мальчик, ни о чем таком не думал, но он первый построил мост через речку Быстрянку — старую ветлу с одного берега на другой уронил. Мост потом настоящий построили, с чугунными перилами, а все равно назвали его «Пичугин мост».

Просто, без назидания умеет Пермяк рассказать дошколь-

¹ Е в г. Пермяк. Тонкая струна: Рассказы.— М.: Детгиз, 1956,— с. 74.

никам о том, как прекрасен труд, как надо о человеке по его делу судить. Пусть будут пока небольшие дела у него — щенят вырастить, раков в реке развести, стволы деревьев в колхозном саду побелить, скворечницу построить, больному человеку помочь. Особенно задушевно рассказывает писатель своим маленьким читателям-слушателям о разных профессиях. Каждая из них почетна в нашей стране. Это рассказы о счастье первой вахты на корабле, о радости труда в колхозе для всех и для себя, о важности любой работы и о многом другом. Больших мастеров угадывает автор в ребячьих делах и радуется подрастающей смене, умной, чуткой, заботливой.

Всемогуществом труда овеваны и сказки из книжки «Кто мелет муку». В них рассказывается о мельнике-умельце, чтобы ребята знали, «кому подвластны все ветры, все воды, кто строит все мельницы на земле», о всемогущей и вездесущей нитке, сработанной рукой человека, из которой ткется, плетется, вяжется много полезных вещей, о торопливой хорошице и синице-мастерице, способной из холстины хороший фартук выкроить.

С мягкой лукавинкой, подчас в шутливой форме, весело и остроумно, умело используя традиционные сказочные образы, «сказовый» язык, писатель сообщает самому маленькому читателю очень важные вещи, воспитывает в ребенке высокие моральные принципы нашего общества. Сказка оборачивается былью. Герои его сказок и рассказов — самые обыкновенные люди, трудолюбивые, сообразительные ребята. Они способны землю украсить, смородинку в палисаднике вырастить, по следу путь из леса найти, «во все вникать, везде, в каждой мелочи, для людей пользу выискивать». Нельзя не радоваться, глядя на работящую черноглазую Танюшку-смородинку с белой ленточкой в косе. Вырастет она и, как и другие герои рассказов и сказок Пермьяка, станет «на свою первую трудовую вахту».

Больше всего трогает в этих рассказах для самых маленьких простота и задушевность беседы писателя с детьми, щедрость его сердца. У Пермьяка есть рассказ «Ребячий песельник». Герой его звонко пел для ребят, а взрослые никак не могли понять, почему он только «для малых птах песни выдумывает». Пел он о труде, о любви, о честности, о высоких помыслах. Пел про дружбу, храбрость, про чистоту души. И выросли на его песнях из «малых птах» знаменитые мастера, именитые хлеборобы, большие ученые люди. Выросли честными, работающими, благодарными. И его, «ребячьего песельника»,

П. П. Бажов и Е. А. Пермяк. 1940 г.

Обложка А. Пахомова.

Обложка Ю. Смольникова.

Пьесы Евг. Пермяка.

Книги Евг. Пермяка.

Обложка Ю. Гусева.

Обложка А. Семенцова-Огиевского
и З. Воронцовой.

Обложка Г. Алимова.

Переплет Д. Хайкина.

Обложка И. Кузнецова.

Обложка Т. Звонаревой.

Обложка О. Коровина.

Обложка Т. Звонаревой.

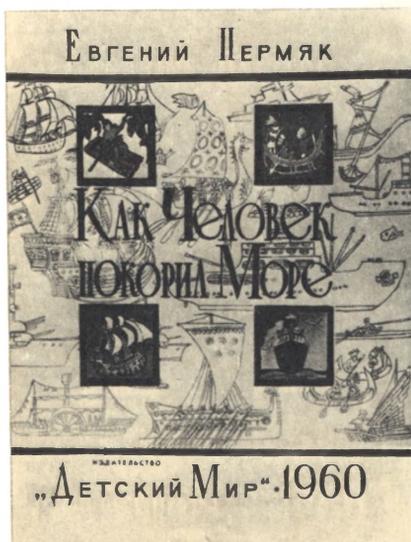
Обложка А. Пахомова.

Обложка П. Асеева.

Обложка А. Иткина.

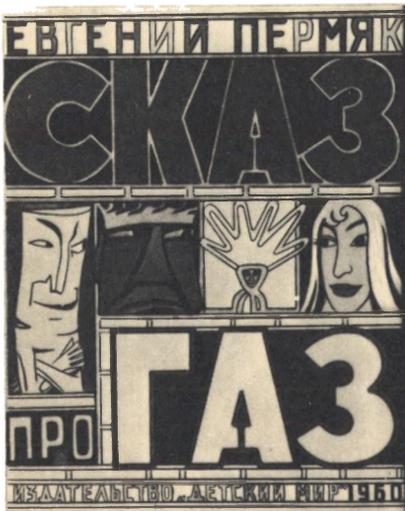
Обложка И. Кабакова.

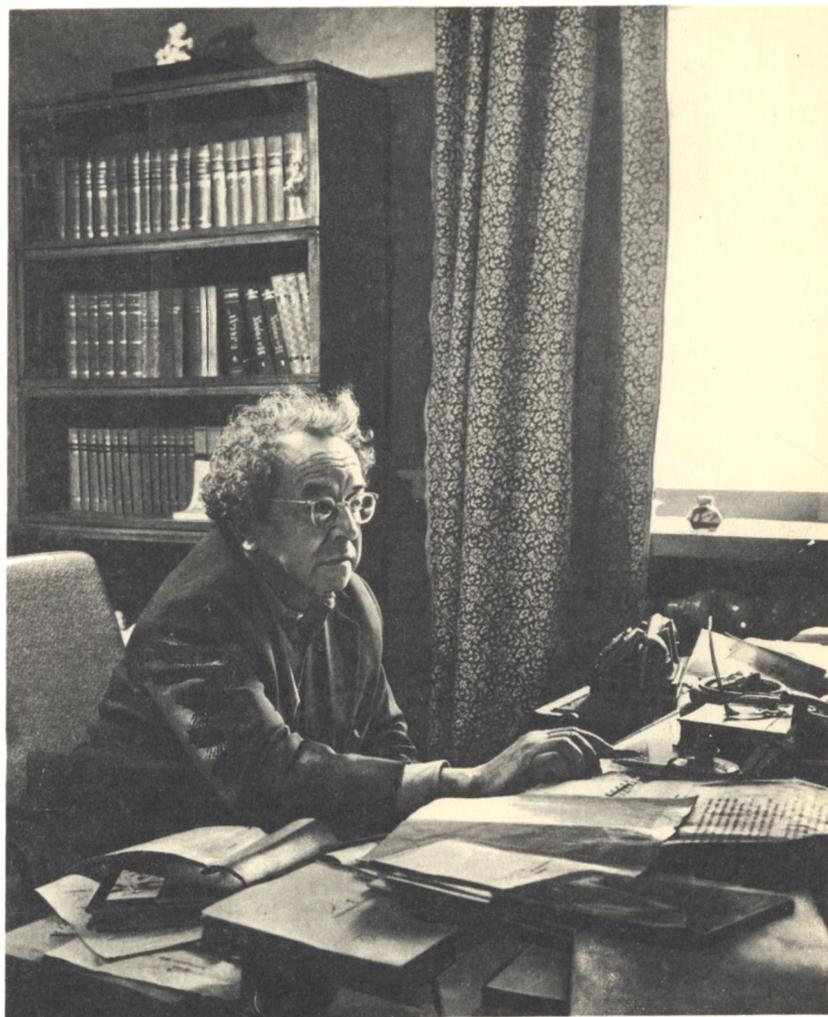
Маленькие романы.

Обложка И. Кабакова.

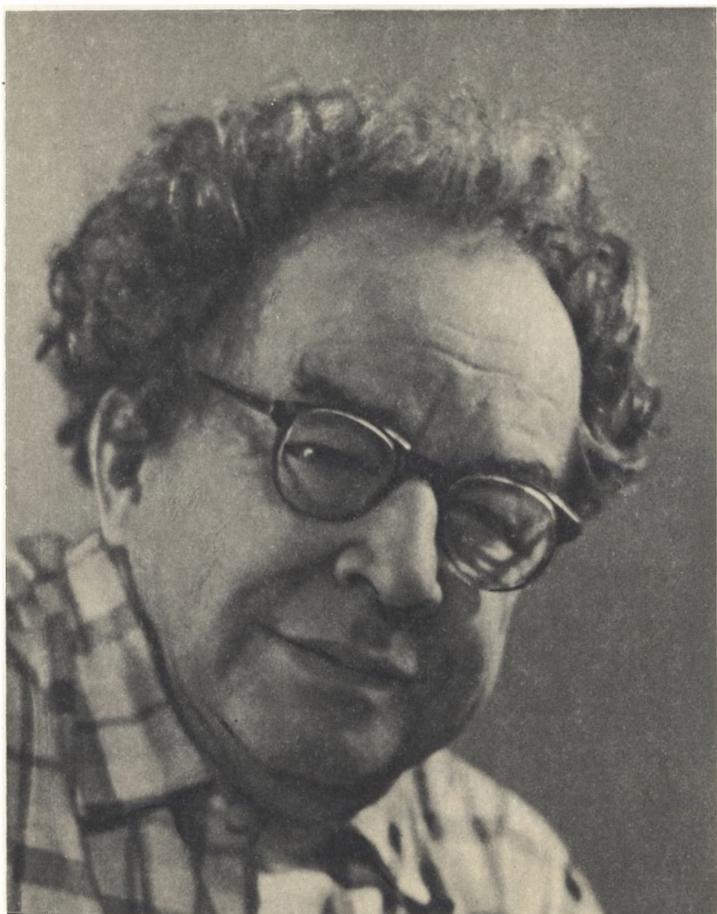
Обложка И. Кабакова.

Евгений Андреевич Пермяк за работой.

**Е. А. Пермяк и С. А. Баруздин на заседании III съезда Союза писателей РСФСР.
1970 г.**

«в один ряд с самыми знатными, с самыми первыми тружениками родной земли посадили»¹.

Любовь к детям, вера в их будущее заставляют Евгения Пермяка петь песни для «малых птах» — петь о поэзии труда, о высоких помыслах, про дружбу, про чистоту души, растить их честными и работающими.

ПОЗНАНИЕ — НАУЧНОЕ, ФОРМА — СКАЗОВАЯ

От книги «Кем быть?» многие нити протянулись через все творчество Пермяка. Долго и настойчиво искал он жанр и художественные средства, наиболее соответствующие научно-познавательным книгам. Сказка и сказ вновь сослужили добрую службу. Одна за другой были написаны: «От костра до котла», «Сказка о стране Терра-Ферро» (1959), «Как человек покорил море», «Сказ про газ» (1960).

Открылась эта серия научно-познавательных книг для детей сказом «От костра до котла», в котором прослеживается путь от пещерного костра до газового котла как путь торжества человеческих знаний. О трудной истории мореплавания — от плота к современному океанскому кораблю, ледоколу-атомоходу «Ленин» — рассказывает писатель в книге «Как человек покорил море».

Опыты эти не сразу принесли удачу. В первых книгах подчас не художник иллюстрировал текст, а автор давал подписи к рисункам, схематично расставляя вехи: «от костра до котла», от плота до корабля. И только тогда, когда появилась яркая «Сказка о стране Терра-Ферро», а за нею по-народному лукавый, с оригинальным рифмованным названием «Сказ про газ», стало ясно, что книги эти — свежая струя в детской литературе последних лет.

«Сказка о стране Терра-Ферро» — книга о значении железа в жизни человека, о судьбе страны, которая стала не только страной железа, но и страной справедливых законов. Как и раньше, Е. Пермяк опирается на приемы сказочного повествования и делает новую смелую и удачную попытку создать современную научно-познавательную сказку.

¹ Е в г. П е р м я к. Семьсот семьдесят семь мастеров.— Свердловск: Кн. изд-во, 1959.— с. 132.

Увлекательная по сюжету, полная неожиданных сказочных происшествий и событий, сказка эта приобретает острое политическое звучание, несет в себе глубокий социальный смысл. Сказочные условность и образность — хорошие художественные средства, расцвечивающие повествование о труде человека, о торжестве его разума и над стихией природы, и над извечными врагами — угнетателями всех мастей. В несколько необычных для традиционной сказки, обновленных или вновь созданных персонажах, добрых и злых, честных и лицемерных, типизированы полнокровные характеры. История взаимоотношения людей труда и их угнетателей-капиталистов раскрывает в образной, понятной для юного читателя форме закономерность смены одних общественных формаций другими, борьбу трудящихся за справедливость и счастье на земле.

Сказка о потерянном и возвращенном железе — поэтический рассказ о его значении в жизни людей, о том, как нужно дорожить этой основой, фундаментом могущества, силы, богатства человека. Рассказ о том, как человек познал удивительные свойства железа — это лишь только сюжет, пусть увлекательный, для того, чтобы рассказать молодежи о подвиге человека, торжестве его разума, борьбе за счастье, за будущее, которое называется коммунизмом, об умении защитить и отстоять свои завоевания в схватке с тайными и явными темными силами, с Гнилью и Ржавчиной, с жадными и жестокими колдуньями и злыми королями.

Отважный и смелый юноша, сын корзинщицы, совершает подвиг во имя народа, побеждает коварную ненавистную колдунью Ржавчину, и люди дают ему имя Ферро — имя железа, которое он вернул народу. Страна Терра-Ферро не только стала страной железа, но и страной справедливых законов.

«Короли чуть не погубили в смертельной вражде все богатства Терра-Ферро. И народ сказал, что у них никогда больше не появится ни одного короля. Даже в колоде игральных карт.

Народ сказал, что все блага будут принадлежать тем, кто их создает.

Народ сказал, что страной отныне будет править светлый ум народа и его трудовые руки.

Так и случилось, так и стало, как захотел народ»¹.

¹ Евг. Пермьяк. Сказка о стране Терра-Ферро. — М.: Детский мир, 1959. — с. 61.

Пусть еще не все найдено в этой политически острой и современной сказке Евгения Пермяка, сказке конфликтной и яркой. Писатель открывал неиспользованные возможности испытанного жанра народной поэзии и использовал их для создания современного познавательного произведения для молодого поколения. «Сказка о стране Терра-Ферро» не только рассказ сказочника-деда своему внуку о значении железа, о важности беречь вещи, сделанные из него, будь то станок, трактор или всего лишь столярные инструменты.

Пермяк не просто написал сказку, а художник И. Кабаков нарисовал к ней яркие картинки. Голос писателя-публициста, воспитателя, с партийных позиций оценивающего все окружающее его, звучит в сказке громко и смело. Его обращения к читателю придают сказке характер дружеской беседы автора с молодежью. «Сейчас я тебе расскажу удивительную историю...», «Ты, надеюсь, догадался...», «Посмотри, пожалуйста...», «Ты должен согласиться, мой мальчик, что такой порядок нельзя назвать справедливым. Представь себе, ты удишь рыбу моим удилищем, а я сижу, развалившись на берегу. Ты поймал двадцать одну рыбку. И я беру двадцать рыбок себе, а одну, только одну рыбку отдаю тебе. Это же бессовестно с моей стороны».

Такие обращения — средство активного вмешательства писателя в оценку событий, происходящих на страницах книги. Он не скрывает своего восхищения удивительными, чудесными, волшебными открытиями человеческого разума, поэтизирует трудовой подвиг народа. Автор все время сопутствует действию, вмешивается в него, помогает юному читателю понять тот социальный смысл, который вкладывается в сказку. Мастерски выписывая образы сказочных персонажей, Е. Пермяк не скрывает своего откровенно презрительного отношения к тем королям, которые правили страной Терра-Ферро. Он не только сатирически выписывает портреты хищников-эксплуататоров, но и заставляет читателей вместе с собой оценить их сущность. В сказке несколько некоронованных королей страны Терра-Ферро. Вот один из них — Черный король, король Железа:

«Посмотри, мой мальчик, на его голову, похожую на башню, на стальные веки его опущенных глаз. Посмотри на его страшную металлическую пасть. Посмотри на весь его облик человека-машины, человека без сердца. Как жесток должен быть этот король-машина».

«Теперь взгляни на портрет Деревянного короля. Не правда ли, кажется, что короля вытесали из пня? Посмотри, как похожи его глаза на дупла, волосы — на хвою сосны, борода — на лесную чащу, а нос — на старый осиновый сук... Какое дубовое выражение этого лица. Как жаден и безжалостен должен быть Деревянный король».

«Третий король страны Терра-Ферро назывался Золотым королем. Ему принадлежало все золото страны... Пусть король старается выглядеть доброжелательным. Но ему все равно не скрыть злого и колючего выражения своих глаз. Ему не спрятать страшного носа, напоминающего клюв коршуна. Ему не надуть впалые щеки, провалившиеся от жадности и погони за наживой. Напрасно он твердит людям о доброте своего сердца. Все равно все знают, что в его желтом ядовитом сердце — ядовитая ненависть к людям. Это был самый коварный и жестокий король из всех королей страны».

Такая публицистическая заостренность характеристик и обнаженная социальная окраска персонажей усиливают воспитательный смысл сказки. Не менее остро вскрывает писатель конфликты, типичные для времени, изображенного в сказке. В общее повествование включаются сюжетно завершенные сказки-легенды, сказки-были, но окрашиваются они красками волшебной сказки (похождение Ржавчины). Каждая новая сказка развивает действие, воспринимается с интересом.

Евгений Пермяк продолжает поиски в трудном жанре научно-познавательной литературы для детей. За «Сказкой о стране Терра-Ферро», получившей высокую оценку и премию конкурса Министерства просвещения РСФСР на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста, появился «Сказ про газ». Евгений Пермяк вновь прибегает к сказочной фантастике, чтобы познакомить своих маленьких читателей с одной из важных главок из истории техники — как переходили от дров к углю, от угля — к нефти, от нефти — к газу.

Обращаясь к первобытному прошлому человека, писатель нарочито сгущает краски, чтобы показать, как недружелюбно противостояла слабому, невооруженному человеку природа. Человеческий разум познал тайны Огня, заставил служить себе, сделал сильным и верным своим союзником и помощником. Языком художника, увлекательно, образно рассказывает писатель о борьбе человека, о познании тайн природы, ее богатств и секретов, воспекает трудовой подвиг человека.

Сюжет сказа — драматическое столкновение разных сил: Огня и Дров, Угля и Нефти, Нефти и Газа. Зазнавшиеся, хвастливые Дрова решили, что они — «всей жизни голова», но потерпели поражение в борьбе с Углем. Самые коварные из них, Осиновые Дрова-чурбаны решили поссорить Уголь с Огнем, напустили «хитрого осинового тумана», чтобы отравить Уголь своим зазнайством. Доверчивый и простодушный Уголь поверил в свое могущество, вообразил себя королем Огненной империи. Притворно вздыхая, Осиновые Дрова предсказали гибель королю Углю и объявили королевой принцессу Нефть, а затем принца в голубой короне по имени Газ. Старому работяге Углю стало стыдно, что он поддался коварным дровам-подстрекателям, позволил одурачить себя, стыдно за то, что возомнил себя старомодным королем. С тех пор «великое топливное объединение» живет «единой уважаемой семьей».

«Пусть дружно горит все, — заканчивает сказ Е. Пермяк, — что способно давать тепло и силу людям. Человек одинаково хорошо относится и к Газу, и к Нефти, и к Дровам, и к Углю. И нам, может быть, вовсе не следовало бы рассказывать эту быль-небыль, если бы она не учила нас уважать все, что способно гореть и приносить пользу»¹.

«Сказ про газ» — произведение научно-познавательное и вместе с тем несущее в себе большой воспитательный заряд. Его внутренняя, психологическая тема — зазнайство, хвастовство, «яканье» завистливых самовлюбленных Дров. Дружба и единство в общей борьбе, горение ради пользы для людей — вот что способно вызвать восхищение автора.

Быль-небыль про газ, рассказанная остроумно, с неподдельным «пермяковским» юмором, с выдумкой и находчивостью, опять стала заметной удачей писателя, его вкладом в научно-познавательную художественную литературу для детей.

АЗБУКА НАШЕЙ ЖИЗНИ

«Пермяк давно и неутомимо, — писал Лев Кассиль, — работает над тем, как приближать, делать понятным, видимым для наших ребят тот социальный, экономический, научный путь, по которому страна наша движется к коммунизму»².

¹ Ев г. П е р м я к. Сказ про газ. — М.: Детский мир, 1960. — с. 27.

² Моск. комсомолец, 1960, 11 дек., с. 3.

Взяв на вооружение перо публициста еще в годы Великой Отечественной войны, Евгений Пермяк никогда не выпускал это оружие из своих рук. Голос писателя-публициста звучит по радио в передачах для детей. Писатель активно вмешивается в жизнь, сотрудничает в газетах и журналах, выступает с публицистическими статьями о труде человека и его значении в жизни общества. На страницах «Пионерской правды» печатались беседы Евгения Пермяка «О завтрашнем дне нашей Родины». С полосу «Вечерней Москвы» пришла к детям младшего школьного возраста книга «О семи богатырях» (1960), книга о том, что несет советскому народу «первый год — богатырь из великого богатырского семилетия», чтобы «людям просторнее жилось, счастливее радостнее».

Одной из главных задач детской литературы Е. Пермяк считает воспитание у юношества «понятия об обществе, об общественно полезном труде»: «Как бы мы ни изощрались, без азов экономических знаний в воспитании юного поколения самого раннего возраста нам не обойтись»¹.

Этой задаче и подчинены многие публицистические книги Евгения Пермяка об экономике нашего общества, его государственном устройстве, о ступенях роста Советской страны, о ее завтрашнем дне.

Книги эти крепко связаны между собой, каждая из них вырастала из предшествующей.

Задуманные беседы со школьниками о наших пятилетних планах начал писатель книгой «Высокие ступени» (1958). Продолжая тему «Кем быть?», Евгений Пермяк особенно близок к «Рассказу о великом плане» М. Ильина. Он как бы подхватил начатое М. Ильиным и по-своему в наши дни продолжил рассказ о пятилетних планах.

«Если ты будешь читать эту книгу не торопясь,— обращается Е. Пермяк к школьникам,— вдумчиво и внимательно рассматривая нарисованное на ее картинках, у нас состоится интересный и очень серьезный разговор о том, чего мы добились за годы Советской власти и чего необходимо нам достичь в ближайшие годы, чтобы всем лучше жилось. У нас состоится разговор о завтрашнем дне нашей страны, нашего народа.

¹ Е в г. П е р м я к. Про жизнь совсем хорошую.— Литература и жизнь, 1960, 14 февр., с. 3.

Разговор о том, какие произойдут перемены за два-три года, как мы будем жить через десять — двенадцать лет»¹.

Неторопливо и дружески, как старший товарищ, ведет беседу со школьниками Евгений Пермьяк. Он идет от частного к общему, постепенно раскрывая огромное народное хозяйство нашей Родины, грандиозный размах труда, успехи советских людей, планы и замыслы народа и партии на будущее. На вещах простых, знакомых ребенку со школьного возраста, рассказывается о значении труда в жизни людей, о роли в обществе машин, делающих человека сильнее и богаче. Писатель уводит школьника на заводы-гиганты, в поле, где властвуют трактор и комбайн, на современные стройки, ведет его по высоким ступеням пятилетних планов. В образном, всегда конкретном авторском повествовании, сплавленном с множеством рисунков, оживают цифры, зримо раскрываются наши успехи в строительстве социализма.

Еще более величественны перспективы развития Советской страны. Е. Пермьяк заставляет школьника задуматься над тем, чем живет страна, как крепнет с каждым днем ее индустриальная мощь. Он с увлечением рассказывает о машинах, станках и заводах-автоматах, поточных линиях, о подъеме сельского хозяйства, росте производительности труда, о победах металлургов и успехах на транспорте, о росте силы сил — энергии.

Книга «Высокие ступени» лишена заманчивых приключений, в ней нет сквозного сюжета. Занимательным чтением для школьников ее делает романтика великих народных свершений, устремленность народа к своему коммунистическому будущему, величественность замыслов, так восторженно воспетых автором. Молодого читателя увлекают интересные факты, живые жизненные примеры.

«Высокие ступени», по словам их автора, написаны для того, чтобы молодежь со школьных лет знала, как устроено общество, в котором ей придется жить и работать. Писатель хочет, чтобы молодежь вошла в жизнь хозяином страны, разбиралась в своем хозяйстве, знала, как оно будет расти и каким будет в ближайшие годы.

Наука об обществе, экономике требует своих массовых

¹ Евг. Пермьяк. Высокие ступени: Рассказы о пятилетних планах. — М.: Мол. гвардия, 1958. — с. 4.

«букварей», книг для начального чтения. От книги к книге, накаляя воображение, Е. Пермяк учит хозяйственному отношению к окружающему, влюбляет в благороднейшую из собственностей — общественную собственность, воспитывает в школьниках первые коммунистические черты. «Заглядывая в завтра», писатель показывает детям, что наши планы полны «чудесных замыслов и великих преобразований».

Очерки о пятилетках, как и книга «Кем быть?», насыщены конкретным фактическим материалом. Чаще всего он взят из жизни тружеников могучего Урала. Беседы писателя целенаправленны. Они рождены стремлением пробудить у юноши свои способности и склонности, найти «свой золотой ключик», с помощью которого юноша может открыть двери «в мир машин, механизмов, приборов, в мир техники, где его ждет большое трудовое счастье». Евгений Пермяк опять озабочен тем, чтобы было меньше безголосых певцов и плохо играющих артистов, не любящих медицину врачей и бездарных художников. Он хочет, чтобы юноша, держа в руках этот «золотой ключик» своего дарования, не разжал бездумно руку и не стал искать свое трудовое счастье там, где его невозможно найти.

Уже теперь юноша может определить свое место в общем строю, в великих замыслах страны, поступить так, чтобы мечты оказались счастливыми для него и полезными для общества. «Девушка, начинавшая жизнь дояркой, может закончить ее ученым в области животноводства. В двадцать лет молодой человек работает слесарем, в тридцать — становится изобретателем с мировым именем. И это не слова. Это биография десятков тысяч людей».

Оценивая книгу Льва Кассиля «Про жизнь совсем хорошую» (1959), Евгений Пермяк писал: «Впервые в художественной литературе буква и цифра оказались не конфликтующими между собой печатными знаками, а родными братьями. Оказалось, что заглядывать в завтра, рисовать пути великого движения вперед нашего народа и каждого из нас невозможно без цифр, процентов, пропорций и соотношений. Слава цифре и певцу, нашедшему для нее высокое звучание в своей поэтической строке»¹.

¹ Е в г. П е р м я к. Высокие ступени: Рассказы о пятилетних планах. — М.: Мол. гвардия, 1958. — с. 4.

Как и Л. Кассиль в книге «Про жизнь совсем хорошую», Евг. Пермяк в очерках о пятилетке, о завтрашнем дне — с другими целевыми установками и другими литературными приемами — заглядывает вместе со своими юными читателями в завтрашний коммунистический день.

Особое признание школьников получила «Азбука нашей жизни» (1963), выдержавшая несколько изданий. А в книге «Наше государство» (1971) писатель рассказывает своим юным читателям о братстве народов нашей страны, о законе всех законов — Конституции.

Книги эти, по словам Л. Соболева, «построены энциклопедично». В них много сведений и рассуждений на экономические и политические темы, приобретающих действительно поэтическое звучание.

Убедительно рассказывает Е. Пермяк о мрачном прошлом царской России; легко, как по знакомой дороге, ведет читателя по жизни наших дней; совершает увлекательное путешествие по великой социалистической державе; вдохновенно рассказывает об успехах во всех областях трудовой деятельности народа. Вслед за автором читатель уверенно шагает по дорогам наших дней, ощущая, как «сказочная» мечта о счастье становится былью. В этом путешествии и разворачивается рассказ о том, как свободный человек творит дела, которые были под силу только волшебникам из сказок.

«Люди давно мечтали о такой жизни,— пишет Е. Пермяк,— когда всем и всего будет в достатке, когда всего будет в избытке, когда полностью будут удовлетворяться все растущие потребности человека. Эта мечта о счастье для всех зародилась в стародавние времена и дошла до нас многими сказками... Настало время, когда мечта о счастливом царстве для всех — о коммунизме — стала наукой, учением о законах развития общества, о неизбежной гибели капитализма... Первые ростки социализма уже прорастают на нашей советской земле»¹.

Грандиозные, величественные планы построения коммунизма день ото дня из мечты, из цифр и законов превращаются в явь. Образным словом одухотворяет Пермяк мир техники, увлекательно повествует о претворении планов в жизнь, о новых открытиях науки и техники, о торжестве человеческой

¹ Е в г. П е р м я к. Азбука нашей жизни. — М.: Дет. лит., 1968. — с. 79—80, 83—84.

воли и разума. Своего юного читателя он делает активным участником познания мира.

Хорошо зная своего читателя и справедливо считая, что основы марксизма-ленинизма — это «дух и обстановка, в которой должен расти ребенок с самого раннего возраста»¹, Е. Пермяк широко раскрывает природу нашего государства, его политические и экономические основы и перспективы развития. Ему всегда хотелось, чтобы книга для детей стала «волшебным лукошком» сеятеля, чтобы она давала жизнестойкие ростки коммунистического мировоззрения.

Бросать в детскую душу зерна трудового коммунистического мировоззрения — в этом смысл всей работы Е. Пермяка детской литературе. «Азбука нашей жизни» не только вобрала в себя многие мысли публицистических работ Пермяка для детей. Писатель охотно включает в нее свои сказки о труде, потому что «сказочное» вчера стало настоящим сегодня. «Азбука нашей жизни» — тот же откровенный разговор, но в публицистической форме, который ведет писатель на темы, ставшие центральными темами всей его деятельности в детской литературе.

Книги Евгения Пермяка о пятилетках, о технике и экономике нашего общества, адресованные школьникам, делают большое и нужное дело, активно участвуют в воспитании молодежи, в определении ее места в жизни.

Глава четвертая

ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

ЭТАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

Современность, по образному выражению Леонида Соболева, — это часть строящегося дома, тот этаж, в котором еще продолжаются работы: «без других уже законченных этажей он

¹ Евг. Пермяк. Великий волшебник. — Лит. газ., 1959, 26 марта, № 37, с. 2.

не мог бы «висеть» в воздухе», «нельзя также осмыслить его существование без представления о следующем этаже или крыше, которые должны его закончить»¹.

В этом строящемся этаже современной жизни бок о бок со своими героями-современниками работает и Евгений Пермяк. Героический труд во имя коммунизма стал душой не только его книг для советской детворы. Опираясь на прочный социалистический фундамент нашей жизни, писатель вместе со своими героями видит и тот завтрашний день, в который будут возведены новые этажи строящегося здания.

Призыв партии еще теснее связать литературу и искусство с жизнью народа, ярче отразить величие и красоту героических дел советского человека был органически воспринят писателем, потому что выражал направление его творческих поисков. Работая по горячим следам событий своего времени, писатель настойчиво, с первых же шагов в литературе, искал средства отражения современной действительности. В этих поисках ему далеко не всегда удавалось глубоко захватить жизненные пласты, художественно полноценно нарисовать характеры современников. Обратившись впервые как драматург к широкому изображению наших дней, Е. Пермяк трудно осваивал пути к романическому повествованию о современности.

Иногда, как это было в романе «Драгоценное наследство», внутренний мир героев заслонялся поверхностным описанием злободневных проблем воспитания рабочей смены, регистрацией чисто внешних примет, деталей и признаков времени. Не было здесь самого главного — пульса, дыхания самой жизни.

Романы Е. Пермяка «Сказка о сером волке» (1960), «Старая ведьма» (1961), «Последние заморозки» (1962) были подготовлены не только предшествующим опытом, но и большой лабораторной работой автора, творчески напряженным трудом. Замыслы этих романов выношены писателем давно и являются развитием основных линий его творчества.

Современный роман — духовное оружие во имя грядущего. Современность в нем — не только день сегодняшний, но и наше завтра.

¹ Л. Соболев. Литература и наша современность. — В кн.: Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации. 7—13 декабря 1958 года. Стенографический отчет. — М.: Сов. Россия, 1959. — с. 20.

«И если его в произведении нет,— справедливо считает Пермяк,— нет и произведения на современную тему... Современность — это не фон, каким бы большим и ярким он ни был...

В романе или повести современность не может быть и вторым планом, второй «линией фронта». Современность — это не только идея произведения, актуальная проблема, которая в нем ставится, но и все остальное, вплоть до сюжетных изломов, характеризующих именно наше, а не предшествующее ему время.

Оттого что над головами действующих лиц взлетает многоступенчатая ракета, они еще не становятся людьми современности. Внутренний мир героев тридцатых, сороковых годов и героев наших дней, конечно, имеет много общих черт, но есть между ними и различия. Заметить и показать эти различия, эти новые ростки в сознании и чувствовании героев — значит показать главнейшие приметы времени»¹.

В этом русле и идут искания Е. Пермяка как автора романов о нашей современности. Его привлекают не внешние приметы дня, а столкновения характеров и событий, выражающих дух времени. Поэтому современность в его романах не фон, а основное содержание, определяющее конфликты повествования, образную систему, всю его структуру. Идеино-художественной основой такого романа становится мир чувствований героя наших дней, его активная борьба за свои идеалы.

Писатель поднимает большие социальные проблемы и подает их политически остро, активно вмешиваясь в повествование. Публицистическая страстность письма, сатирическая окраска и лирическая взволнованность авторских характеристик — существенные особенности романов Пермяка. Судьбы его героев всегда отмечены печатью нашего времени. В столкновении резко контрастных характеров и убеждений раскрывается политическая зрелость и та высота нравственного сознания советского человека, на которую его подняло наше социалистическое время, вся атмосфера новой жизни.

Иногда Евгения Пермяка как автора современных романов рецензенты склонны упрекать в излишней публицистичности, обнаженной заостренности ситуаций и характеров. Может и в самом деле показаться, что откровенная публицистика — чу-

¹ Е в г. П е р м я к. Накануне.— Октябрь, 1961, № 5, с. 5.

жеродная нитка в ткани художественного полотна. Но писатель словно бы намеренно вплетает ее в повествование, а в своих выступлениях на литературные темы даже настаивает, что так называемые публицистические нити никогда не были чужды русской литературе, начиная со «Слова о полку Игореве». Она никогда не стояла в стороне от политической борьбы общества, а вмешивалась в нее. Этим и определялись активные гражданские позиции автора-повествователя.

В произведениях русской художественной литературы десятки публицистических и полемических глав. Все они вплетаются в повествование и органически сливаются со всеми его другими звеньями.

Может быть, теперь «публицистические отклонения» и не звучат так остро, как звучали тогда, когда создавалось произведение, которым писатель вмешивался в современную ему действительность и определял свое отношение к важнейшим проблемам времени. Но эти «публицистические отклонения» остаются теперь узаконенными данностями истории.

Когда же современный автор раскрывает, скажем, процессы, происходящие на его глазах в колхозе или на заводе, он неизбежно становится публицистом. Уйти от этого — значит, в известной доле уйти от современности.

Борьба внутренних миров, социально-психологические столкновения людей не могут быть абстрактными. Они неизбежно связаны с их производственной общественной деятельностью, с участием в политической жизни страны.

Не представляет себе и Евгений Пермяк семейно-бытовой роман из жизни рабочих вне повседневно окружающей их атмосферы сегодняшнего дня, вне разговоров героев об их делах, о своем заводе, вне тех процессов, которые происходят в действительности.

Разве важнейшие политические акции или военные потрясения минуют людей, сидящих за праздничным столом, разве жизнь и труд разделены, разве жизнь не есть труд, а труд — жизнь? Такая публицистичность, разумеется, для современника заметнее, она даже может показаться нарочито обнаженной. Но в сущности без нее невозможен роман о дне сегодняшнем, о современниках, об их жизни, труде, о всем богатстве их внутренних движений и переживаний.

Вместе с другими советскими писателями свежие повествовательные формы ищет и Е. Пермяк как автор романов

о современности. Опять же смело и оригинально использует писатель не исчерпанные еще возможности устно-поэтических традиций. Особенно в романах «Сказка о сером волке», «Старая ведьма» он продолжает давно начатую работу над созданием современной сказки.

Раздвигая жанровые рамки романа о современности, Е. Пермяк убеждает, что ему отнюдь не противопоказаны условные формы сказки-были, ее аллегоричность, сказочная символика. Не отказывается писатель и от своих давних связей с уральским народным сказом. Именно отсюда идет в его романах языковая сочность авторских описаний, мудрая лукавинка бывалого рассказчика. Не прошли, наконец, бесследно и долгие годы, отданные драматургии. Стремительность развития действия, неожиданность сюжетных поворотов, лаконичность авторских характеристик в сочетании с другими средствами авторского вмешательства в повествование Евгений Пермяк оригинально использует в жанрово-своеобразных романах о современности.

СКАЗКА О СЕРОМ ВОЛКЕ

В это нежаркое подмосковное лето, оставляя каждый свою работу, мы встречались вечерами и бродили по лесу. Могучие душистые сосны и нежные тонконогие березы раскинулись здесь просторно. Дышалось легко, и беседа шла непринужденно. В один из таких вечеров вспомнилось писателю и о том, с чего начинался роман «Сказка о сером волке».

Как-то стало известно, что один из его земляков еще в 1919 году бежал в Америку. Дошел потом слух, что он женился там на вдове-фермерше.

«Мне захотелось представить, что было бы с этим русско-американским фермером, решился он на склоне лет заявиться в Россию. Начал я довоображать. Помогли этому живые примеры возвращения на родину или посещения ее теми, кто покинул края родные давно и состарился на чужбине».

Зародившаяся мысль уже не давала покоя. И писатель вскоре оказался на Урале. Жил некоторое время в колхозе под Свердловском, чтобы зримо представить себе, как выглядел бы его герой, названный уже Трофимом, среди бывших своих

односельчан, как могли бы на самом деле столкнуться в этой обстановке братья — люди разных миров.

«Поверив в домыслы и проверив их, я дописал роман, предусмотрительно названный сказкой.

И опыт удался. Художественная правда стала правдой жизни. Роман за короткий срок был издан много раз и на русском языке, и на языках братских народов. Его перевели на английский, немецкий, испанский, арабский, финский и многие другие языки. Переиздается он и до сих пор. А поводом для написания большого произведения может послужить, как видите, случай, почти хроникерская заметка».

Романы Евгения Пермяка, как и другие жанры, в которых он работает, прочно связаны с жизнью тружеников родного писателя Урала. В романе «Сказка о сером волке» он рисует своих современников из тихого приуральского села Бахруши. Живет здесь энергичный, знающий свое дело председатель колхоза Петр Терентьевич Бахрушин. Все у него ладится, и неоткуда, казалось, ждать даже малого облачка, которое могло бы омрачить ясное утро его жизни. Но утро было омрачено. Из Америки пришло письмо от родного по отцу брата Трофима Бахрушина. А считали его погибшим, убитым где-то под Омском еще в годы гражданской войны, когда он ушел из Бахрушей вместе с колчаковской армией. Оказывается, обманув родных сообщением о своей смерти, он подался в Шанхай, а оттуда — в Америку, где стал фермером. И вот теперь, через много лет, Трофим извещает о своем желании приехать в родное село, поклониться родительским могилам.

Фермера-туриста сопровождает американский журналист Джон Тейнер, пожелавший наблюдать «несколько необычную встречу двух братьев из разных миров» и написать книгу о жизни русской деревни.

Об этом читатель узнает в самом начале романа из письма Трофима, полученного его братом. Судьба американского фермера, история его приезда в качестве интуриста в родное село, встречи с советскими людьми и составляют сюжетную основу романа. Но писатель не просто воспроизводит частную судьбу и раскрывает сущность человека, изменившего Родине. Столкновение двух братьев, хотя и является сюжетным стержнем романа, его основным конфликтом — это лишь событийное выражение больших социальных столкновений. В поединке вступают не просто разные люди. Сталкиваются социальные

системы, мировоззрения, различные взгляды на мир. Это и придает роману политическую остроту и публицистическое звучание. Откровенная и прямая публицистика, по словам автора, «не только в наши дни, но и во все времена была обязательной спутницей произведений, показывающих жизнь общества через своих героев».

Трофиму противопоставлена вся наша жизнь, те отношения между людьми, которые он никак не может понять. Один за другим появляются на страницах романа люди, противостоящие американизированному русскому кулаку и его собственническому миру. Это и Петрован Бахрушин, находящий свое счастье в труде всего коллектива; и Герой Социалистического Труда Дарья Степановна, бывшая жена Трофима, «похоронившая» его сорок лет назад, когда он бросил ее, спасая себя; и старики Тудоевы, на глазах которых прошла вся жизнь Бахрушиных; и секретарь райкома Федор Петрович Стекольников, фронтовой товарищ председателя колхоза. Еще до приезда Трофима читатель входит в жизнь и труд этих людей. Каждый занят своим делом. Все они в благополучии колхоза видят свое благополучие.

Автор не отделяет себя от героев, его описания и раздумья сливаются с мыслями и чувствами советских людей, населяющих роман. Вместе с ними он вспоминает о прошлой их жизни, о старых, казалось, навсегда умолкнувших годах, о далеких семейных подробностях первых Бахрушиных, по фамилии которых названа «столица» колхоза. Часто писатель дает слово своим героям, и они делают обстоятельные экскурсы в прошлое.

Из самостоятельных, органически включенных в повествование, сказов стариков Тудоевых и берет начало «сказка о сером волке». Читатель узнает, как дед-тряпичник Дягилев переманил внука Трофима в свое тряпичное логово, «стал ожесточать его сердце не только против мачехи, но и против родного отца». Искусно плетет начало этой сказки-были мудрая Тудоиха:

«Долго, видно, старик выискивал да копил в себе змеиные, гадючьи слова, коли сумел отколоть Трошку на четырнадцатом году от бахрушинской семьи. Сумел внушить внуку, что его покойную мать никогда не любил Терентий. Не брезговал серый волк в лютой злобе и напраслиной... Знал серый, что делал. Умел кривить серый своей тряпичной душой. Вымещал

зло за свои денежки, за дом, в котором жили Бахрушины. Волчком растил внука старик.

Трошке еще и шестнадцати годов не минуло, как дедово прозвище «серый волк» на него перешло.

Чужим стал Трофим родному отцу. Дед теперь для него был одним светом в глазу, бабка — родимой матерью, а тряпье да кости, рога да копыта — наживой. Тоже стал рыскать молодой волк по нашим деревням и не одни рога да копыта высматривать...

Скупал все, на чем можно было нажиться. Скотом переторговывал, сбруей — и той у несчастных пропойц не брезговал. Водку бутылками при себе возил, чтобы не утруждать горемык в кабак бегать...

Вот еще когда у двух братьев дорожки разошлись в разные стороны. Один волчьей тропой побежал, свою добычу вынюхивать. Другой — трудовой дорогой с народом пошел, для всех счастье добывать».

Так закладывается идейная основа повествования о двух полярных мирах. Народная оценка психологии «серого волка» как бы подхватывается писателем, становится его авторской позицией, определяющей интонацию повествования и даже его стиливую структуру.

Экскурсы в прошлое, предыстории сорокалетней давности не уводят от современности, а объясняют ее. В них прослеживается формирование характеров героев, показывается, как разошлись пути братьев, выросших под одной крышей. Писатель объясняет, почему так настороженно встретили жители Бахрушей сообщение о приезде их бывшего односельчанина.

Весенние дни — жаркое для крестьянина время. Начинается покос, осушаются испокон веков «бросовые земли», старые Бахруши готовятся к переезду на Ленивый увал, где уже прочерчены новые улицы. Много неизвестных ранее хлопот у механизаторов и животноводов. Но чем бы ни были заняты колхозники, как бы ни были увлечены этим своим делом, их волнует предстоящая встреча с чужим человеком, которого односельчане еще до революции за его ненасытную жадность и черствую душу называли именем зверя.

С достоинством и с «должным русским гостеприимством» готовятся колхозники встретить американских туристов: они ничего не хотят подновлять, подкрашивать и подслащивать —

« пусть видят все таким, какое оно есть ». Петр Бахрушин решил даже не заваливать щебенкой лужу на главной улице: « А зачем ему бояться чужого глаза! Если этот чужой глаз дальновиден, он разглядит, как росло и как будет расти хозяйство колхоза. А если чужому глазу нужна только « лужа », пусть она ему будет приятным бельмом, закрывающим неприятные для него достижения ».

О прошлом Трофима рассказывают не только люди, знавшие его с детства. Приехав на Родину, он сам часто рассказывает о себе разным людям, о незамолимом грехе « измены родной земле ». Эти самохарактеристики хорошо раскрывают его лицо, его волчий мир. Психология « серого волка » обобщающе глубока и конкретна. Это судьба одного человека и вместе с тем судьба многих людей собственнического мира. С неумолимой психологической определенностью разворачивает писатель этапы жизни, типичную биографию собственника-хищника. Есть в каждом его шаге своя логика, своя внутренняя закономерность. От деда-тряпичника Дягилева он унаследовал не только волчью кличку, но и звериную хватку стяжателя. Психологически мотивирован и уход Трофима к белым, и дезертирство из колчаковской армии, когда стало ясно, что ее поражение неизбежно, и симуляция смерти — опять-таки ради корыстных целей.

Хищник всегда живет в Трофиме и управляет каждым его шагом, каждым поступком. У него нет ничего святого, чувство обогащения подавляет все другие чувства. Даже любовь к Даруне не может пробудить их. Оказавшись в Америке, в своей волчьей стае, он не задумываясь связывает жизнь с Эльзой, женой умирающего богатого фермера Роберта. В ее хозяйстве он находит применение своей хищной натуре.

Психология собственника, для которого « доллар — бог, доллар — отец, доллар — дух святой », раскрыта писателем необычайно многообразно. Сталкивая Трофима с незнакомой ему колхозной жизнью, писатель динамически развивает действие. Внешнее его выражение — встречи американского фермера со своими бывшими односельчанами, жизнь которых он готов воспринимать на свой волчий лад; внутренне — суд советских людей над человеком, променявшим Родину на чечевичную похлебку, осуждение народом волчьих законов буржуазного мира, живым олицетворением которого является для них Трофим.

Настороженно воспринимают советские люди Трофима, внимательно следят они за каждым его шагом, за тем, как он воспринимает и оценивает их жизнь и дела. Метко определяют они его сущность. Елена Сергеевна Бахрушина с первых же минут знакомства оценивает Трофима как поверхностно цивилизованного человека, в глазах которого никогда не светился большой ум, — «это были скорее стеклянные глаза, что ей доводилось видеть в окне охотничьего магазина», где их продавали для любителей набивки чучел.

Еще более откровенен в своей оценке брата Петр Бахрушин: «Смолоду он хоть как-то мыслил. Отличал все-таки эсеров от коровьего хвоста. А потом его будто взяли и замариновали в консервной банке и продержали в ней сорок лет. Потом откупорили эту банку, и он явился к нам из маринада таким овощем соления двадцатых годов».

Герои романа активны в своей оценке Трофима и его мира. Они сами указывают ему на ту пропасть, которая их разделяет. Советским людям глубоко чужда собственническая заправка американского фермера, психология волчьей конкуренции, впитанных им буржуазных законов.

Трофим приехал в колхоз вовсе не для того, чтобы понять правду земляков. Он захотел удивить их американским образом жизни. Поэтому Трофим беззастенчиво проповедует свои буржуазные представления о мире. Брату Петровану он твердит, что «земля населена живоглотами и удавами»; главному агроному колхоза внушает, что отменный горох, выращенный им, следует продавать в дробленном виде, чтобы окрестные колхозы-конкуренты не могли воспользоваться семенами. В этом же духе он высказывается и перед зоотехником Володей Козловым, советуя не продавать бычков и сохранить монополию на эту редкую породу. Перед секретарем колхозного парткома Григорием Дудоровым Трофим развертывает целую программу «американского благополучия». Он советует огородить колхозные земли, не допускать на них конкурентов, захватить в городе колхозный рынок. Сжимая кулаки, Трофим самозабвенно говорит:

«— Сбить цену. Не бояться на первых порах убытков. Уж коли соревноваться, так соревноваться насмерть, чтобы другим колхозам было невмоготу. И когда они запоют Лазаря, бери их тогда голыми руками. Они как шелковенькие согласятся продавать свою продукцию через тебя, отдавая тебе положенный

процент. И ты потом можешь играть колхозным рынком как захочешь».

Ко всему примеряет Трофим свою «буржуазную мерку», видит в преимуществах колхоза возможности большого бизнеса. Хвастливый и самонадеянный, он проверяет «незыблемость своих догм и основ устройства жизни». Но стяжатель по натуре удивлен тем, что советские люди так равнодушны к его волчьим советам. Мало того, их оскорбляют эти поучения. Собственник никак не может постичь общественную психологию советских людей, природу коллективного хозяйствования. Никогда не понять ему ни свинаря Пантелея Дорохова, ни тепличницы Гали, ни парней-механизаторов, которые управляют тракторами на расстоянии. По словам Тудоихи, ему просто нечем все это понять, поэтому и ходит Трофим среди советских людей, «как верблюд в театре».

Трофим впервые вот так, лицом к лицу, встречается с непонятым для него строем жизни, с целым коллективом единомышленников, мировоззрение, психология которых чужды ему. Но писатель видит не только эту пропасть и трудности сближения людей разных миров. Силу, жизненность социалистического строя он видит в том, что даже такой твердолобый, закостенелый мелкий стяжатель начинает понимать, что далеко не весь мир населен удавами и живоглотами. Желание советских людей жить в мире и взаимопонимании велико и благородно. Трофим видит — не может не видеть, — что в бескорыстном труде советских людей, не знающих страха перед будущим, больше правды, чем в непрочной заокеанской жизни, где все может лопнуть, как старая резиновая шина.

Социалистические основы жизни вызывают у Трофима не только недоумение, но и серьезные размышления. Он задает себе тревожные вопросы: «Ну как может сознание заставлять человека добросовестно трудиться и добиваться благополучия? Может быть, они открыли новую веру в построении рая на земле? Может быть, этот рай, именуемый коммунизмом, и зовет их на подвиги?..» К этим мыслям Трофим не раз возвращается: «Неужели все дело в сознании? Неужели труд, как говорит Тудоев, становится радостью, и если это так, значит, и впрямь на свете рождается новое, неизвестное Трофиму чувство, которое приходит на смену сильнейшей из сил — собственности?»

Самодовольство и самоуверенность собственника постепен-

но подрываются. Даже в его загаженной душе наступает пусть минутное, но все же человеческое просветление. Захмелев от прилива добрых чувств, матерый стяжатель, может быть, впервые в жизни отпускает добычу — пойманную им щуку.

Советские люди готовы поверить Трофиму, поддержав его, когда он приходит к мысли остаться в родном селе и скромно трудиться в колхозе. По-разному толкуют колхозники эти неожиданные перемены в поведении закоренелого собственника. Пантелей Дорохов по-своему воспринимает желание Трофима навсегда остаться на родине: «Значит, подсылают поближе к нашему аэродрому». Но не все так думают. Вместе с героями романа взволнован этим решением и сам писатель: встанет ли «серый волк» в вертикальное человеческое положение или это уже невозможно для него?

Трофим хорошо понимает, как нелегко жить в Америке среди волков. В любое время они могут загрызть его так же, как он загрыз своих соседей, фермеров-конкурентов. Но не легко и уйти волку из своей стаи: сколько ни корми его, «он все равно в лес смотрит».

Трофим не находит в себе сил выйти из тупика, пугается принятого решения остаться в колхозе, порвать с былой жизнью собственника, с накопленными и припрятанными долларами. Он снова предает людей, поверивших было ему. Ночью трусливо убегает «серый волк» в свое логово. Не пересилив звериного нутра, Трофим с новой энергией рыскает по Америке, грызет горло тем, с кем жил рядом, по-звериному замечает следы своих грязных дел.

Писатель и заканчивает роман словами той же мудрой сказительницы Тудойхи, которая и начинала сказку:

«И затерялись его волчьи следы в большом мире. Ни весточка, ни слух, ни досужая молва о нем не дошли к людям. Остались после него только часы с боем да вот эта сказка о сером волке, который хотел под конец жизни стать человеком, да не пересилил своего звериного нутра...»

Слушая эти последние напевные слова Тудоевой, Дарья Степановна, как-то задумавшись, заметила:

— Да уж забегал ли он на родную землю? Может быть, и впрямь все это только сказка о сером волке, о незамолимом грехе измены родной земле...»

Сочно выписан в романе и образ американского журналиста

Джона Тейнера. Автор и его герои относятся с симпатией к этому человеку, хотя и видят его слабости, сложность того положения, в котором находится этот во многом честный буржуазный интеллигент.

Тейнер подкупающе откровенен и обаятелен. Это остроумный, веселый, даже озорной человек. «Хохолок на его лысине и тот обнадеживающе приятно дорисовывал портрет низенького жизнерадостного человека, заряженного безудержным весельем». Его жизнелюбие, крепкое душевное здоровье, внутренняя честность располагают советских людей. Он уверен в том, что «всякая река может стать Эльбой, если этого захотят люди», и хочет, чтобы американцы узнали правду о Советском Союзе.

Оставаясь слугой доллара, слугой тех, кто вознаграждает его труд, он вынужден искать компромиссы со своей совестью, по-своему, но все-таки приспособливаться к жизни в буржуазном мире. Американский журналист смутно понимает законы общественного развития, не прочь поболтать о диффузии капитализма и социализма, поверить в «демократический» капитализм. И вместе с тем он искренне радуется, видя успехи социалистического мира.

Тейнер на себе не раз испытал волчьи законы буржуазного строя, его продажность, непрочность благополучия в нем. Он прекрасно понимает, что в «свободном» мире свобода слова — всего лишь свобода клеветы, хорошо знает цену не только «четвероногому» Трофиму, а и тому миру, который порождает звериную психологию.

Как и Трофим, Тейнер раб этого мира, его морали и законов, а не борец против него. Но в нем заложены и светлые чувства интернационализма, доверительной дружбы и взаимопонимания, веры в их торжество и искреннего желания простых людей разных стран, чтобы над ними всегда было чистое небо и яркое солнце мирной жизни.

В критике, правда, указывалось и на некоторую авторскую неуверенность в том, как может поступить Тейнер в иных жизненных обстоятельствах. Этим объяснялась некоторая слащавость в изображении Тейнера и противоречивость его поступков¹.

В характерах людей, в их энергии и пафосе перестройки

¹ Известия, 1960, 22 июня, № 148, с. 6.

мира, в конфликтах быстротекущих дней Пермяк подмечает типические процессы. Его герои не как-либо механически прикрепляются к нашему времени, а выражают его дух, идеи и пафос. На сравнительно малой площади писателю удалось развернуть повествование емкое по мыслям и большим философско-политическим и психологическим проблемам.

Всего один месяц почти хроникально описан в романе. Его действие не выходит за пределы одного колхоза. Но на этом отрезке времени жизни колхоза писатель типизировал основные процессы в судьбах русского крестьянства, сумел запечатлеть главное в поведении и настроении советских людей, найти меткие слова для того, чтобы выписать их лица и жесты, их неповторимую манеру речи. Емкость маленького романа обусловлена динамикой развития действия в нем, меткостью характеристик, афористичностью авторских описаний.

В образной системе романа, цель которого — показать столкновение двух миров, превосходство социалистической морали над моралью заокеанских стяжателей, совершенно правомерны резкие контрасты. Но автор «Сказки о сером волке» порою чрезмерно увлекается возможностями контрастного распределения света и тени, назойливой подачей сказочной символики. Автор словно бы не верит в способность читателя правильно понять его.

Современная деревня изображена изнутри. Не внешнее описание жизни советского крестьянина, а прежде всего характеры и труд людей привлекают внимание писателя. Роман не столько насыщен событиями, сколько густо населен. Перенаселенностью его, может быть, и вызвана схематичность, одноплановость характеристик некоторых персонажей. Широко трактуя свой замысел, противопоставляя американскому фермеру не одно лицо, а коллектив колхозников, писатель не приподнимал над другими героями фигуру Петра Бахрушина, не выписал его с той силой, с какой он рисовал образ «серого волка».

Е. Пермяк показывает непримиримость советских людей к собственности и тому капиталистическому миру, который основан на ней.

На смену сильнейшей из сил — собственности — приходят новые начала и чувства, которые рождает социалистическое общество. Этими чувствами советских людей, ставшими их убеждениями, и пропитан, по словам Леонида Соболева, «этот корот-

кий реалистический роман, насыщенный юмором и глубокой мыслью, написанный в очень свежей и привлекательной форме»¹.

КРУШЕНИЕ СТАРОЙ ВЕДЬМЫ

Без разговоров о литературе никогда не обходились наши дружеские встречи. У Евгения Пермяка, как и у всякого давно работающего профессионального литератора, много задуманных, начатых, но еще не завершенных вещей, много новых замыслов, ждущих своего времени сюжетов. Часто при мне, тут же во время беседы, неожиданно рождались какие-то новые детали, оттачивались переходы, проверялись рождающиеся образы.

О замысле романа «Старая ведьма», который еще и названия не имел, я слышал от Евгения Андреевича не раз. Как-то поделился он этим замыслом и с нашей общей знакомой, поэтессой Людмилой Татьяничей. И она рассказала, как на некоторых уральских заводах возводимые для рабочих «персональные дома» иногда пагубно влияли на уклад их жизни. В иной такой «персональный» домик с разросшимся участком проникала мелкобуржуазная гниль.

Опираясь на эту «подсказку», Евгений Пермяк начал развертывать в роман, расцветивать своими красками «сказку» о жизни сталевара Киреева. В ходе работы пришло и название — «Старая ведьма». И опять сказка освещала замысел романа, определяла его суть, идею повествования. На этот раз это была сказка о старейшей из всех старейших ведьм — о ведьме-собственности.

Сказку такую «с идейно-политическим прицелом», «с проглядом в светлые времена» рассказывает Прохор Кузьмич Копейкин.

Сказку о том, как зарождалась на свете ведьма-собственность, как захотела она владычествовать над всеми владыками, раздробить, расколоть людей, подбросив незнаемое в первобытности слово — «мое»!

Поделила она белый свет на царства-государства, на княжества-султанства, сделала царей, королей, ханов и богдыханов

¹ Литература и жизнь, 1960, 13 мая, с. 3.

своими служками-прислужками. Ведьминским отродьем наследила мать-ведьма мир, всем своим отпрыскам сердитые имена дала. Жадность, подлость, кража, кривда, нажива, клевета — все от ее имени пошло. Зависть и насилие, тюрьмы и войны, злобу и ненависть, рабство и кабалу породила Старая ведьма. И по сей день управляет она половиной мира. Случается, и на нашей советской земле, где еще в семнадцатом году ее с корнем выдернули, маленькие корешки ее оживают, в рост хотят пойти. Но почва уже не та...

Роман начинается с события, обретающего аллегорический смысл. Знатный сталевар Василий Киреев обнаруживает в собственном доме гниль, домовую «грибок», который начал точить нижние венцы, балки, пол.

«Василий Петрович вылез из подпола трясущийся и потный:

— Ангелина! — окликнул он жену, работавшую в саду. — Беда!

— Где, какая?! — отозвалась та, подбегая к мужу.

— Там, — указал он вниз, утирая рукавом на лбу холодные капли. — Гниет, понимаешь, наш дом...»

Но гниет не только дом. Зараза-гниль проникла в душу сталевара. Домовая губка будто не балки ела, а сердце поражала. Потому и воспринимает Киреев эту болезнь как роковую трещину в своей жизни. Дом для него как бы уже не дом, а сам он в его деревянном обличье.

Динамически начатое повествование писатель переводит в бытовую план, показывая, как постепенно проникала гниль собственности в душу хорошего рабочего человека, как старая ведьма — страсть к наживе — оплетала его своими корнями.

Знатный сталевар Киреев всегда был на передовых позициях, в тяжелые дни войны и в мирном труде он честно отдавал все свои силы Родине. В работе сталевара не только заметные успехи, но и крупные достижения: его портрет не сходит с доски Почета, к нему относятся с уважением не только на своем заводе. Но, знать, сильно еще Старая ведьма, коль опутала она даже передового рабочего!

Похоронив жену, Киреев затосковал, а когда встретил красавицу Ангелину, решил жениться вторично.

Завком помог построить новый дом в садовом городке, и в него пришло благополучие и довольство. Счастье затмило глаза Кирееву. Он легко мирился с тем, что творила в его доме пред-

примчивая теща Серафима Ожеганова. Правда, эта ее предприимчивость отдавала кержацким скопидомством, кулацкой запасливостью. За его спиной Серафима Ожеганова перегоняла в рубли доходы от личного хозяйства, скрывала их и копила в подполье, в то время как добродушный и доверчивый сталевар купался в созданном им мирке личного благополучия, все больше обрастал частнособственническим хозяйством. Энергию, трудолюбие, внимание Киреев расходует теперь на дом «в сорок хором», сад, огород, питомник, — на свою маленькую «капиталистическую странешку». Он отходит от заводского коллектива, от большой жизни страны.

Писатель полон высокого гражданского пафоса, сарказма и остроумия. Он непримирим к Старой ведьме, жертвой которой становятся такие близкие ему люди, как Киреев. Нисколько не скрывая ненависть свою к собственническим пережиткам, писатель ведет с ними открытую борьбу, и в этой борьбе его оружием становится негодующее публицистическое слово.

Автор идет подчас даже на лобовую подачу своей позиции. Вынося на всеобщее обсуждение сложные, серьезные проблемы современной жизни, он варьирует их, подходит с разных сторон, слишком настойчиво добивается того, чтобы его только так, как ему хочется, понял даже самый неискушенный читатель.

Открытое публицистическое общение с читателем — это те поиски, которые ведет Пермьяк, отбирая для романа о современности наиболее активные формы вторжения в жизнь. Высокое сознание личной ответственности за поведение своих героев заставляет прерывать повествование громким голосом автора, издеваться и негодовать, сожалеть и восхищаться. Может быть, в этой форме далеко не все найдено писателем. Вместо сочно нарисованной картины — описание, вместо авторского отступления — риторика, декларация.

И все-таки при всех этих художественных просчетах роман «Старая ведьма» подкупает той душевной страстью, тем высоким накалом, с которыми писатель ведет борьбу с чуждой строю нашей жизни страстью к наживе и собственническому благополучию.

В романе вскрывается и психология собственников, и сам процесс борьбы со стяжательством.

Наиболее активная фигура в этой борьбе — Аркадий Михайлович Баранов, фронтовой друг Киреева, уже спасавший его

однажды от смерти. Он застаёт своего товарища в отчаянии, как раз в то время, когда гниль стала добираться до самого сердца.

Баранов видит не только то стязательское болото, в котором начал тонуть его друг, ослепленный большой любовью к Ангелине. Он чуток к переживаниям Киреева, хочет помочь рабочему человеку вырваться из трясины ложного благополучия, оторвать от Старой ведьмы, вернуть в ряды строителей новой жизни. Борьба со Старой ведьмой становится борьбой за Человека. Политическая зоркость и принципиальность Баранова — основное оружие в этой борьбе.

Сталкивая взгляды друзей на жизнь, писатель показывает, как Киреев спорит и с самим собой:

«— Я не вижу ничего плохого, Аркадий, если человек вырастит лишнюю свинью или курицу. И та и другая с мясного баланса страны никуда не денется. Во всех случаях в стране будет больше на одну свинью и на одну курицу. Что ты скажешь на это?»

Но Баранову не хочется спорить по мелочам, он готовится к большому разговору. А Василий горячится, чувствуя себя виноватым:

«— Так, понимаешь, можно дойти до того, что тебя будут винить за то, что ты свою рубаху считаешь своей. И ты никак не сумеешь защититься... Потому что никто не скажет, с чего начинается собственность — с твоей курицы или с козы... Ну, что же ты молчишь?»

И, насмешливо улыбнувшись, Баранов ответил:

«— Я слушаю, как ты выясняешь отношения с самим собой... Продолжай».

Переживания и колебания усомнившегося в своей правоте Василия Киреева — это уже большая победа Баранова.

Увидев своего друга в опасности, он не стал рубить с плеча, а действовал неторопливо, обдумывая каждый шаг, хорошо зная, что «длинный обходной путь иногда бывает самым коротким». Баранов ищет причины перемен, происшедших в друге, изучает окружающих его людей и вскоре находит источник заразы, поразившей весь дом. В Серафиме Ожегановой он распознает «одаренную гадюку», которая хочет выглядеть труженицей, прикрывается заботами о благе семьи, павшими якобы на ее плечи.

Баранов не только распознает истинную сущность Ожегановой, но и осторожно обнажает ее лицо перед своим другом, ри-

суя во всей неприглядности обличье ведьмы-собственности. Как чуткий товарищ, Баранов заставляет Киреева серьезно задуматься над своим положением, поискать выхода из него, самостоятельно побороть свои болезни.

Баранов — олицетворенная совесть того мира, который рушит собственнические отношения на земле. Его столкновение с Киреевым — лишь частное выражение постоянно ведущейся борьбы за торжество коммунистических начал в жизни. И эту борьбу ведет не только Баранов. В нее включаются дети Киреева, его товарищи — сталевары Андрей Ласточкин, Афанасий Юдин, Веснин, комсомольцы цеха, его давний наставник Прохор Кузьмич Копейкин.

Борьба за отца, друга, за человека — борьба за торжество новых нравственных начал. «Старая ведьма» — роман не только о падении Киреева, но и о возрождении его к жизни.

Тяжко становится дышать рабочему человеку в тенетах собственности. Мелочные заботы о собственном доме, о разросшемся хозяйстве вконец измотали Киреева. Измученный такой жизнью, он допускает аварию на мартеновской печи. Это потрясение, глубоко переживаемое заблудившимся человеком, способствует его прозрению. И теперь он уже сам рвет путы, скрутившие его по рукам и ногам, самостоятельно выбирается из трясины.

С нелегкими переживаниями уходит Киреев из дому. Но уходит, разрушив то, чем так доверительно разрешал пользоваться Ожегановой.

Казалось бы, судьба Киреева всего лишь частный случай проникновения мелкобуржуазной психологии в среду рабочего класса. Рабочая совесть в конце концов побеждает Старую ведьму.

Частный случай становится предметом художественного обобщения во имя обличения зла, порождающего собственнические отношения, во имя показа торжества и неодолимости коммунистических начал в жизни.

Ведьма-собственность и в условиях нашего социалистического общества еще нередко расставляет свои сети, даже бескорыстных садоводов-любителей подстрекает она под каждым кустом, и кое-кто клюет на ее наживу. Она норовит «сплести свою губительную паутину» во многих душах.

Живым воплощением этой Старой ведьмы и предстает в романе Серафима Ожеганова, выходец из той среды «старо-

уральских хищников», которую никогда не манила коренная, трудовая, рабочая жизнь. С давних пор точит ее «золотая болезнь». Всю жизнь свою подчинила она обогащению. Дочь не пощадила ради этих идеалов сытой бездельной жизни.

Серафима Ожеганова не из тех, кто злое лицо Старой ведьмы показывает всем. Двоедушная и увертливая, она прячет его под толстым слоем румян и белил, скрывается за ширмой бесхитростной простоты: «прежде чем сделать какую-либо пакость, семь раз примерит, сто раз взвесит, обезопасит себя тысячами неуязвимостей и выйдет сухой из воды». Это ее истинное лицо писателем обнажается постепенно, по мере того как разворачиваются события.

Алчная и циничная, хитрая и расчетливая, Серафима Ожеганова решительно все подчиняет одной страсти — наживе. И действует она осторожно, по ее разумению, исключительно точно. Прибрав участок Киреева к рукам, Серафима рассматривает его как личную собственность, стремится выжать из него все возможное.

Не только за чужой спиной скрывается Серафима, но и чужими руками гребет она деньги. Старик-пенсционер Копейкин, даже дети Киреева батрачат на нее. Трусливая по своей природе, Ожеганова побаивается Баранова. Зато в среде таких же предпринимателей она нагла и развязна. Каким-то особым нюхом определяет она жуликов. Даже отпетый из них Кузьма Ключников чувствует себя при ней неловко. В столкновениях с этим «комбинатором», владельцем «крысофермы» Ветошкиным Серафима до цинизма откровенна и беззастенчива. Как два прожженных картежника-шулера, они, по словам автора, не скрывали «взаимного намерения облапошить один другого».

Писатель ненавидит эту циничную стяжательницу «каждой каплей изведенных на нее чернил». Но он же и относит ее к «одаренным мерзавкам», «изумительную изощренность» которой трудно зачеркнуть. «Запусти эту особу в одну из стран, — размышляет писатель, — где бессовестность, обман и нажива имеют преимущественные права гражданства, дай этой Серафиме оглядеться годок-другой в такой стране... Как знать, со скольких живодеров она сняла бы там шкуру и скольких бы пустила по миру?»

У Ожегановой нет ничего святого, все самые светлые и чистые человеческие чувства она опошляет до цинизма и измеряет одной ценой. Выдавая свою дочь за Киреева, Серафима, на

всякий случай, не выпускает из поля зрения и Яшу Радостина, не для себя — для дочери. Давно уже стараясь понравиться Ветошкину, придерживая его на «черный случай», Ожеганова в тяжкие для тонущего старого плута дни становится еще более ненасытной в своей жадности.

Вот почему, талантливо раскрывая козни Старой ведьмы, автор считает, что о ней надо говорить прямо, со всей страстью гражданина, «не боясь вплетать в литературную ткань нити активной обвинительной публицистики».

С откровенной сатирической окраской Е. Пермяк выписывает портрет стяжательницы, один из наиболее удачных образов в романе. Он раскрывается от главы к главе, от сцены к сцене. Каждый поступок Серафимы, каждая ее реплика кладут новый штрих в создаваемый образ, и он встает со страниц романа как живой.

Читатель видит Серафиму в самых сложных жизненных ситуациях и взаимоотношениях: то она ханжески лицемерна, то заискивающе вежлива, то развязна и нагла, то деловито практична.

Писатель оставляет Серафиму Ожеганову у разбитого корыта. Накопленные и припрятанные ею деньги становятся добычей мышей. Даже долгое время покорная ей дочь Ангелина порывает с матерью, тянется к той новой жизни, к которой вернулся ее муж. Но те явления, какие олицетворяет в романе Ожеганова, еще не истреблены. Серафима не одинока. Писатель окружает ее еще живучими «свободными предпринимателями». Это Кузьма Ключников, мелкая хищница, ядовитая паучиха Панфиловна, отъявленный плут ветеринар Ветошкин. Последний среди них самый, пожалуй, прожженный частник-предприниматель, поставивший «свое дело» на широкую ногу.

Случайно оказавшись на усадьбе Ветошкина, Баранов был поражен тем, как обставил свою жизнь этот «пресыщенный упырь».

Благоухающие цветами клумбы, журчащий фонтан, гамаки, качалки, своя оранжерея, дом-теремок — расписные хоромы, ковры, картины, хрусталь... Словно бы все это не под чистым небом советской жизни, а в паразитическом мире капиталистической наживы.

Писатель показывает не только этот духовный распад людей, ставших под знамя «старой ведьмы» и любующихся своим цинизмом. Он рисует и жертв этих хищников, людей, пошед-

ших на компромисс со своей совестью, прельстившихся легкой жизнью. Среди этих жертв не только актриса Алина, но и бывшая колхозница Феня, руками которой в значительной мере и создано благополучие Ветошкина. Они покидают Ветошкина, тем самым ставя под угрозу существование его «хозяйства». Дело собственников обречено на неизбежную гибель в нашем обществе, но тлетворные начала собственности еще точат душу не одному человеку.

Писатель хорошо понимает, что Ветошкин и подобные ему социально враждебные типы еще будут «какое-то время существовать с нами и пользоваться прорехами нашей жизни», поэтому он непримирим ко всякому стяжательству, во что бы оно ни рядилось, какие бы формы не принимало. Раздумья автора, которыми он так непосредственно делится с читателем, наступательный пафос его романа сродни лучшим книгам о современности, о нашей жизни, о борьбе за торжество в ней всего чистого и светлого.

МАЛЕНЬКИЕ РОМАНЫ

По своему жанру романы «Сказка о сером волке», «Старая ведьма» очень своеобразны. Писатель склонен был уже их называть «маленькими романами». А вскоре Евгений Пермяк один за другим опубликовал еще несколько таких романов: «Последние заморозки» (1962), «Счастливое крушение» (1964), «Бабушкины кружева» (1967), «Сольвинские мемории» (1969), «Царство Тихой Лутони» (1970), «Яргород» (1973), «Очарование темноты» (1976).

«За последние годы,— делится своими мыслями по этому поводу Евгений Пермяк,— я пришел к убеждению, что жанр так называемого маленького романа таит в себе много возможностей и преимуществ. Короткий или маленький роман, сохранив природу многострадичного и будучи уплотненным за счет пересказа вместо показа второстепенного, позволяет отчетливо «сказаться» главному... Прощу поверить на слово, что короткий роман, подобно сценарию кинофильма и пьесе для театра, может рассказать и вобрать в себя не так мало»¹.

Площадь таких романов действительно не очень велика.

¹ Е в г. П е р м я к. Общан родному краю.— Труд, 1969, 29 апр., № 98, с. 4.

Они состоят из новеллистически кратких, часто сюжетно цельных глав. Это позволяет писателю густо населять свои романы, широко охватывать события, делая экскурсы в далекое прошлое, проследить связанные с ним судьбы людей, быстро менять место действия, развивать повествование динамически напряженно и увлекательно.

В романе «Последние заморозки» широко предстают судьбы двух потомственных рабочих семей — Векшегоновых и Дулесовых. Их предки — тульские мастеровые люди и демидовские умельцы — положили начало Старозаводской улице в нынешнем большом уральском городе.

У семей этих давние и сложные отношения. Но писателя интересуют сегодняшние дела этих людей, судьбы передовой рабочей молодежи.

Братья Векшегоновы создают на своем заводе не просто новые «производственные линии», а новые «линии жизни». Но производственные дела не заслоняют многогранности человеческих отношений, разочарований и духовных исканий героев романа. Алексею и Сергею приходится, преодолевая свои будничные, большие и малые препятствия и невзгоды, осложненные личными переживаниями — любовью к Руфине Дулесовой, познавать жизнь и людей в конкретных человеческих столкновениях и житейских страстях.

Каждый из них по-своему ищет дорогу к счастью и добивается его не только для себя, но и для других. При всей разности характера братьев Векшегоновых, они едины в основном: труд для них — творчество в коллективе и для общества. Они счастливы тем, что несут добро людям, тепло своей рабочей чести и правды.

Иной жизненной активностью наделяет писатель Руфину Дулесову. Своекорыстная жажда славы не дает ей личного счастья, а еще больше отдаляет от людей, которых она любит. Самоуверенность, честолюбивое желание единолично купаться в лучах славы и все делать только для себя оставляют Руфину в одиночестве. Но это — последние заморозки уходящего прошлого. Писатель напоминает, что они еще живы в душе человека и осложняют его путь к счастью, поиски своего настоящего места в жизни. Это и превращает семейно-бытовой роман в психологическое повествование о судьбах рабочего человека, о его месте и роли в жизни современного общества.

Романом «Последние заморозки» Евгений Пермяк снова пу-

блицистически активно и остро вмешивается в современность. Передовая рабочая молодежь, стоящая в центре повествования, воспринимает лучшие традиции старшего поколения — рабочую честь и гордость, труд и мастерство.

Все это она обогащает своим творчеством, активной действенной мечтой и, обгоняя день сегодняшней, утверждает будущее.

Об этой же молодежи, об ее участии в больших делах своего времени Евгений Пермяк написал еще один роман — «Яргород». Как и в «Последних заморозках», автор принимает в судьбах своих героев самое заинтересованное, душевное участие. Кроме того, романом «Яргород» писатель вновь вмешивается в живые процессы современности. В его романе бьется пульс тех великих дел, которые свершаются за Уралом на пороге Сибири и напоминают недавние, еще памятные хорошо процессы становления тюменского нефтяного края. Яргород у Пермяка является как бы синонимом крутого возрождения старых городов, символом рождения в наши дни множества новых городов.

Борьба яргородцев за второе рождение их древнего города — центральная сюжетная линия романа. По словам автора, «не развязав, как бы хотелось нам, старые узлы, жизнь завязывала новые, сплетая из тысяч людских судеб счастливую судьбу Яргорода»¹. И писатель заинтересованно следит за тем, как складывается эта счастливая судьба города и достойных его людей, как уже сегодня создается основа их прочного будущего.

Писатель, можно сказать, предельно взыскателен к своим героям. Его вдохновляет в этой взыскательности большая вера в человека, живущего счастьем труда «для всех», вера в людей, в силу их большой духовной общности. Образная система романа состоит из людей хороших и разных. Одна из героинь так вдохновенно характеризует яргородцев: «Ромаша, и ты, и Мацоев, и Сусанна тоже, и архитектор Шилов, и доктор, Урман — люди для всех людей».

Кто они, эти люди? Это — уже названный архитектор Шилов, мечтающий о новом Яргороде, воплощающий в жизнь эту мечту ученый-гидролог Михаил Мацоев, доктор Маркин, охотник Урман Урманов, нефтяник Роман Ладущкин, историк города Зотов, гидролог Сусанна Веригина... Жить «для всех», трудиться «на радость всем» — в этом сущность этих людей. Они незаурядны

¹ Е в г. П е р м я к. Яргород: Роман. — М.: Сов. писатель, 1973. — с. 351.

в своей деятельности, в творчестве, в великой любви к людям. Это — «люди для всех», и в их нравственной цельности и чистоте писатель видит людей создаваемого сегодня будущего общества.

Как и в первых своих романах «Сказка о сером волке» и «Старая ведьма», писатель и в «Яргороде» продолжает обличать социальный эгоизм и индивидуализм людей «для себя», но делает это теперь не прибегая к сатирическому гротеску. И все-таки этих своих персонажей психологически достаточно убедительно он отличает от «людей для всех».

В романах о дне сегодняшнем писатель так же охотно, как это он уже делал в своих романах, обращается к приемам сказочной народной символики, проникновенной манере сказа, с активным участием автора, с его публицистическим вмешательством в повествование, с открытыми прямыми выходами к читателю.

«Последние заморозки» и «Яргород» — романы о современности и о современниках, несущих в себе уже сегодня качества людей будущего, их живую искреннюю заинтересованность в судьбах человека и мира. Евгению Пермяку и на этот раз удалось образы людей страстных в своих убеждениях, добрых и благородных в деяниях, помыслах и устремлениях.

В маленьких романах о нашей современности изображаются не только «последние заморозки» уходящего прошлого, тщательно выписываются не только образы яргородцев как людей будущего. В этих романах — и уважение к минувшему, без которого писатель и его герои не представляют настоящего.

Если «Счастливое крушение» лишь сентиментальный эпизод в судьбе юноши, едва не оказавшегося на переломе классовых боев «пленником прошлого», то в романе «Бабушкины кружева» минувшее причудливо переплетается с настоящим и во многом объясняет его.

Основные события в этом романе стягиваются к центральному образу — образу Евгения Колосницына, сына уральского кузнеца Кузьмы, сосланного за бунты на вольное поселение в Сибирь. Не так просто и совсем нелегко складывается его судьба. Оказавшись по воле случая в рясе священника, он помогает становлению Советской власти в Сибири, а затем осуществляет свою юношескую мечту — становится известным ученым.

Рядом с недюжинным характером и самобытной судьбой этого человека писатель рисует и другие персонажи и, как всегда

плотно, заселяет ими свой роман. Здесь и академик Лутонин, и богомольная кающаяся Лариса Михайловна, и молодой ученый Владимир Колосницын, и десятки тщательно выписанных эпизодических лиц.

С осложненными личными взаимоотношениями героев, долгое время скрытыми тайнами, разъединявшими родных людей — отца и сына Колосницыных, переплетается судьба открытого их предками железорудного месторождения. Экскурсы в дни молодости героев дают возможность писателю раскрыть атмосферу сложных дней перелома истории — героические события Октября и гражданской войны в Сибири. И это прошлое опять во многом объясняет сегодняшние судьбы и взаимоотношения героев этого маленького, но емкого повествования.

Другой свой маленький роман, действие которого охватывает судьбы трех поколений чуть ли не за полвека, Евгений Пермяк обрамляет документальным сюжетом, рассказом о встрече с одной из героинь, якобы давшей автору семейные записки Глебовых, названные «Сольвинские мемуары».

Но это лишь внешнее обрамление действия, повод для развертывания романа, в котором на судьбе одной семьи прослеживаются судьбы многих людей, пришедших к революции.

«Сольвинские мемуары» можно считать «семейной хроникой», «романом-пересказом». И действительно, на этот раз почти последовательно хронологически развертывается судьба потомков декабриста Глебова, сосланного на Сольвинский завод. Здесь и происходят основные события семейной хроники.

Народоволец Андрей Бестужев, обрученный с внучкой Глебова — Леночкой, погибает в Сольве от руки жандарма. Их сын Андрей Каретников, разлученный с тяжело больной, трагически пережившей душевные потрясения матерью, находит ее уже будучи взрослым. Оказавшись в ссылке в той же Сольве, он входит в ядро сольвинского рабочего подполья и в конце концов становится активным революционером-ленинцем. Органично входит в повествование и образ дочери рабочего Любы Шагаевой, соединившей свою судьбу с Андреем Каретниковым.

Разные по характеру и убеждениям люди раскрываются в сложных жизненных обстоятельствах. И в конце романа один из потомков Глебовых говорит: «Мне лично кажется, что я живу в двух веках. В нашем и в том. И я теперь почему-то уверен, что буду жить и в третьем, еще не наступившем веке, если мои

дети Павлик и Любочка сберегут в себе уважение к прошлому. К тому прошлому, без которого я не представляю нашего настоящего. Ведь не родилось же оно из ничего... Конечно, бабушка, как она пишет и как вы пишете в своих «мемориях», видела в сольвинских рабочих только «темно-серый поток», но все же хотела увидеть его светлым. И это для «Барышни беленый лоб» не так мало»¹.

Почти все маленькие романы Евгения Пермяка написаны в сказовой манере. Ни один из них не обходится без вставной сказки, прочно связанной с повествованием и многое проясняющей в идейном замысле всего произведения. Сказка «О Жалеевой правде» органически включена в сюжетную ткань «Сольвинских меморий», сказочные образы и характеристики пронизывают «Царство Тихой Лутони» и определяют жанровое своеобразие лучших маленьких романов Е. Пермяка — «Царство Тихой Лутони» и «Очарование темноты».

Многолинейны эти романы и по сюжетным ситуациям и почти всегда композиционно драматичны. В основе их — неожиданные повороты человеческих судеб, связанных со своим временем. Необычна и сказовая манера каждого романа. Своеобразен и образ сказителя, сплетающего в единое целое разрозненные повествовательные эпизоды.

Нередко автор открыто врывается в текст, не боясь разорвать его ткань голосом современника, в котором слышится и участие, и ирония, и сентиментальные ноты, и публицистические интонации.

Об основном герое романа «Бабушкины кружева» повествуется с участием: «Если продолжить рассказ в тех же словесных красках, то следует сказать, что мальчик с редкостным для сибирской деревни тех лет именем рос тоже для своего времени редкостным грамотеем». С радостью сообщается о встрече незнакомых, но родных по крови людей — отца и сына: «Уж коли слились разобщенные потоки двух жизней, не течь же им порознь. Пусть пройдут дни узнавания и знакомства, а мы вернемся к другим ручьям...» И здесь же насмешливо, с иронией выписывается облик дочери алчного попа, ставшей женой академика и запутавшейся в ею же хитросплетенных кружевах. Не скрывает писатель своего гнева в «Сольвинских мемориях»

¹ Е в г. П е р м я к. Сольвинские мемории; Царство Тихой Лутони: Романы. — М.: Сов. писатель, 1970. — с. 96.

при первом же появлении генерала «особого назначения и еще более особого рвения любой подлостью обратить на себя внимание государя»: «Фамилия Паульдорфа названа здесь не случайно. С ней мы еще встретимся, когда достойный своего отца сын куда более жестоко усугубит наследственную низость души».

Романы «Царство Тихой Лутони» и «Очарование темноты» в чем-то родственны, они — как позитив и негатив, как отображение в зеркале и отражаемое... Герой первого романа, образованный инженер Колесов, пытается найти мирные способы борьбы с буржуазией, стремится к достижению всеобщего благоденствия, но зачарованный темнотой своего политического видения, он терпит крах. Герой второго романа заводчик Акинфин ищет равновесия путем классового умиротворения. Он талантлив, как и его «близнец-антипод» Колесов, достигает многого и в иллюзиях достигнутого остается жертвой своей политической слепоты, непонимания классовой антагонистической природы общества...

«Царство Тихой Лутони» отличается от всех других маленьких романов. Это уже не «бытовой эпизод», как «Счастливое крушение», не «сентиментальная повесть», как «Бабушкины кружева», и не «семейная хроника», как «Сольвинские мемуары», а острый и актуальный политический роман, журнальная публикация которого сопровождалась эпиграфом из книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»:

«В естественной и неразрывной связи с низкой заработной платой и с кабальным положением уральского рабочего стоит техническая отсталость Урала. На Урале преобладает выделка чугуна на древесном топливе, при старинном устройстве доменных печей с холодным или слабо нагретым дутьем...

...Преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»¹.

Открывается роман присказкой бывшего сказочника Лаврентия Матвеевича Рябинкина, начавшего свою «устную повесть» так:

«Послушаешь иную новину и подумаешь — какая же это

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 3, с. 487—488.

трухлявая старина, замшелая сказка в новой раскраске, знакомая кошка в заморской одежке, а когти те же. Не забытое — не убитое, вспомнишь — и оживет».

И эта лукавая и многозначительная присказка во многом определяет и авторскую интонацию, и сказово-реалистическую условность, и всю стиливую манеру повествования.

Молодой инженер Петр Колесов совсем неожиданно появляется на масленичном гульбище возмечтавшего выбиться в настоящие капиталисты владельца тележного заводика в Тихой Лутоне Патрикеев Шутемова. Появляется Колесов в маске, в ярко-красном халате сатаны. Как выясняется, он отошел от подпольно-революционной борьбы, в которой участвовал, будучи студентом, но не ушел от революции: «Не веря более, что развивающийся капитализм можно победить, не взорвав его изнутри, не переродив экономическими средствами в новое общество, если не равных, то хотя бы равноправных. Инженер, как никто другой, может стать организатором этой экономической борьбы рабочих с капиталистами, которые легально, дозволенными законами империи способами вернут себе все созданное ими — фабрики, заводы, шахты, а крестьяне — землю»¹.

И Петр Колесов организует в захолустной уральской Лутоне «Трудовое тележное товарищество на паях», которое вступает в конкуренцию с тарантасно-тележным заведением Патрикеев Шутемова и побеждает его высоким качеством и невероятной дешевой своих изделий. В этой экономической борьбе не устояла и мыловарня Леонтия Сорокина, ставшая «Трудовым мыловаренным товариществом на паях». Разорились кузнечно-механические мастерские Парамона Жуланкина, лесопилка Елисея Хохрякова. Забеспокоился и «князь саней, розвален и кошевок» купец первой гильдии Андриан Кокованин. Нависла угроза даже над заводом графини Коробцовой-Лапшиной, который, по совету того же Колесова, рабочие решили приобрести в рассрочку и превратить в товарищество.

Одну за другой одерживает победы над эксплуататорами талантливый и удачливый инженер Петя Колесов. Не обошлось, правда, как и во всякой сказке, без доброй волшебницы-феи.

¹ Е в г. П е р м я к. Сольвинские мемурии; Царство Тихой Лутони: Романы.— М.: Сов. писатель, 1970.— с. 111—112.

Ею оказалась влюбленная в Колесова наследница золотых приисков на Витиме Катенька Иртегова.

Не случайно же мать Пети обожала эту сказочную красавицу — «статненькую, ладненькую, с тонкими рученьками, с пряменькими ноженьками, с розово-мраморным гладким личиком, точеным носиком, небалованную, никем не целованную, сто раз сватанную, да никого не обнадеежившую Катеньку». «Картина писаная, ангельская мамочкина душа, дедов гордый, иртеговский характер, отцовская щедрость, теткина само- сильная широта и ее глаза серые, ласковые да зорконькие, властненькие. И в душу заглянут, осветят ее, а другой раз так просквозят, что, кажется, ничего в тебе не может быть спрятанного. Все увидят». И увидела и пришла на помощь Петеньке своими капиталами в самое трудное, как в сказке, время.

Но на смену победам пришли неудачи и разочарования — одна другой горше и тяжелее. Не обошлось, как и во всякой сказке, без злой волшебницы. Ею оказалась дочь пройдохи Шутемова — Эльза: «юрка и звонка, но зубаста: отец — сом, мать — щука, а она в обоих».

Правда, еще некоторое время Тихая Лутоня кажется Колесову огромной Россией разрозненных, в одиночку живущих Лутонь. И думается ему: «Если в каждой из тысяч малых Лутонь хотя бы немного будет легче жить, полегчает и в Большой Лутоне, распластавшейся на тысячи верст в двух частях света». Не убеждают Петра Колесова и разумные советы друга его детства рабочего-революционера Павла Лутонина о том, что истинные революционеры заботятся о счастье миллионов людей, а не о сотне рабочих, которые станут жить безбедно и без случайной благотворительности случайных Кать и Петь.

Вскоре действительно зашаталось все, что так старательно создавал Петр: заводчик Стрехов, подстрекаемый злой Эльзой, прекратил поставлять металл товариществу. Добрая фея и на этот раз спасла Колесова своими миллионами, но вера его в мирную победу над капитализмом рухнула навсегда, «золотой сон Петра Колесова сменился жестоким пробуждением»: «Был один и остался один Колесов. Теперь ему нужно чистосердечно раскаяться и признаться, что планы, лелеемые им, не могли и не могут стать явью в зверином окружении подлого, жестокого мира стреховых, шутемовых, сорокиных, кокованиных, хохряковых... и бороться нужно не с ними, а с миром, который они

составляют, свергать строй, уклад, ломать всю жизнь, олицетворяемую Эльзой... Павлик прав. У рабочего класса один путь борьбы, один способ победы — революция».

И честный человек, очарованный иллюзиями пресловутого экономизма, отказывается от волшебных сказок, которые рассказывал себе и другим, решает вернуться «из сказки о трудовом царстве Тихой Лутони к Ленину».

Недолго оставалась в этой сказке и «редкостная невозможность» своей среды Катя Иртегова. Разуверившись в «мелкой помощи одиночкам», и она уходит в революцию вместе с Петром Колесовым, ставшим на путь решительных революционных действий...

«Развитие капитализма в России, как и в его безвестной провинции — Тихой Лутоне, продолжалось, вступая в последнее десятилетие своего постыдного торжества».

Этими словами писатель заканчивает роман об «экономических экспериментах» в тележной Лутоне, написанный в яркой сказовой манере, дающей простор реалистической условности, расцвеченный сочными красками, гибкими словесными оттенками, — той присущей народной традиции манере, в которой давно и успешно работает Евгений Пермяк.

Закрывая эту книгу, вновь вспоминаешь присказку, с которой она началась, — о «замшелой сказке в новой раскраске». Прошлое, давно забытое, нет-нет да и теперь оживает в «заморской одежке» о «народном капитализме», в буржуазных теориях «мирного перехода капитализма в социализм».

Рассказ о событиях, предшествовавших первой русской революции и происшедших в тихой безвестной Лутоне, оборачивается самым актуальным современным повествованием. Роман написан о прошлом, чтобы развенчать сегодняшние, еще живучие иллюзии неэкономизма.

Действие романа «Очарование темноты» происходит опять на Урале в вотчинном заводе Шалая-Шальва, на землях близких к Демидовым миллионеров Акинфиных. Передовой для своего времени заводчик Платон Акинфин получил образование в Лондоне, где и женился на красавице Цецилии Лучиной, одной из наследниц строгановских лесных богатств. Молодой предприимчивый заводчик очарован идеей равновесия повелевающих и повелеваемых, хозяев и рабочих. Исключающая всякие распри и забастовки, эта идея так заманчива и маняща, что не только Платон утопает в ней, но и тянет с собой в ее водоворот наиболее

одержимых соратников, поверивших в «гармоническое сотрудничество» рабочих и работодателей.

Надо сказать, Платон Лукич весьма притягательная личность. Он общителен и прост, многое умеет делать своими руками. Удачливый заводчик стяжает в шало-шальвинской округе любовь одних и лютую ненависть других, особенно закоснелых заводчиков, для которых единственный способ сводить концы с концами — это безжалостно эксплуатировать, пользуясь самыми дешевыми рабочими руками...

Учредив акционерное общество «Равновесие», Платон Лукич приглашает соседей-заводчиков, увлекая перспективой удвоить, утроить, учетверить их прибыли. Он убедительно доказывает, как в процессе реконструкции заскорузлой техники заводов можно облегчить труд, улучшить жизнь рабочих, богатея при этом и продолжая выводить заводы на верный конкурентный уровень с другими такими же отсталыми предприятиями отечественного капитализма, запаздывающего в своем развитии и росте.

Улица за улицей возникают в Шало-Шальве предлагаемые рабочим с рассрочкой дома. Платон — желанный гость на свадьбах, кум на крестинах, его именем счастливые молодожены нарекают первенцев, старики поминают «о здравии»... На его предприятиях свободный рабочий день со сдельной оплатой, перво-классная больница, бесплатная врачебная помощь на дому, специальные магазины для рабочих, ссудно-страховая касса... Не в обиде и хозяин: его первоклассно переоборудованные заводы дают бешеные прибыли. Купаясь в лучах успеха, Платон Лукич не мстит терпящим убытки предприятиям соседних заводчиков, тем, кто отказался поддержать его акционерное общество в трудные годы наращивания технического превосходства.

Но Платон Акинфин оказывается единственным подобным предпринимателем. Он ослеплен сомнительными удачами, зыбким благополучием своих рабочих, очарован своей темнотой. Он верит в «золотой сон» торжества равновесия и примирения антагонистических сил. Мыльный пузырь его очарования медленно теряет высоту, и друзья Платона уже отходят от него. Сам же он после долгих колебаний довольно неожиданным способом «развязывает» стягивавшие его узы...

«Одни утверждают, что он покончил с собой, сгорел в жерле старой домны. Другие категорически отрицают самоубийство и считают, что он сбежал к своим помещенным за границу капита-

лам». «Молва не долго волновала людские умы. Для одних Акинфин ушел святым праведником, любившим трудовой народ. Другие назвали его самым притворным оболыстителем рабочих, сумевшим держать их в своем добровольном ярме и уползавшим от своего стыда»¹.

Автор не склоняется ни в ту и ни в другую сторону, что не меняет сущности развязки романа — краха идеи умиротворения, попытки создать сказочное царство «добреньких» хозяев и «осчастливленных рабочих».

Оба эти романа — «Царство Тихой Лугоны» и «Очарование темноты» — и их герои-антиподы, Колесов и Акинфин, одинаково оказались в плену решения острых классовых противоречий экономическими путями. Попытки эти потерпели крах в России, и терпят крах там, где еще пытаются оболыщать идеями «народного капитализма», «конвергенциями» и прочими утопиями гармонии труда и капитала. Оба эти романа глубоко современны. Автор даже заглядывает в завтрашний день капиталистического мира, живущего иллюзией единения антагонистических начал.

Этими маленькими романами Евгений Пермяк вновь доказывает свою писательскую приверженность к актуальным проблемам современности, которые он решает публицистически темпераментно и художнически самобытно.

СТУПЕНИ ЗРЕЛОСТИ

За плечами Евгения Пермяка большой творческий путь — это более полувека, отданного литературе. Три последних десятилетия оказались наиболее плодотворными. За эти годы написаны почти все самые значительные рассказы, сказки и сказы для детей и юношества, все, ставшие теперь широко известными, повести и романы. В развитие детской литературы внесен заметный вклад.

Можно сказать уверенно — становление Евгения Пермяка как писателя приходится именно на это время: его талант развернулся широко, в нем открылись новые грани, самые яркие и самобытные стороны.

¹ Е в г. П е р м я к. Очарование темноты: Роман.— М.: Сов. писатель, 1976.— с. 391.

«Жизнь, личность писателя и весь он — это его книги и все написанное им,— считает Евгений Пермяк.— Биография писателя начинается первым созданным им произведением... Но где-то на пятьдесят третьем году своей жизни я переступил какой-то порог, за которым начались ступени лестницы. Пусть она очень отлога, а ступени ничтожно малы по высоте, но мне не хотелось, чтобы кто-то разубедил меня, что ступени и лестница не были восходящими».

Пусть не все ступени в творчестве Евгения Пермяка равнозначны по высоте. Пусть не так крута и стремительна его «творческая лестница». Но это — «свой путь», свое достаточно самообытное восхождение.

Евгений Пермяк — в первых рядах современной советской литературы, один из ее правофланговых, талантливый рассказчик и требовательный романист, разносторонне ищущий драматург и страстный публицист. Кроме того, в уже не молодые годы он — большой труженик, неутомимый в своих творческих исканиях, всегда чуткий к современности и готовый откликнуться на ее призывы.

События наших дней, судьбы людей в кругу постоянно возникающих новых жизненных проблем волнуют писателя и в канун его восьмидесятилетия.

За последнюю четверть века мне не раз приходилось заставлять писателя за машинкой, за листом бумаги, испещренным авторской правкой. Едва успевал он завершить один свой замысел, как тут же, без передышки брался за другой, давно уже существовавший в набросках, в устных рассказах, острых по сюжету, со своей интонацией, с отшлифовкой каждого слова.

Евгений Пермяк всегда жил и живет жизнью своей страны, судьбами соотечественников, тревогами и радостями своего родного уральского края и всей великой Родины. Он и в молодости не знал, и теперь не знает деления на большие и малые дела: то будучи одним из руководителей Литфонда СССР хлопочет о трубах какого-то нужного диаметра для писательского городка, то читает рукописи молодых авторов и волнуется, готовясь к семинару со студентами Литературного института, то принимает своих избирателей как депутатов одного из райсоветов столицы, то высаживает у себя под окном какое-то очень теплолюбивое растение, живет тревожно, в заботах о нем и чудом выращивает это растение, то возглавляет Ревизионную комиссию Союза писателей РСФСР и живет делами и заботами литераторов всей России.

Недаром Советское правительство наградило Евгения Андреевича Пермяка двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Произведения писателя издаются и неоднократно переиздаются в нашей стране, тираж его книг достиг многих миллионов экземпляров. Особенно часто выходят в свет рассказы и повести, сказки и сказы Евгения Пермяка для детей и юношества, в которых писатель душевно беседует со своими юными друзьями. Его романы, сборники рассказов и сказок переведены на многие языки мира: на английский, немецкий, хинди, финский, корейский, бенгали, французский, испанский и другие. Наш многонациональный советский читатель может познакомиться с произведениями Евгения Пермяка на белорусском, украинском, азербайджанском, армянском, грузинском, молдавском, казахском, узбекском, литовском, латышском, эстонском, киргизском, туркменском, адыгейском, удмуртском, башкирском, марийском, аварском, даргинском ... языках. Его книги изданы в Болгарии, Венгрии, Корее, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии и других странах.

Самым значительным событием последнего времени в творческой судьбе писателя был выход в свет четырехтомного собрания сочинений Евгения Пермяка, вобравшего в себя далеко не все даже самые лучшие его произведения. В него вошли семь романов («Сказка о сером волке», «Старая ведьма», «Последние заморозки», «Горбатый медведь», «Сольвинские мемории», «Царство Тихой Лутони», «Яргород»), более ста рассказов, сказов и сказок из книг и циклов «Бабушкины кружева», «Уральские были-небыли», «Семьсот семьдесят семь мастеров», «Волшебные истории», «Дедушкины очки», «Тонкая струна», «На все цвета радуги», «Памятные узелки» да еще более двух десятков «маленьких лукавинок».

Все эти книги Евгения Пермяка тепло встречены читателем, широкой общественностью, печатью. Откликаясь на издание собрания сочинений старейшего мастера советской литературы, «Правда» подвела итог многолетней творческой деятельности Пермяка. Разные произведения, соединенные теперь вместе, «как бы образуют единый и целостный, неповторимый художественный мир писателя. В центре его — образ человека с замечательными рабочими руками, которыми «вся жизнь, весь белый свет держится». У этого главного героя — чуткое, щедрое сердце, от него словно исходит силовое поле доброты, верности, постоянства, совестливости, выдержки, справедливости. Такой

герой близок к природе, тонко чувствует и понимает ее, а в душе его живет выработанная веками народная поэзия, фольклорная стихия. И душа этого героя будто сливается с душой народной, вернее, в ней — подобно тому, как отражается солнце в капле росы, отразилось миропонимание и мироощущение народа. В художественном, строго реалистическом мире Евгения Пермяка отчетливо различимы корневые, изначальные основы жизни, и все его сказки и сказы — это, по сути дела, выраженная в концентрированном виде народная мудрость, народный взгляд на жизнь»¹.

Первый остросюжетный политический роман Евгения Пермяка «Сказка о сером волке» вызвал широкий отклик не только в нашей стране, но и, будучи напечатанным в журнале «Советская литература» на многих иностранных языках, живые отклики зарубежных читателей. О возникших в процессе работы над этим романом трудностях вспоминает сам писатель и радуется долголетию этого романа, продолжающего и сегодня звучать современно и актуально:

«Я не знал, как сколь рискованно и трудно при быстро меняемом направлении политических и дипломатических ветров за рубежами нашей Родины, написать роман о столкновении двух миров, двух образов жизни, чтобы не оказаться в мертвой зоне между газетой и литературой. Потребовалось чудовищное напряжение сил, знаний и лексического отбора точных и в то же время не шаблонных формулировок для создания легко читаемого, чуть ли не сказового произведения на генеральную тему мирного сосуществования, казалось бы, не «сосуществуемого».

Десятки газет и журналов нашей страны откликнулись на этот роман, сотнями шли письма от читателей. Большой успех товарища по перу отмечал Василий Ардаматский, высоко оценивая остро современный роман на конкретных человеческих судьбах, дающий читателю немало достоверного и интересного материала для размышлений о столкновении двух образов жизни².

Николай Далада на страницах журнала «Молодой колхозник» обращал внимание сельских читателей на талантливый роман Е. Пермяка и настойчиво призывал: «Прочтите, обяза-

¹ О. Добровольский. Подарил мастер. — Правда, 1980, 28 февр., № 59, с. 3.

² В. Ардаматский. О самом главном. — Труд, 1960, 24 мая, с. 2.

тельно прочтите эту сказку, и вы еще раз убедитесь, что волк не может стать человеком»¹.

Критик газеты «Литература и жизнь» находит в романе сложные соединения. «Тонкость, деликатность души — и определенность, твердость человеческих чувств; душевная щедрость — и строгость; сила истинной любви и ненависти... Народная мудрость стала героем романа Е. Пермяка. Она-то и определила непривычное для романа название «Сказка...»².

В Советском комитете защиты мира это заслуживающее похвалы своеобразное произведение было принято как книга, которая «послужит делу укрепления двух великих народов, установлению дружеских связей между советскими людьми и представителями миролюбивых кругов Соединенных Штатов Америки». Генеральный секретарь Общества англо-советской дружбы Пэт Слоун, называя «Сказку о сером волке» «одним из лучших советских романов, опубликованных за последнее время для английских читателей», считает, однако, что с политической точки зрения книга эта не встретит поддержки у английских издателей. Ему кажется также, что «в силу своего содержания она не получит того отклика в прессе, какой она несомненно заслуживает».

А вот отклик из далекого Монтевидео, от уругвайского читателя Карлоса Альберто Кастельгранде: «Ваш роман в художественных образах свидетельствует о наступлении зари коммунизма, желанной зари, возникающей в сознании персонажей, для которых труд и в самом деле звучит как музыка... «Сказка» изобличает мистическое и религиозное ханжество, которым буржуазия пытается прикрыть свою лживость — это религиозная завеса, за которой правящие классы хотят скрыть капиталистическую эксплуатацию и при помощи которой они пытаются оправдать животную ненависть, которую они питают к самому солидарному строю, который когда-либо знала история... Теперь в результате наступления новых времен, которые пришли, несмотря на капитализм и вопреки ему, оказалось возможным вести упорную борьбу за то, чтобы не дать хозяевам капиталистического общества скрыть от своих народов героический облик

¹ Н. Д а л а д а. Человек из джунглей.— Молодой колхозник, 1961, № 3 (март), с. 30.

² В. С т а р и к о в а. Маленькая сказка о большой правде.— Литература и жизнь, 1960, 6 мая, с. 3.

строителей коммунизма и помешать общению между народами всего мира... Уважаемый Евгений Пермяк, хотя мои скромные высказывания и не представляют из себя особого интереса, я все же надеюсь, что они явятся небольшой данью благодарности Вам за Ваше превосходное произведение. Позвольте мне, Вашему латино-американскому читателю, выразить Вам свое уважение и свои дружеские чувства».

Роман «Старая ведьма», в котором писатель публицистически страстно обличает «госпожу частную собственность», по вполне понятным причинам широко не издавался за рубежом. Зато по всей нашей стране прокатилась волна читательских конференций, в адрес писателя хлынул целый поток писем различных слоев населения. Особенно много откликов появилось в периферийной печати. Выражение «старая ведьма» стало с тех пор нарицательным. Роман принял настолько активное участие в борьбе за нравственность человека развитого социалистического общества, что писателю пришлось вмешаться в толкование романа. В частности, возникла необходимость объяснить читателям, что «старая ведьма» вьет гнездо внутри нас, и от нас, от нашего сознания зависит разрешить ей или нет поселиться в нашей душе, в нашем внутреннем мире, в нашем «я».

«Мне очень хочется, — обращался Евгений Пермяк к читателям технической библиотеки Ртищевского железнодорожного узла, — чтобы роман «Старая ведьма» был понят вами, дорогие читатели, именно в этом аспекте борьбы с хищничеством, стяжательством, спекуляцией, стремлением воспользоваться любыми затруднениями в корыстных целях. И мне будет очень прискорбно, если кто-то «старую ведьму» будет искать под каждым честным кустом смородины, в каждой потом политой грядке огорода, во всяком хорошем личном доме труженика, каких, наверно, немало и в Ртищеве.

В Свердловске по телевидению состоялся показательный суд над героем романа «Старая ведьма». И на телестудию приехал с далекого уральского завода очень хороший рабочий, у которого был свой дом, свой огород и свои куры. Он взволнованно спрашивал:

— Так кто же я теперь? Внук «старой ведьмы»?.. Что же мне, бросать дом? Запустить огород? Резать кур?

И ему сказали:

— Милый друг, не обвиняйте себя в том, в чем вы не виноваты и в чем вас никто не винит.

И он счастливый вернулся домой. Я несколько дней мучился за него. Мне было невыносимо горько за то, что или он не очень внимательно читал мой роман, или я не сумел донести до его сознания, что значит оказаться в тенетах старой ведьмы и что значит пережитки капитализма в нашем сознании.

Но я надеюсь, что на вашей конференции пойдет речь о разнице между честной личной собственностью и подлой стяжательской личной собственностью, преследующей единственную цель наживаться за счет других, то есть за счет общества.

В этом и заключается стержневая идея моего романа, который, прошу поверить на слово, дался мне очень и очень нелегко»¹.

Новые романы Евгения Пермяка «Сказка о сером волке» и «Старая ведьма» оценивались в печати как злободневные, острые и актуальные по морально-этической проблематике повествования нашего времени. По словам критика Евгения Книпович, роман Е. Пермяка «Старая ведьма» «хорошо и темпераментно разоблачает мерзкую сущность частнособственнических пережитков, несовместимых с моральным кодексом советского человека»². Оценивая роман как удачу автора в борьбе с ведьмой-собственностью, критика отмечала, что «произведение Евг. Пермяка сразу берет читателя за живое, заставляет думать, обращаться к жизни, вспоминать похожие ситуации, осмысливать их, негодовать вместе с автором и радоваться, когда все кончается торжеством правды»³.

Критик журнала «Звезда» утверждал, что писатель нашел для этого убедительную художественную форму. Лучшими представляются страницы, посвященные «исследованию душ», когда автор освобождается от сковывающих его затруднений в поисках современной формы непосредственного общения с читателем, когда язык его становится точным, а мысль — диалектически гибкой:

«Пермяк глубоко и смело мыслит, и его раздумья, публицистически страстные, не могут не вызвать общественного отклика. Пермяк написал интересную книгу, доказав еще раз, что мелких или невыигрышных тем нет. Все дело в отношении ав-

¹ Коммунист, Саратов, 1962, ноябрь, с. 3.

² Е. Книпович. Крах Серафимы Ожегановой. — Правда, 1961, 21 сент., с. 4.

³ В. Шапошникова. Суд над старой ведьмой. — Литература и жизнь, 1961, 2 июля, с. 2, 3.

тора к изображаемому, в правильности его оценок, в партийности его мышления. Умный и правильный взгляд на жизнь всегда найдет путь к сердцу читателя»¹.

Уже первые романы-сказки Пермяка и последующие так называемые «маленькие романы» писателя сразу же были отмечены в печати как находки и удачи автора:

«Роман Евг. Пермяка «Последние заморозки» рождает серьезные мысли о жизни, он бесспорно удался писателю»².

«Читая роман «Царство Тихой Лутони», я вспомнил «Ермаковых лебедей» Е. Пермяка. Ведь это продолжение все той же глубинной и такой органичной для писателя темы о том, как «народ российский наш, разбуженный от векового сна, свою державу одаряет сынами ясного ума... чье имя возвеличит время». В новом романе писатель рассказал о борьбе самого великого сына России. Рассказал вдохновенно и талантливо»³.

«В целом новый роман Евгения Пермяка — незаурядное явление нашей литературы. Его политическая целенаправленность неоспорима. Его лаконичность и собранность — свидетельство художественного мастерства автора. Среди других произведений ленинского юбилейного года «Царство Тихой Лутони» — хороший подарок читателям»⁴.

«Новый роман художника «Яргород» — еще одно свидетельство творческой энергии Евгения Пермяка, молодости его души»⁵.

Таких откликов на выход в свет почти каждого романа Евгения Пермяка множество. Но особое внимание хочется обратить на рост мастерства автора этих романов. Об этом пишут многие. У Светланы Соложенкиной немало непосредственных и метких наблюдений:

«Сказки Е. Пермяка неотделимы от жизни. Неотделимы они и от его поэтической прозы. То есть можно, конечно, поместить сказки «как таковые» отдельно (в четвертом томе), а романы. — в других предшествующих томах. Но как же быть с теми сказками, которые находятся внутри романа? И наоборот, с теми, которые, видоизменяясь, как бы «вбирают» роман внутрь себя?..

¹ К. М а т в е е н к о. По требованию души.— Звезда, 1962, № 1, с. 210.

² Г. Д р о б о т. Мера жизни.— Литература и жизнь, 1962, 22 июля, с. 3.

³ А. Е л к и н. Верным путем.— Сов. Россия, 1970, 9 апр.

⁴ В. П о л т о р а ц к и й. В некотором царстве...— Лит. Россия, 1970, 5 июня, № 23, с. 14.

⁵ Н. Д ы м о в а. Я знаю — город будет...— Знамя, 1975, № 4, с. 241.

Именно потому, что Е. Пермяк своеобразный художник, его прозаические вещи так трудно пересказывать. Они не поддаются аннотированию. Скажем, роман «Старая ведьма» — о чем он?.. Но насколько бедна схема в сравнении с романом!..

Е. Пермяк, неистощимо изобретателен в сюжетостроении. Его проза в самом хорошем смысле слова занятна. Почти в каждом романе у него есть своего рода «вставные новеллы». А, скажем, «Сольвинские мемории» — это вообще ожившая легенда. На одном дыхании, не отрываясь, читаешь и «Царство Тихой Лутони». Читаешь, а впечатление такое, что слушаешь! Заметим, кстати, что и в том и в другом романах Е. Пермяк счел необходимым ввести рассказчика. «Сольвинские мемории» автор сам определяет как роман-пересказ, а желающих вступить в «Царство Тихой Лутони» уведомляет на пороге повествования, что в основу романа им положена «устная повесть», будто бы рассказанная ему неким Лаврентием Матвеевичем Рябинкиным...»¹

В канун полувекового юбилея Советской власти Евгений Пермяк задумал, а в начале второй половины шестидесятых годов осуществил давний замысел — большой многоплановый роман в двух книгах «Горбатый медведь».

Теперь почти единодушным во всех статьях о Евгении Пермяке является утверждение, что писатель — мастер исторического романа, а «Горбатый медведь» — самое значительное его произведение в этом жанре. Роман этот в самом деле явился итогом многолетних трудов писателя, занятого поисками синтеза времен, связей их между собой, и не раз обращавшегося в своих маленьких романах к прошлому во имя познания настоящего и поисков путей к будущему.

В первой книге романа «Горбатый медведь» Евгений Пермяк занят больше всего раскрытием процесса внутреннего формирования своего юного героя Маврикия Толлина. Здесь и детство мальчика, сына мещанина из города Перми, выписанное в традиционной манере, и его развитие, раннее повзросление под влиянием обстоятельств, времени и людей, открывавших глаза на мир, на сложные людские и общественные взаимоотношения.

«Чем дальше вчитываешься в роман, — писал Николай Асанов, — тем яснее видишь, что и в новом произведении Евгений

¹ С. Соложенкина. Чтобы утру родиться помочь... — Лит. Россия, 1980, 11 июля, № 28, с. 11.

Пермяк использовал чуд о. Только на этот раз не сказочное, а реально подготовленное революционной работой подпольной партии большевиков.

Мальчик тянется к хорошим людям. А хорошие люди ведут тяжелую битву за его будущее. Они ничего не могут сказать мальчику о своей борьбе, но среди унылых обывателей и копеечников он инстинктивно находит этих борцов и все ближе подходит к ним... Роман доведен до апрельских дней семнадцатого года, когда бывший подпольщик Бархатов приезжает в Мильву уже под своим именем в качестве эмиссара ленинской партии. И Маврик уже повзрослел, он уже совершил первый революционный подвиг, сорвав с горбатого медведя корону и утопив ее в мильвенском пруду, он и сам уже чувствует себя «политическим»... И мы прощаемся с маленьким героем, как и с его взрослыми друзьями, с некоторым сожалением. Они хорошо жили и трудились в романе, и нам хочется узнать их дальнейшие судьбы»¹.

Воспоминания о детстве Маврика хотя и привлекали преимущественное внимание писателя, но все-таки включались в повествование об истоках революционной борьбы на Урале. В первой книге автор тщательно выписывал и быт Мильвы, и суровые патриархальные нравы, и обычаи старинного уральского городка, трудное пробуждение его от провинциальной спячки. Писатель выступает здесь и как талантливый психолог и бытописатель, сумевший «органично сплотить процесс формирования личности своего юного героя с событиями, предшествовавшими Октябрю»².

Вторая книга романа, по наблюдению Лидии Фоменко, значительно динамичнее, проникнута борьбой классов, «держится» на нарастании событий, когда на какое-то время чуть ли не совсем выпадает из поля нашего внимания Маврикий Толлин... «Автор сталкивает Толлина с самыми острыми, с самыми сурово-яростными событиями. Логика борьбы как будто убедительно вела его к большевикам»³.

«Если в первой книге Маврик был по преимуществу свидетелем происходящего, — пишет Игорь Мотяшов, — то теперь он все более становится непосредственным участником событий.

¹ Н. Асанов. Горбатый медведь. — Лит. Россия, 1965, 6 авг., № 32.

² Л. Фоменко. — Москва, 1967, № 8, с. 213.

³ Там же.

Ему посчастливилось оказаться на Втором съезде Советов, увидеть Ленина, услышать исторический залп «Авроры»...»¹

Действие романа Евгения Пермяка происходит не только в маленькой уральской Мильве на старом «казенном» заводе, а и в Петрограде, и в Тобольске, и в Тюмени, и в Омске, и в Кулундинских степях... Писатель показывает, какими трудными путями шла Россия к победе нового общественного строя, какую роль сыграли большевики на этом пути, как складывались характеры людей, разбуженных революцией и шедших ее дорогой.

И была глубоко права критика, когда утверждала, что «Горбатый медведь» — «это роман событий, причем событий напряженных, часто драматических. И в то же время это и роман судеб, рассказ о людях, чьими глазами события эти увидены. История, пропущенная через сердце, — вот что составляет основу произведения. Только так, собственно, и можно писать широкое историческое полотно... Именно события, показанные изнутри, глазами героев, и заинтересовывают нас больше всего, хотя роману не откажешь и в чисто внешней занимательности»².

Оценивая роман Евгения Пермяка как значительное явление современной прозы, раскрывшее новую революционную страницу нашей истории, Сергей Баруздин писал в «Правде»:

«Горбатый медведь» — роман о сложных судьбах народа, о естественно закономерном пути его в революции, о борьбе очень разных людей за революцию и против нее. Становление характера человека нового времени — вот, пожалуй, главная тема романа. Вторая книга «Горбатого медведя» начинается октябрьскими днями в Петрограде и продолжается эхом великой революции на Урале. Через разные сложные судьбы людей писатель показывает, как нелегко далась Советской власти главная победа в человеческих душах, в признании Советов как единственно справедливой формы народного государства...

Признаюсь, мне нравится «Горбатый медведь» и по манере письма, и по яркому уральскому колориту, и по той подлинно сказочной «пермяковской» языковой стилистике, которой всегда отличаются лучшие книги Евгения Пермяка для взрослого и юного читателя»³.

¹ И. Мотышов. Возвращение в Мильву. — Известия, 1967, 30 марта, № 70, с. 3.

² Соложенкина. Наш друг Маврикий Толлин... — Лит. Россия, 1967, 17 февр., № 8, с. 11.

³ С. Баруздин. Судьбы народные. — Правда, 1967, 17 янв., № 17, с. 4.

В заключительный том собрания сочинений Евгения Пермяка вошли его рассказы, сказы и сказки, созданные в разное время, начиная с сороковых годов, и много раз публиковавшиеся в последние три десятилетия. Все они занимают важное место на пути писателя к художественной зрелости. Написаны они о труде, о торжестве высоких нравственных начал, написаны рукою зрелого мастера, рассказчика доброго и умного, признанного создателя вечно живой и современной сказки.

«Писатель создает живые и одухотворенные образы людей труда, — писал Олег Добровольский. — Они как бы неторопливо проходят пред нами — все эти рудознатцы, рудобои, доменщики, бурщики, мастера, мастерицы, народные умельцы, кузнецы, плотники, пахари, охотники, косари, старатели-золотоискатели, лесники... Мы видим мудрых стариков, сильных и гордых молодых красавиц, женщин Урала, Сибири. И написаны сказы и сказки чистым, прекрасным языком. По их страницам рассыпаны, точно уральские самоцветы, народные слова, обороты речи, «пословицы-присловицы»...¹

Не вошло в собрание сочинений многое из того, что создано писателем за последние годы. К циклу «уральских романов» Евгения Пермяка добавлен новый — «Очарование темноты», написаны новые рассказы, сказы и сказки. В начале семидесятых годов вышла в свет лирико-публицистическая книга «Мой край», в которой автор создает образ родного Урала и признается в любви к нему.

Долгой и трудной дорогой шел Евгений Пермяк к созданию книги о жизни и творчестве Павла Бажова. Не написать ее он не мог, но и рождалась книга непросто. Это — не литературоведческий очерк о жизни и творчестве писателя, не критическое эссе, даже не совсем воспоминания. «Долговекий мастер» — повествование о большом художнике, певце рабочего Урала. Здесь личность писателя и человека Павла Петровича Бажова предстает во всем неповторимом обаянии, в рассказах о его доброте, человечности, филигранном мастерстве, замыслах и свершениях.

«Стыдно признаться, — обращается в этой книге к современникам Евгений Пермяк, — но многие, наверно и я, не оцени-

¹ О. Добровольский. Подарил мастер. — Правда, 1980, 28 февр., № 59, с. 3.

вали в полную силу при жизни Павла Петровича его огромное недоцветшее дарование. И я теперь, трепетно выстукивая на машинке эти покаянные строки, заново перечитав все написанное, до писем, до речей, заметок, до переслушивания восстанавливаемых в слуховой памяти его устных повестей, рассказов и романов, начинаю понимать, с каким корифеем я жил рядом и как мало из всего услышанного от него могу пересказать...

И не только одиночки, но и многие из окружения Павла Петровича считали его уделом, повторяю, только сказы. Потому что если не всем, то большинству из них не были известны те «устные заготовки», которыми широко делился со мной замкнутый и застенчивый Павел Петрович. Пусть я не был для него ровней, но был благодарным слушателем, с которым можно отводить душу и, рассказывая ему устное произведение, как бы переписывая его, а переписывая, обогащать новыми сюжетными поворотами и находимыми во время этой устной «переписки» новыми деталями, которые, как мне казалось, только что пришли ему в голову»¹.

В книге «Долговекий мастер» тщательно выписывается образ мудрого и талантливого, доброго и чуткого человека и художника. Автор этой книги исполнен бесконечного уважения к автору «Малахитовой шкатулки», раскрывшему тайны сказа. Но Павел Бажов предстает перед современным читателем еще и как художник неисчерпаемых возможностей, как романист, как исторический повествователь.

И Павел Бажов приходит к сегодняшнему читателю как бы обновленным, раскрывается неизвестными ранее гранями своего большого человеческого и художнического таланта. Именно эти открытия в книге «Долговекий мастер» впервые увидели и оценили земляки писателей — уральцы.

«Свойственное творчеству самого Е. Пермяка мастерское умение дружеского общения с читателем здесь особенно действенно. Мы входим вместе с автором в скромный бажовский дом, незримо присутствуем при его беседах, запоминая много нового, интересного. Путешествуем вместе с Бажовым по Уралу, встречаемся с ним в Москве. Впервые читаем многие его письма, полные глубины, остроумия, иногда грусти, — бажов-

¹ Е в г. П е р м я к. Долговекий мастер: О жизни и творчестве Павла Бажова. — М.: Дет. лит., 1974. — с. 86.

ские письма, открывающие новые и новые грани его облика и несвершенные творческие планы...

Это, последнее, думается, придает особую значимость книге Е. Пермяка. Настойчиво, горячо и убедительно он показывает: значение Бажова не только в том, что он создал. Оно не ограничивается сказами, как бы прекрасны они ни были. Значение Павла Петровича Бажова — и в его широких и разносторонних замыслах, оставленных как завещание, как творческая эстафета писателям наших и завтрашних дней»¹.

Книга «Долговекий мастер» написана как книга ученика об учителе. Это — низкий поклон большому человеку, писателю, учителю.

«Я не был учеником и тем более продолжателем и преемником П. П. Бажова, — считает Евгений Пермяк, — однако именно Павел Петрович оживил во мне дремавшее с детства... Именно он укрепил веру в неиссякаемость «литературного рудника», каким является Урал, его люди и особенно — р а б о ч и й к л а с с.

Теперь я сам в его годах и как он сожалею, что мною очень мало сделано, и радуюсь, что настоящие большие произведения об Урале ждут своих творцов».

¹ Б. Крупаткин. О «Долговеком мастере». — Уральский рабочий, 1974, 7 марта, с. 4.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЕВГ. ПЕРМЯК. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 4 ТОМАХ.— Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1977—1979.

Т. I. 1977.— 544 с.

Содерж.: Сказка о сером волке; Старая ведьма; Последние заморозки.

Т. II. 1978.— 608 с.

Содерж.: Горбатый медведь.

Т. III. 1979.— 560 с.

Содерж.: Сольвинские мемории; Царство Тихой Лутони; Яггород.

Т. IV. 1979.— 480 с.

Содерж.: Бабушкины кружева; Уральские были-небыли; Семьсот семьдесят семь мастеров; Волшебные истории; Дедушкины очки; Тонкая струна; На все цвета радуги; Памятные узелки; Маленькие лукавинки.

2. КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

АЗБУКА НАШЕЙ ЖИЗНИ/ Рис. И. Кабакова.— М.: Детгиз, 1963.— 128 с., 75 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Дет. лит., 1966.— 166 с., 75 000 экз.

АЗБУКА НАШЕЙ ЖИЗНИ/ Рис. Ю. Смольникова.— М.: Дет. лит., 1968.— 112 с., 100 000 экз.

АЗБУКА НАШЕЙ ЖИЗНИ/ Рис. А. Борисова.— М.: Дет. лит., 1972.— 120 с., 100 000 экз.

АХ! — Пермь: Кн. изд-во, 1959.— 16 с., 50 000 экз.

АХ! — М.: Детский мир, 1960.— 10 с., 200 000 экз.

Содерж.: Ах!; Надина ласточка; Как Тата голос выплакала; Кто?; Для чего руки нужны; Ослик; Перо и чернильница.

БАБУШКИНЫ КРУЖЕВА: Маленькие романы и рассказы.— Новосибирск: Кн. изд-во, 1967.— 212 с., ил., 50 000 экз.

Красный вагон; Дочь луны; Страничка юности; Шоша-шерстобит; Щучий остров; Счастливое крушение; Саламата; Бабушкины кружева.

ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ: Рассказы о пятилетних планах.— М.: Молодая гвардия, 1958.— 128 с., 80 000 экз.

ГОРБАТЫЙ МЕДВЕДЬ: Роман. Кн. I.— М.: Сов. писатель, 1965.— 440 с., 100 000 экз.

ТО ЖЕ.— Кн. II.— М.: Сов. писатель, 1967.— 424 с., 100 000 экз.

ГОРБАТЫЙ МЕДВЕДЬ: Роман. Кн. I, II.— М.: Сов. писатель, 1968.— 664 с., 100 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Сов. писатель, 1971.— 656 с., 200 000 экз.

ДВОЙКА: Рассказы.— М.: Дет. лит., 1966.— 182 с., 100 000 экз.

ДЕДУШКИНА КОПИЛКА: Сказки/ Рис. *О. Невзорова, А. Семенцова.*— М.: Мол. гвардия, 1957.— 158 с., 100 000 экз.

ТО ЖЕ.— 2-е изд.— М.: Мол. гвардия, 1958.— 158 с., 100 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Мол. гвардия, 1964.— 192 с., 300 000 экз.

ДЕДУШКИНА КОПИЛКА: Сказки/ Рис. *А. Семенцова-Огневского.*— М.: Мол. гвардия, 1972.— 190 с., ил.

Содерж.: Кто мелет муку; Как Огонь Воду замуж взял; Как самовар запрягли; Кто мелет муку; Фока — на все руки дока; Пропавшие нитки; Про дедушку Само; Д е д у ш к и н ы о ч к и; Тайна цены; Рукавицы и топор; Дедушкины очки; Малия с золотой медалью; Дорогая ласточка; Семь сот семьдесят семь мастеров: Трудовой огонек; Самоходные лапотки; Золотой гвоздь; Мыльные пузыри; Две пословицы; Мать-мачеха; Про торопливую Куницу и терпеливую Синицу; Филя; Для чего руки нужны; Про нос и язык; Торопливый ножик; Мыльные пузыри; Бумажный змей; Ежиха-форсиха; Гусь лапчатый; Толковая муха; На все цвета радуги: Свечка; Луна, Лужица и Белмо на вороньем глазу; У кольца нет конца; Уральская побасенка; На все цвета радуги; Шантон-болтон; Пять зерен; Удочеренная яблонька; Сказка о большом колоколе; Семь королей и одна королева; Мелкие калоши; Белая бабочка; Зоркий слепец; Про два колеса; Мелкие калоши; Неуступчивые сестры; Скрипучая дверь; Шумливое море; Четыре брата; Вечный король; Пастух и скрипка; Некрасивая елка.

ДЕТСТВО МАВРИКА: Повесть/ Ил. *О. Коровина.*— М.: Дет. лит., 1969.— 288 с., 75 000 экз.

ДЛЯ ЧЕГО РУКИ НУЖНЫ.— М.: Детский мир, 1958.— 10 с., 225 000 экз.

ДОЛГОВЕККИЙ МАСТЕР: О жизни и творчестве Павла Бажова.— М.: Дет. лит., 1974.— 222 с., ил., 30 000 экз.

То же.— 2-е изд.— М.: Дет. лит., 1978.— 206 с., 50 000 экз.

ЗАМОК БЕЗ КЛЮЧА: Уральские были-небыли/ Рис. *И. Кузнецова.*— М.: Детгиз, 1962.— 96 с., 115 000 экз.

Содерж.: Сказка-присказка про родной Урал; Быль-небыль про Железную гору; Шумливое море; Замок без ключа; Болтливая молния; Чернозанаева памятка; Штраф за штраф; Березовая роща; Долговеккий мастер; Ребячий песельник; Про дедушку Само; Про Силу и Правду; Недовольный человек.

ЗОЛОТАЯ СОРОКА: Представление в 3-х действиях с музыкой, пеннем и танцами/ Музыка к пьесе *М. Марутаева.*— М.: Искусство, 1960.— 110 с., 4000 экз.

ИГОЛКИНЫ БРАТЯ/ Худож. *П. Швец.*— М.: Малыш, 1964.— 22 с., ил., 150 000 экз.

ИГОЛКИНЫ БРАТЯ/ Ил. *Ю. Кулькова.*— М.: Малыш, 1971.— 22 с., ил., 150 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Малыш, 1975.— 24 с., ил.

Избранное: Романы, рассказы, сказы и сказки/ Вступ. ст. В. Гура.— М.: Сов. писатель, 1981.— 624 с., 100 000 экз.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: т. I, II/ Вступит. ст. В. Полгорацкого.— М.: Худ. лит., т. I. 1973.— 525 с., т. II.— 559 с., ил.

КАК СОЛНЦЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКУЮ ЛАМПОЧКУ ЗАЖГЛО/ Рис. Б. Алимова.— М.: Детгиз, 1962.— 20 с., ил., 100 000 экз.

КАК ЧЕЛОВЕК ПОКОРИЛ МОРЕ/ Рис. И. Кабакова.— М.: Детский мир, 1960.— 13 с., 200 000 экз.

КЕМ БЫТЬ?: Правдоподобное описание путешествия автора и его юных друзей по многим и многим профессиям, с путевыми зарисовками одного из героев книжки, в двенадцати тетрадах и девяносто шести главах/ Под ред. и с предисл. док. тех. наук В. В. Данилевского. Рис. А. Кокорина и Н. Смолянинова.— М.: Мол. гвардия, 1946.— 282 с., 50 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Мол. гвардия, 1948.— 344 с., 90 000 экз.

ТО ЖЕ.— Свердловск, 1948.— 232 с., 10 000 экз.

КЕМ БЫТЬ?/ Худ. С. Водков.— Доп. и перераб. изд.— М.: Мол. гвардия, 1956.— 448 с., 90 000 экз.

КОЛОСОК/ Рис. Т. Звонаревой.— М.: Детгиз, 1961.— 16 с., 200 000 экз.

КТО МЕЛЕТ МУКУ: Сказки/ Рис. М. Успенской.— М.: Детгиз, 1960.— 21 с., 300 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Детгиз, 1962.— 16 с.— (Моя первые книжки).— 1 350 000 экз.

МОЙ КРАЙ: Рассказы, очерки, истории, были и небыли о стране чудес и несметных сокровищ.— М.: Сов. Россия, 1970, 256 с. + 24 л. ил., 50 000 экз.

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ: Рассказы и сказки/ Рис. Л. Хайлова, Н. Лапшина.— М.: Детгиз, 1959.— 224 с.— (Школьная б-ка).— 100 000 экз.

В сборник вошли рассказы из книги «Тонкая струна» и сказки из сборника «Дедушкина копейка».

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ: Рассказы и сказки/ Рис. Д. Хайкина.— М.: Детгиз, 1961.— 192 с., 100 000 экз.

НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА: Рассказы и сказки/ Худ. В. В. Медведев.— М.: Сов. Россия, 1969.— 80 с., ил., 50 000 экз.

Содерж.: Саламата; Голландские луковицы; Дефицитное дарование; Как я через лапты в люди вышел; О трех сердцах; Трухлявое болотце; Золотые колечки; Неблагодарный человек; Страшная черепаха; Солнечный подарок; Туфли Голя; Ведьма в стеклянном тереме; Счастливый прибор.

НАШЕ ГОСУДАРСТВО/ Рис. И. Кошкарева.— М.: Дет. лит., 1971.— 48 с., 150 000 экз.

ОТ КОСТРА ДО КОТЛА/ Рис. А. Иткина.— М.: Детгиз, 1959.— 14 с., 125 000 экз.

ТО ЖЕ.— М., Дет. лит., 1971.— 14 с., 150 000 экз.

ОЧАРОВАНИЕ ТЕМНОТЫ: Роман.— М.: Сов. писатель, 1976.— 400 с., 100 000 экз.

ОЧАРОВАНИЕ ТЕМНОТЫ: Романы. М.: Известия, 1980.— 604 с., 228 000 экз.

Содерж.: Царство Тихой Лутони, Очарование темноты.

ПАМЯТНЫЕ УЗЕЛКИ: Сказки/ Ил. Г. Соловьевой, И. Фатеевой.— М.: ИХЛ, 1967.— 348 с., 30 000 экз.

Содерж.: Семьсот семьдесят семь мастеров; Маркел-Самодел и его дети; Как Огонь Воду замуж вял; Как Самовар запрягли; Фока — на все руки дока; Семьсот семьдесят семь мастеров; Трудовой огонек; Золотой гвоздь; Рукавицы и топор; Тайна цены; Дедушкины очки; Самоходные лапотки;

Маяр с золотой медалью; Дорогая ласточка; Волшебные краски; Перо и чернильница; Уральские были-небыли: Сказка-присказка про родной Урал; Быль-небыль про Железную гору; Чертогаева памятка; Штраф за штраф; Болтливая молния; Про дедушку Само; Березовая роща; Про Силу и Правду; Замок без ключа; Долговекий мастер; Недовольный человек; На все цвета радуги: Некрасивая елка; Пастух и Скрипка; Первая улыбка; На все цвета радуги; Сказка о большом колоколе; Удочеренная Яблонька; Пять зерен; Семь королей и одна королева; Королева Буль-Буль; Памятник уzelки: Неуступчивые сестры; Для чего руки нужны; Мать-мачеха; Пропавшие нитки; Свечка; Ежиха-форсиха; У кольца нет конца; Хитрый коврик; Шумливое море; Вечный король; Четыре брата; Скрипучая дверь; Кто мелет муку; Чугун и Сталь; Про два колеса; Луна, Лужица и Бельмо на вороньем глазу; Белая ворона; Про Яблоньку, которая рано зацвела; Белая бабочка; Новое платье королевы; Мыльные пузыри; Шантон-болтон; Мелкие калоши; Мыльные пузыри; Сказ про Газ; Сказка о стране Terra-Ферро.

ПЕРВАЯ ВАХТА: Рассказы/ Рис. *А. Пахомова*. — М.: Детгиз, 1960. — 16 с., 325 000 экз.

ТО ЖЕ. — М.: Дет. лит., 1974. — 16 с., ил., 450 000 экз.

Содерж.: Первая вахта; Для себя; Счастливая труба; Мамина работа; Дежурные сестры; Птичьи домики.

ПЕРВАЯ РЫБКА/ Ил. *О. Васильева*. — М.: Малыш, 1972. — 9 с., ил.

ПЕРВАЯ РЫБКА/ Ил. *А. Брей*. — М.: Малыш, 1974. — 7 с., ил.

ПЕРВАЯ УЛЫБКА: Сказки. — М.: Детгиз, 1963. — 32 с., 115 000 экз.

ТО ЖЕ. — М.: Дет. лит., 1971. — 64 с.

Содерж.: Некрасивая елка; Про Яблоньку, которая рано зацвела; Белая ворона; Про два колеса; Ядовитый дракон; Пастух и Скрипка; Первая улыбка.

ПЕРО И ЧЕРНИЛЬНИЦА: Рассказы/ Рис. *Е. Соколовой*; Оформл. *Б. Кыштымова*. — М.: Дет. лит., 1966. — 32 с., 600 000 экз.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАМОРОЗКИ: Роман. — М.: Сов. писатель, 1965. — 440 с., 160 000 экз.

ТО ЖЕ. — М.: Профиздат, 1969. — 184 с., ил. — (Б-ка рабочего романа) — 100 000 экз.

ПИЧУГИН МОСТ: Рассказы/ Рис. *А. Пахомова*. — М.: Детгиз, 1960. — 16 с., 325 000 экз.

ТО ЖЕ. — М.: Дет. лит., 1972. — 32 с., 1 200 000 экз.

Содерж.: Пичугин мост; Новые имена; Раки.

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ/ Рис. *О. Коровина*. — М.: Дет. лит., 1971. — 400 с., 75 000 экз.

Содерж.: На все цвета радуги; Уральские были-небыли; Семьсот семьдесят семь мастеров; Волшебные истории, Дедушкины очки; Тонкая струна; Памятные узелки; Маленькие лукавинки.

РУКАВИЦА И ТОПОР/ Рис. *Б. Алимова*. — М.: Дет. мир, 1961. — 15 с., 100 000 экз.

СЕГОДНЯ И ВЧЕРА: Избранное. — М.: Сов. писатель, 1962. — 728 с., 100 000 экз.

Содерж.: Сказка о сером волке; Старая ведьма; Последние заморозки; Рассказы; Сказки.

СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ МАСТЕРОВ: Сказки/ Худ. *Н. Моос*. — Свердловск: Кн. изд-во, 1959. — 140 с., 30 000 экз.

Содерж.: Сказка-присказка про родной Урал; Маркел-Самодел и его дети; Фока — на все руки дока; Как Огонь Воду замуж взял; Как самовар запрягли;

Кто мелет муку; Быль-небыль про Железную гору; Про дедушку Само; Болтливая молния; Семьсот семьдесят семь мастеров; Золотой гвоздь; Самоходные лапотки; Тайна цены; Трудовой огонек; Рукавицы и топор; Дорогая ласточка; Дедушкины очки; Белая бабочка; Пропавшие нитки; Уральская побасенка; Притча про сталь и чугун; Шумливое море; Гусь лапчатый; Перо и чернильница; Для чего руки нужны; Про нос и язык; Ежиха-форсика; Про торопливую Куницу и терпеливую Синицу; Две словницы; У кольца нет конца; Четыре брата; Неуступчивые сестры; Мать-мачеха; Скрипучая дверь; Свечка; Удочеренная Яблонька; Березовая роща; Ребячий песельник; Про долгового мастера.

СКАЗ ПРО ГАЗ/ Рис. *И. Кабакова*.— М.: Дет. мир, 1960.— 27 с., 125 000 экз.

СКАЗКА О СЕРОМ ВОЛКЕ: Роман.— М.: Мол. гвардия, 1960.— 223 с., 115 000 экз.

ТО ЖЕ.— В кн.: Сказка о сером волке; Старая ведьма; Последние заморозки: Романы.— М.: Сов. писатель, 1964.— 552 с., 100 000 экз.

СКАЗКА О СТРАНЕ ТЕРРА-ФЕРРО/ Рис. *И. Кабакова*.— М.: Детский мир, 1959.— 68 с., 50 000 экз.

СКАЗЫ-ПЕРЕСКАЗЫ/ Ил. *А. И. Беллюкина*.— М.: Сов. Россия, 1972.— 128 с., ил.

СМОРОДИНКА/ Рис. *П. Асеева*.— М.: Детгиз, 1961.— 16 с., 350 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Детгиз, 1963.— 16 с., 100 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Дет. лит., 1964.— 16 с., 300 000 экз.

Содерж.: Смородинка; Знакомые следы; Хитрый коврик.

СОЛЬВИНСКИЕ МЕМОРИИ. ЦАРСТВО ТИХОЙ ЛУТОНИ: Романы.— М.: Сов. писатель, 1970.— 296 с., ил., 50 000 экз.

СТАРАЯ ВЕДЬМА: Роман/ Рис. *Е. Высоцкого*.— М.: Детгиз, 1961.— 192 с., 115 000 экз.

СЧАСТЛИВЫЙ ГВОЗДЬ: Сказки/ Рис. *Ю. Гусейнова*.— М.: Детгиз, 1956.— 78 с., 30 000 экз.

Содерж.: Маркел-Самодел и его дети; Фока — на все руки дока; Как Огонь Воду замуж взял; Кто мелет муку; Рукавицы и топор; Тайна цены; Самоходные лапотки; Счастливый гвоздь; Негасимый огонек; Семьсот семьдесят семь мастеров; Дедушкины очки; Филя; Пропавшие нитки; Шантон-болтон; Сказка о большом колоколе; Мелкие калоши; Некрасивая елка.

ТАЙНА ЦЕНЫ: Сказки.— М.: Правда, 1959.— 48 с.— (Б-ка «Огонек») — 150 000 экз.

ТВОЙ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ/ Оформл. *И. Долгополова*.— М.: Мол. гвардия, 1960.— 176 с., ил., 35 000 экз.

ТОНКАЯ СТРУНА: Рассказы/ Рис. *О. Коровина*.— М.: Детгиз, 1958.— 100 с., 115 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Дет. лит., 1964.— 152 с., 150 000 экз.

ТОНКАЯ СТРУНА: Рассказы/ Ил. *О. Коровина, Г. Акулова*.— М.: Дет. лит., 1975.— 64 с., ил.

Содерж.: Шарик и Толик; Памятная охота; Темка; Тонкая струна; Разбойники; Египетские голуби; Пальма; Набольший; Славка; Дедушкин характер; Красный вагон; Шестой малахай; Обманное озеро; Мама и мы; Волчок; Балкунчик.

ТОРОПЛИВЫЙ НОЖИК: Рассказы/ Рис. *Т. Звонаревой*.— М.: Детгиз, 1957.— 16 с., 300 000 экз.

ТО ЖЕ.— 1959.— 16 с., 1 300 000 экз.

ТО ЖЕ.— 1963.— 16 с., 300 000 экз.

ТО ЖЕ.— М.: Дет. лит., 1975.— 16 с., 1 800 000 экз.

Содерж.: Торопливый ножик; Первая рыбка; Как Маша стала большой; Самое страшное; Как Миша хотел маму перехитрить; Про нос и язык.

ТРУДОВОЙ ОГОНЕК: Сказки.— М.: Трудрезервиздат, 1959.— 70 с., 55 000 экз.

УРАЛЬСКИЕ РОМАНЫ.— Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1971.— 468 с., 100 000 экз.— (Уральская б-ка).

Содерж.: Сольвинские мемурии; Царство Тихой Лутони; Последние заморозки.

ЧУЖАЯ КАЛИТКА: Рассказы/ Рис. П. Асеева.— М.: Детгиз, 1962.— 64 с., 150 000 экз.

Содерж.: Первая рыбка; Торопливый ножик; Как Маша стала большой; Как Миша маму хотел перехитрить; Самое страшное; Двойка; Про нос и язык; Бумажный змей; Птичьи домики; Пичугин мост; Для чего руки нужны; Дежурные сестры; Удачливый рыбак; Новые имена; Раки; Чужая калитка; Надежный человек; Смородинка; Знакомые следы; Хитрый коврик; Волшебные краски.

ТО ЖЕ.— М.: Дет. лит., 1971.— 64 с., 100 000 экз.

ЯРГОРОД: Роман.— М.: Сов. писатель, 1973.— 352 с.

ТО ЖЕ.— М.: Сов. писатель, 1975.— 368 с.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Глава первая. Дорогой жизни	
Рабочий человек — его герой	3
В Урале Русь отражена...	9
Сибирь, степи Кулундинские	15
Газета живая, театрализованная	18
Глава вторая. Путешествие в мастерство	
От театрализации к театру	22
Встреча с бабушкой-Урадом	31
«Кем быть?» и «Живинка в деле»	34
Глава третья. Тайна цены	
В сказке как в жизни	44
Для «малых птах»	60
Познание — научное, форма — сказовая	65
Азбука нашей жизни	69
Глава четвертая. Поиски и свершения	
Этажи современности	74
Сказка о сером волке	78
Крушение старой ведьмы	88
Маленькие романы	95
Ступени зрелости	106
Библиография	120

Виктор Васильевич Гура

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

Очерк творчества

ИБ № 6218

Ответственный редактор **А. А. Проворова**. Художественный редактор **И. Г. Найденова**. Технический редактор **Л. Н. Никитина**. Корректоры **Л. Г. Петроченко** и **Ж. Ю. Румянцева**. Сдано в набор 16.12.81. Подписано к печати 26.05.82. Формат 60×84¹/₁₆. А03660. Бум. тип. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,49. Усл. кр.-отт. 10,18. Уч.-изд. л. 7,14+9 вкл. = 7,86. Тираж 50 000 экз. Заказ № 117. Цена 50 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Гура В. В.
Г63 **Евгений Пермяк: Очерк творчества.— 2-е изд.,
испр., доп.— М.: Дет лит., 1982.— 126 с., фотоил.**
В пер.: 50 к.

Очерк творчества известного детского писателя Евгения Андреевича Пермяка.

Г 460300000—362 530—82
М101(03)82

ББК 83.3Р7
8Р2

